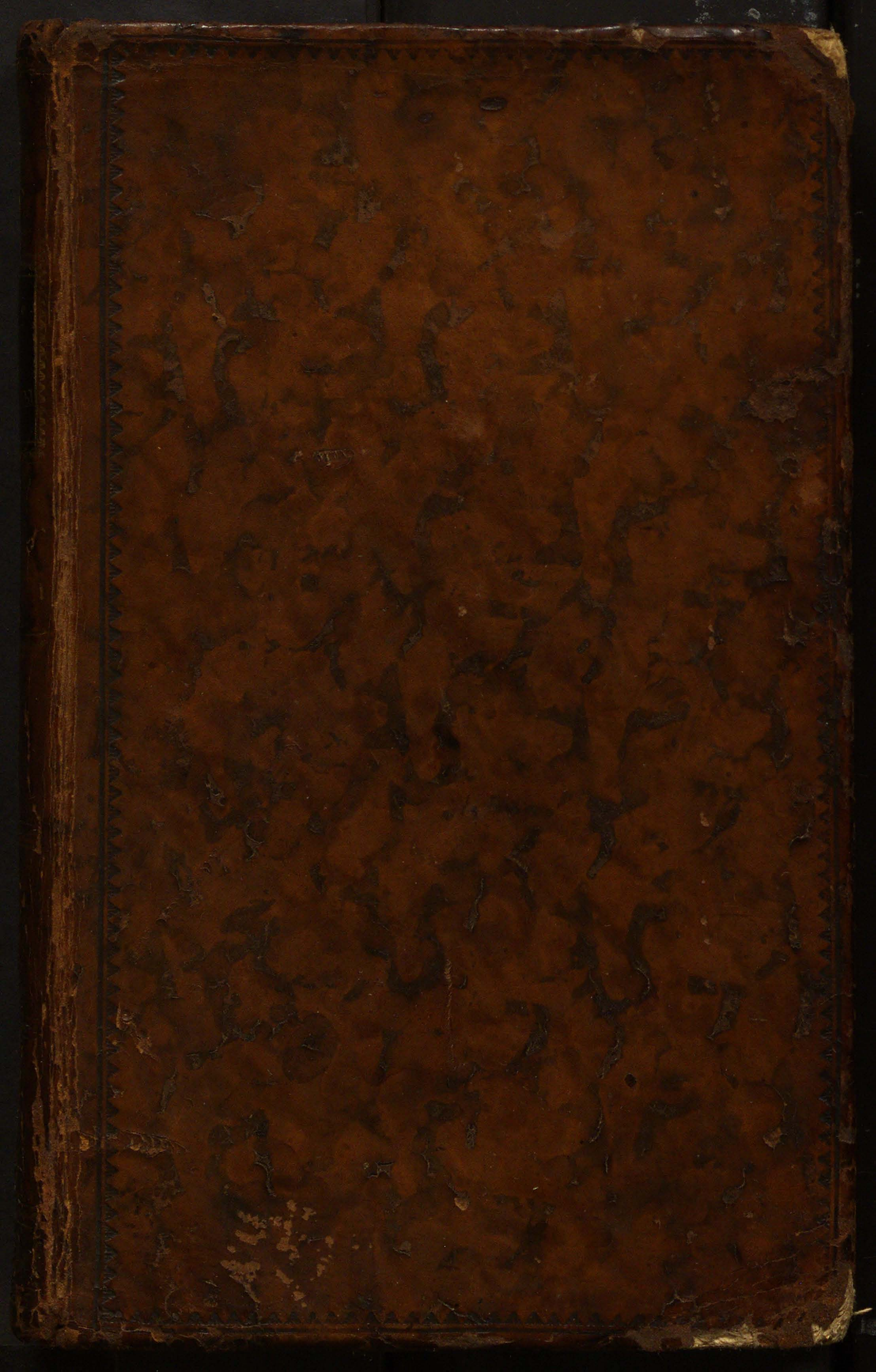


ИСТОРІЯ
НАСѢКОМЫХЪ,

Вредныхъ для человѣка, для скота, для хлѣбопашества и садоводства;

съ

Присовокупленіемъ тѣхъ средствъ, которыми можно ихъ изтреблять, или предохранять себя отъ оныхъ; также пособлять тому злу, которое могутъ они причинить.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,

У Ридигера и Клаудія.

1794.

• • •

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Исторія Насѣкомыхъ, вредныхъ для человѣка, для скота, для хлѣбопашества и садоводства* и проч. и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Професоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насѣкомое есть такое животное, которое не имѣетъ никакихъ костей; у котораго есть хоботъ, или жало, или ротъ; у котораго челюсти отворяются и затворяются не сверху, или снизу, но отъ лѣвой стороны къ правой, или отъ правой къ лѣвой; у котораго нѣтъ рѣсницъ; которое не дышетъ ртомъ, но вбираетъ воздухъ и выпускаетъ его сквозь верхнюю часть своего тѣла, и чрезъ небольшія отверстія, находящіяся подъ боками, извѣстныя подъ именемъ стигматъ, или ранночекъ, и которое какъ будто разсѣчено на разныя части, соединяющіяся одни съ другими посредствомъ тонкихъ волоконъ. Здѣсь, говоря о насѣкомыхъ, будемъ мы особенно разсуждать объ ущербахъ, имъ причиняемыхъ часто земнымъ произведеніямъ; а вмѣстѣ покажемъ и способъ, коимъ можно истреблять сихъ гадинъ.

Сіи животныя не только грабятъ и опустошаютъ поля, но нападаютъ

также и на человѣка, живучи съ нимъ вмѣстѣ, и причиняютъ ему тысячу досадъ; нѣтъ ничего, чегобы они не безобразили. Самые дорогїе домашнїе уборы бываютъ часто загажены мухами. Сїи насѣкомыя никогда не посидятъ на одномъ мѣстѣ. Они болтаются по библїотекѣ, гнѣздятся въ шкафахъ, перелетаютъ изъ покоя въ покой и всегда послѣ себя оставляютъ чувствительные слѣды своего посѣщенїя. Земледѣльцы больше всѣхъ жалки въ разсужденїи обидъ, претерпѣваемыхъ ими отъ насѣкомыхъ. Саранча лишаетъ ихъ обильной жатвы. Сїи прожорливыя насѣкомыя оставляютъ часто отдаленныя земли, перелетаютъ черезъ моря, бросаются милїонами на засѣянныя поля и въ нѣсколько часовъ не оставляютъ ничего.

У Индѣйцовъ гусеницы составляютъ самую жестокую заразу. Они причиняютъ часто превеликой вредъ плодоносным деревамъ. Неся свои яица въ осень, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую весну вылупились, когда лишь только начнутъ деревья разпускаться, такъ иногда повреждаютъ они почки и листья, что не оставляютъ болѣе ни-

никакихъ знаковъ плодородія сихъ деревъ.

Не льзя никакъ изчислить всѣхъ тѣхъ золъ, какія причиняютъ насѣкомыя человѣку: одни безпокоятъ его во снѣ; другія принуждаютъ его не спать цѣлыя ночи: сколько терпитъ онъ отъ блохъ и клоповъ? Комары также причиняютъ ему великое безпокойство; жужжаніе ихъ крайне для него несносно. Съ ихъ стороны терпитъ онъ въ ногахъ своихъ удары, кои хотя и предвидитъ, однако не можетъ избѣжать ихъ.

Изъ тѣхъ насѣкомыхъ, кои могутъ сдѣлаться опасными по причинѣ своихъ жалъ, у однихъ шерсть столько остра, что они ранятъ почти непримѣтно и причиняютъ воспаленіе, которое перемѣняется въ скоромъ времени въ лихорадку; а другія, какъ напримѣръ, пчела и шмель жалятъ помощію своихъ жалъ, и хотя изъ раночки, причиненной ими, и не течетъ ни мало крови, однако болѣзнь очень чувствительна, такъ что на раненомъ мѣстѣ дѣлается большая опухоль. Кромѣ сихъ различныхъ насѣкомыхъ, есть еще и такія, кои

такъ какъ напримѣръ: оводъ, имѣютъ столь острыя и крѣпкія жала, что могутъ проколоть и сквозь перчатки и кожаные чулки; другія, какъ-то: пауки, отличаются своимъ угрызенiемъ; нѣкоторыя наконецъ пристаютъ къ тѣлу и сосутъ изъ него кровь. Такъ называемые капустные червяки причиняютъ особливой родъ безпокойства. Пробравшись сквозь кожи, кладутъ они тамъ свои яица и производятъ у человѣка превеликой зудъ или свербежъ. Волосатикъ есть бичь младенцевъ. Сiе насѣкомое кажется на тѣлѣ не иначе, какъ кончикомъ чернаго волоска, однакожъ такъ сильно дѣйствуетъ, что истощаетъ всѣ ихъ силы и принуждаетъ ихъ плакать безпрестанно день и ночь. Вши въ нѣкоторыхъ особахъ дѣлаются весьма страшною болѣзнiю.

Многiе медики почитаютъ причиною нашихъ болѣзней насѣкомыхъ, коихъ мы вмѣстѣ съ воздухомъ безпрестанно въ себя вдыхаемъ. Всякому извѣстны тѣ пагубныя послѣдствiя, какiя производятъ черви въ дѣтяхъ, а иногда и у возрастныхъ. Ежели они находятся въ желудкѣ, то ино-

иногда причиняютъ чрезмѣрной позывъ на пищу, а иногда крайнее отвращенiе; но обыкновенно страждущiе червями чувствуютъ боль въ сердцѣ, бiенiе его, рвоту, холодной потъ, обморокъ, слабость и удушье: ежели напротивъ гнѣздятся они въ головѣ, то причиняютъ мигрень или боль въ половинѣ мозгу, также обморокъ и безумiе; въ горлѣ дѣлаютъ они колотье, тоску и тошноту; въ мочевомъ проходѣ безпрестанное теченiе мочи; въ ушахъ всегдашнiй шумъ и непрестанную боль, въ ноздряхъ превеликой свербежъ и крайнее желанiе чихать; кратко сказать, они изтребляютъ цвѣтъ лица, дѣлаютъ его блѣднымъ и синеватымъ, а въ рукахъ и ногахъ попеременно то жаръ, то холодъ.

Здѣсь не говоримъ мы о многихъ другихъ болѣзняхъ, произходящихъ отъ насѣкомыхъ; они описаны въ большей части врачебныхъ книгъ.

Насѣкомыя не меньше золъ причиняютъ и другимъ животнымъ; часто скотъ терпитъ ихъ нападки. Находясь безпрестанно въ волѣ ихъ ненасытимости, получаетъ онъ отъ нихъ

такїя ужаленїя, которыя доходятъ до самой крови. Одни остаются у самаго отверстїя раны и сосутъ текущую изъ нее влажность: другїя, не довольствуясь симъ, жалятъ во многихъ мѣстахъ. Такого рода есть муха, у которой жало столь крѣпко, что достаетъ и сквозь кожу сихъ животныхъ. Подѣлавши ранки, кладетъ она тамъ свои яица, кои вылупившись выводятъ червячковъ. Сїи-то червячки дѣлаютъ тамъ тѣ странныя шишки, кои суевѣрїе заставляло почитать нѣкоторымъ родомъ колдовства или порчи. Дворовыя животныя питаютъ также во внутренности своихъ тѣлъ многїе роды насѣкомыхъ. Извѣстно, что часто лошади, пасущїяся на лугахъ проглатываютъ червяковъ, походящихъ много на тыковное сѣмя. Одни изъ нихъ крѣпко пристаютъ къ верхнему отверстїю лошадинаго желудка, и не прежде отстаютъ, какъ когда смѣшаются съ пищею. У собакъ кромѣ обыкновенныхъ червей есть еще и другїе, кои столь малы и тонки, что естьли посмотрѣть на нихъ многихъ вмѣстѣ, то можно почесть за клубокъ нитокъ;

сїи черви пробираются сквозь мохнатую перепонку собачьяго желудка, помѣщаются между ею и мышками, и когда захотятъ ѣсть, то оттуда выходятъ. Вообще можно сказать, что черви причиняютъ много зла скотинѣ; часто она отъ нихъ вдругъ вся пропадаетъ, и не смотря на всѣ лѣкарства и способы околѣваетъ.

Черной жукъ есть насѣкомое, очень опасное для скота. Оно есть истинной ядъ, скрывающїйся въ травѣ. Сей родъ насѣкомыхъ раздуваетъ тѣло животнаго до тѣхъ поръ, что оно наконецъ лопаетъ. Весьма извѣстны тѣ приключенїя, которыя пїявицы могутъ причинить животнымъ, глотающимъ ихъ вмѣстѣ съ водою. Можно сказать безъ ошибки, что часто самая смертность или падежъ скотской произходитъ отъ насѣкомыхъ, кои съѣдаютъ печень у овецъ и барановъ до такого степени, что по разрушенїи сей части слѣдуетъ необходимо разрушенїе и всего тѣла.

Толикое число неудобствъ со стороны насѣкомыхъ заставило искать способовъ къ истребленїю оныхъ. Естьли разсыпать по землѣ золы, смѣшенной

ной съ голубинымъ или козьимъ пометомъ, что можно истребить не только насѣкомыхъ, недавно изъ яйца вылупившихся, но даже и тѣхъ, которымъ скоро потомъ вылупляться надлежало. Ежели истребить насѣкомыхъ въ то время, когда они готовятъ уже свои яица, то чрезъ это освободиться можно отъ того замѣшательства, которое бы они не преминули чинить во все теченіе года; но какъ скоро они уже поклали свои яица и подѣлали гнѣзда, въ такомъ случаѣ надобно уже принять предосторожность и искать ихъ въ бороздахъ и разщелїяхъ древесныхъ. Правда, что насѣкомыя такъ искусно умѣютъ себѣ выбрать мѣста, въ которыхъ бы могли поселиться и жить во всякой безопасности, также и покласть туда свои яица, что никакъ не льзя не избавиться довольному еще ихъ количеству отъ разныхъ поисковъ. Однакожъ по крайней мѣрѣ можно истребить ихъ всегда большую часть. Есть такїе земледѣльцы, которые для истребленїя сверчковъ и саранчи обыкновенно перепахиваютъ поля свои въ осень въ то время, какъ холодъ начнетъ

нетъ быть чувствителенъ. Соха, вскрывающая земли, выбрасываетъ яица на поверхность; отъ чего оныя и пропадаютъ или отъ дождя, или отъ стужи, или наконецъ поѣдаемы бываютъ птицами. Вѣрной способъ избавиться отъ гусеницы, нападающей на плодовитыя деревья, состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ подрѣзывать. Деревья дѣлаются чрезъ то гораздо толще и здоровѣе; а какъ гусеница не любитъ слишкомъ много соку, то желая найти для себя пищу въ другомъ мѣстѣ вкуснѣйшую, оставляетъ подрѣзанныя деревья.

Когда, предъ наступленіемъ зимы, насѣкомымъ надлежитъ убираться кучами въ гнѣзда, которыя они дѣлаютъ на концахъ древесныхъ вѣтвей: тогда надобно ихъ отрывать предъ наступленіемъ весны. Но какъ по большей части способы сіи бываютъ неудобны къ исполненію, то потребно будетъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ хитростямъ.

Ежели гусеницы, муравьи и другія насѣкомыя ползаютъ по землѣ, и не успѣли еще взобраться на вершину плодоносныхъ деревъ, около которыхъ

рыхъ они пресмыкаются, то надлежитъ при подошвѣ сихъ деревъ насыпать золы или мѣлу съ тѣмъ, чтобъ, ежели захочется имъ на деревья, отогнаны были симъ препятствіемъ. Мицальдъ утверждаетъ, что изогнутая солома, глина, шерсть или хлопчатая бумага суть удачныя изобрѣтенія противъ нападковъ насѣкомыхъ. Сію смѣсь кладутъ около всего дерева; и естьли еще къ сему присовокупить нѣсколько какой нибудь смолистой матеріи, то нѣтъ сомнѣнія, что дерево будетъ безопасно. Но какъ скоро насѣкомыя взлѣзутъ уже на растѣнія, кустики и плетни, въ такомъ случаѣ потребна уже рука. Есть такія времена, когда можно гораздо удобнѣе ихъ достать, нежели въ другое время: утреннее, вечернее и дождливое время благопріятно на сей случай. Холодъ и мокрота принуждаютъ насѣкомыхъ сгруживаться: они дѣлаютъ цѣлыя кучи, кои можно раздавить разомъ; но когда сего учинить будетъ не льзя рукою, по причинѣ высоты мѣста, куда они влѣзли: то должно трясти деревья, или сбивать ихъ оттуда шестомъ.

Искус-

XIII

Искуство и трудолюбіе человѣческое изобрѣло тысячу способовъ, могущихъ пособить по крайней мѣрѣ отчасти тому злу, какое могутъ причинить насѣкомыя. Нѣкоторые, разведши въ водѣ нѣсколько меду, вливаютъ его во многія бутылки, которыя ставятъ по равнымъ мѣстамъ; другіе зарываютъ въ сухіе плоды или жито сосуды, обведенные внутри лакомъ. Посредствомъ первой приманки насѣкомыя утопаютъ, а посредствомъ втораго способа свергаются они въ такую пропасть, изъ которой какъ сами не могутъ избавиться, то хозяинъ можетъ ихъ побросать или въ огонь, или въ кипятокъ. Другія сѣти, которыхъ успѣхъ всегда почти вѣренъ, что касается до предохраненія плодовъ древесныхъ отъ насѣкомыхъ, есть клей, коимъ обмазываютъ пни деревъ.

Для истребленія саранчи найдено самое простое средство. Вырывши ровъ шириною и глубиною въ аршинъ, многіе начинаютъ бѣгать по полю съ правой и съ лѣвой стороны и продолжаютъ гоняться за сими насѣкомыми до тѣхъ поръ, когда всѣ они попада-

ютъ

ютъ въ ровъ, гдѣ они задыхаются. Самое лучшее на сей случай время есть то, когда у саранчи нѣтъ еще по причинѣ ея молодости крыльевъ, или когда роса, замочивши ихъ крылья, препятствуетъ ими пользоваться. Во всякое другое время саранча можетъ улетѣть, и слѣдственно всѣ усилія и труды останутся тщетными.

Всякой знаетъ, что свѣжая солома, каждой день перемѣняемая на постели, есть лѣкарство отъ блохъ. Дымъ также прогоняетъ сихъ насѣкомыхъ, или по крайней мѣрѣ задушаетъ ихъ, ежели они не успѣютъ скоро удалиться. Куреніе такихъ веществъ, коихъ запахъ вреденъ, есть также надежное средство къ ихъ истребленію. Амбра, оперментъ, сѣра, честнокъ, полынь, мирра, ладанъ, перья совы, жучій пометъ, волосы и рога четвероногихъ животныхъ, суть такія вещества, коихъ курево пагубно для насѣкомыхъ. Можно ихъ еще истреблять или по крайней мѣрѣ прогонять, поливая тѣ мѣста, гдѣ они водятся, известковою водою, или водою съ солью, также водою настоянною или вскипѣв-

шею

шею съ горькими шравами. Сшранно кажешся, что саранча, гусеница и раки вареные производяшъ шакое же дѣйсшвїе. Тожъ дѣлаешъ и бычачья желчь съ водою. Можно наконецъ употреблять и различные яды, какъ-то: мышьякъ, опермениш, чемерицу и перецъ, кои сварены будучи въ молокѣ или водѣ, убиваюшъ насѣкомыхъ.

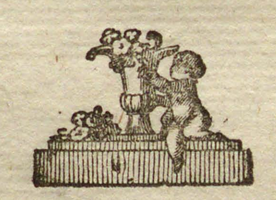
Вода и огонь немедленнѣе шакже изшребляюшъ насѣкомыхъ. Есшьли вода посшоишъ на лугахъ сушки двои, шо вѣрно всѣ муравьи изшребяшся. Ежели лишь горячею водою въ ихъ норы, шо шакже они пропадаюшъ. Ежели саранча и другїя насѣкомыя еще молоды, шо накидавши на землю соломы, должно зажечь оную. Прошивъ мухъ употребляюшъ порохъ; его кладушъ просто въ писшолешъ, не припыживая оной, и когда мухи насядушъ на сахаръ, нарочно для сего пригошовленной: шо изъ писшолеша высшрѣливаюшъ; или исшолокши сахару и пороху вмѣсшѣ, рызсыпаюшъ въ прямой линеи, и какъ довольно насядешъ мухъ, шо съ одного конца зажигаюшъ, причемъ и погибаюшъ прокляшыя сїи насѣкомыя.

Въ статьѣ каждаго насѣкомаго, о которомъ ни будемъ говорить въ семъ сочиненіи, помѣстимъ мы также и всѣ способы, какіе можно употребить къ ихъ истребленію, или по крайней мѣрѣ къ предохраненію себя отъ оныхъ, что и сдѣлаетъ небольшой сей трактатъ весьма полезнымъ. Насѣкомыя, о которыхъ говорить здѣсь мы намѣрены, суть: клопы, вши, блохи, закожной червь, мухи, осы, комары, скорпіоны, пауки, черной жукъ, оводъ, или слѣпень, червь, рожь поядающій; саранча, жуки, виноградной червь, моль, навозной червь, улитки, муравьи; также шмель, мушки — рогатой жукъ, клещь, шпанская муха, ушной червь, сверчокъ, піявица, бабочка и хлѣбные черви, листвяные черви, древоточные черви, гусеница и пр. Мы не будемъ ничего говорить о фамиліи червей, а оставляемъ ихъ для другаго какого либо сочиненія для того, что черви и по мнѣнію славнаго Линнея надлежатъ до другаго класса животныхъ.

Примѣч. перевод. Сочинитель присовокупляетъ, что уже это пятое изъ тѣхъ сочиненій, которыя издалъ онъ

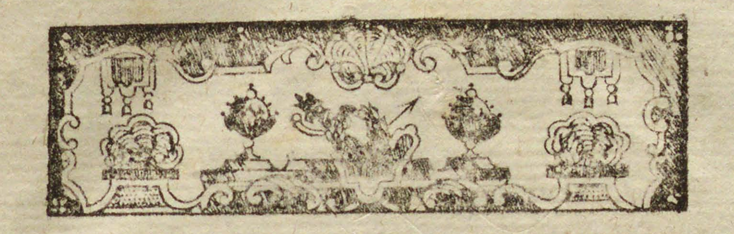
для

для деревенской экономiи. Первое называется: *Невинныя Забавы, или совершенной стрѣлокъ.* Второе: *Физической и Экономической трактатъ о дворовыхъ птицахъ.* Третiе: *Физической и Экономической трактатъ о крупной и мѣлкой скотинѣ.* Четвертое: *Трактатъ о воскормленiи животныхъ, служащихъ для забавы человѣку.* Притомъ признается, что изданiя сихъ сочиненiй всѣ почти разошлись. Наконецъ обѣщается издать и другiе трактаты въ пользу также деревенской экономiи, какъ-то: *Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ; Трактатъ о насѣкомыхъ, полезныхъ въ домоводствѣ; Физической и Экономической трактатъ о вредныхъ четвероногихъ, съ присовокупленiемъ способа истреблять ихъ; Трактатъ о птичьей и звѣриной ловлѣ,* и пр.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛА-



ИСТОРІЯ НАСѢКОМЫХЪ,

Вредныхъ для человѣка, для скота, для хлѣбопашества и садоводства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Клопы.

Нѣтъ ни одного города въ Европѣ, гдѣ бы было столько клоповъ, какъ въ Парижѣ: это самые досадные и самые безпокойные непріятели, какихъ только можемъ мы имѣть ночью лежа на постели; по правдѣ можно назвать ихъ бичами суетности и нѣги. Жаля насъ жестоко, сосутъ они нашу кровь, а притомъ столь воняютъ, что чувства наши и нервы столько же страждутъ отъ негоднаго ихъ запаха, сколько тѣло отъ угрызенія. Насѣкомыя сіи бѣгаютъ или боятся свѣта: днемъ они кроются; но какъ

скоро не будетъ свѣта, и когда они почувствуютъ, что человѣкъ на постели, тотчасъ и выходятъ изъ разныхъ своихъ убѣжищъ, нападаютъ на лежащаго въ постели, мучатъ его безпрестанно и пристаютъ особенно къ его лицу и другимъ частямъ тѣла, у которыхъ кожа мягче и нѣжнѣе. Они также, какъ и комары, охотники до крови и предпочитаютъ извѣстныя нѣкоторыя мѣста другимъ безъ сумнѣнія по тому, что послѣднія оченъ жестки, или что потъ и изпарина, изъ нихъ выходящая, имъ противна. Сколько такихъ людей, которые спятъ посредѣ цѣлыхъ полковъ клоповъ, не чувствуя однако ни малаго безпокойства, или угрызенія, въ то время, какъ другіе бываютъ осыпаны ими и лишаются отъ того покою? Одинъ клопъ бываетъ часто для нѣкоторыхъ превеликимъ мученіемъ. —

Постельной клопъ, о которомъ только и будемъ здѣсь говорить, съ виду и толщины походитъ на чечевичное зерно; онъ коротокъ, плосковатъ, ромбоидаленъ, мякокъ, такъ что удобно можно раздавить его; темнорыжеватъ и испускаетъ весьма непрі-

пріятной запахъ. Въ семъ насѣкомомъ примѣтны три главныя части: голова, грудь и брюхо; на головѣ по обѣимъ сторонамъ видны два малые и темные глаза, нѣсколько выдавшіеся; напереди есть два небольшіе усика, изъ коихъ каждой состоитъ изъ трехъ весьма нѣжныхъ составовъ, а внизу хоботъ, которой подгибается, когда клопъ спокоенъ, а въ серединѣ надутъ; кончикъ его находится между двухъ переднихъ ногъ; грудь состоитъ изъ одного только широкинькаго обручика; съ головою соединяется она малымъ составомъ, и внизу идетъ отъ нее первая пара ногъ. Когда насѣкомое идетъ, тѣло его разширяется; оно состоитъ изъ девяти колецъ, изъ которыхъ первое какъ будто раздѣлено надвое; подъ брюхомъ двѣ послѣднія пары ногъ, изъ коихъ у каждой по три состава; на послѣднемъ составѣ находится острой крючокъ, похожій на удy; все тѣло у клопа гладко, выключая нѣкоторые волосочки, примѣчаемые съ помощію микроскопа. Когда клопъ насосется досыта крови, тогда спина у него нѣсколько вздувается, а брюхо всегда плоско. Самецъ и самка схо-

 дят-

дятся хвостами; самка обыкновенно кладетъ свои яица въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могутъ они удобно высидѣться; изъ яицъ выходятъ маленькïе клопы, которые хотя еще въ то время чуть видны, однако бѣгаютъ крайне скоро.

Зима весьма противна клопамъ; въ холодныхъ климатахъ обыкновенно всѣ они почти погибаютъ зимою; но яица, которыя служатъ къ новому ихъ размноженïю, бываютъ покладены въ такихъ мѣстахъ, которыя такъ способны къ вылупленïю ихъ, что при первомъ наступленïи лѣта яица сïи лопаютъ и выпускаютъ изъ себя малыхъ насѣкомыхъ, кои въ нихъ заключались. Изъ всѣхъ насѣкомыхъ клопы можетъ быть суть самые плодороднѣйшие; гнилыя вещества, выходящïя изъ тѣлъ животныхъ, способствуютъ безъ сомнѣнïя ихъ плодовитости. Сïи насѣкомыя весьма успѣшно водятся въ старыхъ строенïяхъ, въ мѣстахъ, находящихся близь курятниковъ, голубятенъ, перепелиныхъ клѣтокъ и печей; ихъ обыкновенно много бываетъ въ старыхъ сводахъ домовъ, въ постеляхъ, а особливо въ еловыхъ кроватяхъ, обшитыхъ старымъ холстомъ,

на

на которыхъ тюфяки не часто перебиваютъ, а солому и сукно рѣдко перемѣняютъ; особливо много ихъ находятъ въ тѣхъ постеляхъ, кои недалеко стоятъ отъ старыхъ стѣнъ и старыхъ книгъ. Клопы живутъ особливо вверьху, въ мѣстахъ сухихъ, стоящихъ на полдень, притомъ въ большихъ и многолюдныхъ городахъ, гдѣ домы о многихъ этажахъ.

Въ древнихъ и новыхъ писателяхъ находится безчисленное множество рецептовъ, которые предписываютъ они намъ наперерывъ одинъ передъ другимъ, желая чрезъ то воспрепятствовать симъ гадкимъ насѣкомымъ нарушать наше спокойствіе; нѣтъ ничего, чегобъ они на сей случай не употребляли. Масло, жиръ, мазь, обмыванье, куренье, все у нихъ найдешь, даже не выключая и самыхъ талисмановъ, кои велятъ носить на шеѣ. Но самыя дѣйствительныя по словамъ ихъ суть: купоросное масло, смѣшанное съ поваренною солью; куренье табакомъ, сѣрою, ртутью и кожею, такъ какъ и всѣ крѣпкіе запахи. Они говорятъ, что по причинѣ сихъ лѣкарствъ рѣдко найти можно

 кло-

клоповъ у аптекарей; у тѣхъ, которые торгуютъ разными простыми лѣкарствами и у кочевниковъ. Теперь приведемъ мы сюда нѣкоторые изъ сихъ рецептовъ, и будемъ особливо держаться тѣхъ, кои кажутся вѣрнѣе прочихъ.

Положите въ жаровню полную горячихъ угольевъ смолы, называемой галбанумъ, пол унца и столькожъ чортова дерма: вымывши одѣяла, тюфяки и все, что ни есть на кровати, запереть надобно спальню, такъ чтобы и самая труба была закрыта. Сдѣлавъ сію операцію поутру, не прежде вечера отворить надобно горницу. Какъ скоро пойдетъ, говорятъ, запахъ отъ помянутыхъ веществъ, клопы падаютъ и остаются безъ движенія; а ежели и которые и останутся, тѣ дни черезъ два всѣ высохнутъ. Одной унціи сего состава довольно для окуренія двухъ постелей, или двухъ камеръ; а чтобы нѣкоторыя изъ сихъ безпокойныхъ насѣкомыхъ не остались въ живыхъ, то куреніе повторяется. Лучше всего дѣлать сіе можно въ большіе жары. Или:

Взять

Взять унцъ ртути, и пять или шесть яичныхъ бѣлковъ; все это надобно смѣшать и бить въ деревянной чашкѣ пестикомъ до тѣхъ поръ, пока не пропадутъ всѣ шарики ртути; потомъ разобравши всю постелю, брать надобно одну штуку послѣ другой; съ каждой изъ нихъ надобно обмести всю пыль и нечистоту, однако не мыть; послѣ того вымазать всѣ скважины и составы помянутою мазью и дать высохнуть. Съ самаго перваго раза клопы всѣ пропадутъ совершенно; но естьли которые и останутся, то вѣрно по повторенїи сего же дѣйствїя ни одного больше въ живыхъ не будетъ.

Говорятъ еще, что сѣрной запахъ также истребляетъ клоповъ; и такъ взять не много сѣры и положить ее въ глиняной или желѣзной сосудъ; поставивши сосудъ сей посреди спальни, надобно зажечь сѣру, не позабывши прежде затворить всѣ окошки и двери, съ тѣмъ, чтобы запахъ разходился по всѣмъ мѣстамъ и не разсыпался бы внѣ покоя. Иные жгутъ табакъ въ томъ покоѣ, гдѣ есть сїи насѣкомыя, наблюдая притомъ тѣ же предосто-

рожности, то есть, прежде все заперши. Сїе куренїе есть почти несумнительное лѣкарство отъ клоповъ. Другїе разводятъ еще ртуть въ крѣпкой водкѣ на жаровнѣ, которую ставятъ на срединѣ покоя; ртуть и крѣпкая водка испаренїемъ своимъ производятъ такое дѣйствїе, что ни одно насѣкомое ему не можетъ противиться: однакожъ секретъ сей очень опасенъ; крѣпкая водка портитъ домашнїе уборы, и естьли жить очень долго въ томъ покоѣ, не прочистивъ его довольно воздухомъ, то ртуть можетъ вредить здоровью. Однакожъ средство сїе дѣйствуетъ очень скоро, слѣдственно и не должно быть пренебрегаемо, когда хочется очистить отъ всякихъ гадинъ пустой покой, въ которомъ надобно жить.

Слѣдующїй рецептъ также очень хорошъ для изтребленїя клоповъ: взять нашатырю одинъ фунтъ, поташу полтора фунта; известки негашеной полфунта; яри Венецейской четверть фунта, все сїе истолочь въ порошокъ по одиначкѣ, и всыпавши смѣшать поскорѣе въ большой каменной иготи; послѣ сего положить сїю смѣсь въ малой мѣдной

ной кубъ и влить туда пинту доброй водки; покрывши кубъ замазать покрышку глиною и мокрымъ пузыремъ; по томъ и продолжать медленно перегонку сквозь сосудъ, наполненной холодною водою; подобно размоченнымъ пузыремъ затыкать скважины и въ томъ мѣстѣ, гдѣ труба проходитъ въ реципiентъ: для помѣщенiяжъ того, что получишь отъ перегонки, приготовить бутылку, куда положить надобно хрусталей Венецейской яри, превративши ихъ въ самой тонкой порошокъ; по томъ болтать жидкость, полученную отъ перегонки до тѣхъ поръ, пока Венецейская ярь совсѣмъ разпустится.

Желающiй употреблять сiю жидкость долженъ имѣть небольшую трубочку, у которой кончикъ бы былъ такъ тонокъ, чтобы можно изъ нее спринцовать въ самыя тѣсныя скважины: въ семъ случаѣ, говорятъ, что не только насѣкомыя околѣваютъ въ одну минуту, но и самыя ихъ яица такъ отъ того портятся, что уже насѣкомыя въ нихъ созрѣть никакъ не могутъ.

Слѣдующiй способъ для истребленiя клоповъ очень также нохваляется:

взять мѣру самой лучшей двоеной водки и столькожъ свѣжаго недавно перегнанаго скипидару, или терпентиннаго спирту; смѣшавши все хорошенько вмѣстѣ, положить туда полунца камфоры, разбивши ее на маленькіе кусочки, которые черезъ нѣсколько минутъ разойдутся; перемѣшавши довольно все, обмочить въ сей составъ губку, или намочить имъ щетку, которою обметать и тереть всѣ мѣста на постели, гдѣ есть клопы; всѣ они отъ сего помрутъ не изключая и самыхъ яицъ.

Дворянинъ Алексисъ упоминаетъ въ своихъ секретахъ о слѣдующей мази, могущей изтребить клоповъ, кои гнѣздятся въ щеляхъ и составахъ постельныхъ. Надобно взять, говоритъ онъ, фунтъ полыни, масла обыкновеннаго и воды довольное количество; все это варить до тѣхъ поръ, пока вода вся выпарится; потомъ слить масло, съ которымъ смѣшать довольное количество жиру для составленія мази. Сею мазью надобно тереть тѣ мѣста, гдѣ есть клопы. На сей же конецъ употребляютъ и Неаполитанскую мазь, которая состоитъ изъ свинаго сала, или жиру и ртути, такъ какъ

и сѣрныя капли; другіе берутъ полыннаго соку и стараго деревяннаго масла; варятъ ихъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока сокъ весь выпарится, а масло сливаютъ; въ немъ разводятъ сѣру и мажутъ сею смѣсью постели и скважины на стѣнахъ.

Дѣйствительнѣйшимъ лѣкарствомъ отъ клоповъ почитается также аспидное и рыбное масло, которымъ мажутъ тѣ мѣста, гдѣ водятся сіи насѣкомыя. Можно также тереть кровати сокомъ гнилаго лимона, или старыхъ огурцовъ, кои нарочно гноятъ для сѣмень; говорятъ, что сокъ сей умерщвляетъ клоповъ. Совѣтуютъ еще въ семъ случаѣ мыть кровать крѣпкимъ уксусомъ съ воловьею желчью, а подъ подушку класть полыни.

Другіе говорятъ, что надобно взять кипарисныхъ орѣховъ; истолокши ихъ налить на нихъ сверху пальца на два масла; выставить сію настойку на сутки въ хорошую п году на солнце, по томъ выжавши изъ орѣховъ масло, мазать имъ постелю. Утверждаютъ также, что очень хорошо мазать кровати саломъ изъ самаго стараго жаркаго. Подобно увѣряютъ,

что

что не будетъ клоповъ, естьли сварить рыбьяго клею, и вымазать имъ всѣ щели и составы постели.

Алдровандъ весьма похваляетъ цыновки, кладомыя подъ постелю; какъ скоро будетъ свѣтъ, клопы тотчасъ туда убираются; и такъ стоитъ только перетрясти сіи цыновки, клопы падаютъ на землю, и легко можно ихъ тогда давить. Чѣмъ сіи рогожи или цыновки старѣе, тѣмъ лучше, потому что какъ у клоповъ обоняніе весьма остро и тонко, то запахъ ихъ подобныхъ привлекаетъ туда толпами. Пауки ѣдятъ клоповъ, ежели только могутъ достать ихъ. Клопы истребляютъ иногда сами другъ друга; они очень плотоядны и ѣдятъ съ жадностію своихъ товарищей, когда только могутъ.

Когда внутренность у клопа будетъ проколота и высосана жаломъ или хоботомъ его товарищей, тогда скелетъ его походитъ на ту кожу, которую онъ повсягодно скидаетъ. Когда клопы такимъ образомъ истребляютъ другъ друга, то конечно напрасно говорятъ, что одинъ только человѣкъ воюетъ съ подобнымъ себѣ; а про-

прочія животныя щадятъ другъ друга. Г. Кавалеръ Линней, говоря о разныхъ клопахъ, водящихся въ Швеціи, думаетъ, что надлежало бы постараться изслѣдовать, не найдутся ли между полевыми клопами такіе роды, которые внесены будучи въ домы, могли бы изтребить постельныхъ клоповъ. Хоботъ у сихъ клоповъ, какъ онъ описываетъ, толстъ, согнутъ крючкомъ и дѣлаетъ весьма чувствительную рану; все насѣкомое продолговато, гладко и черно; они летаютъ очень проворно, часто находятся въ домахъ; когда держишь ихъ въ рукахъ, то отъ нихъ пахнетъ; шумъ ихъ походитъ на нѣкоторой родъ крика.

Въ домахъ находятъ также и куколку, производящую сего клопа; куколка обыкновенно валяется въ пыли и сору; она походитъ на нечистаго паука или на движущуюся маленькую глыбу земли; однакожъ долгіе ея усы, состоящіе изъ четырехъ или пяти составовъ, и хоботъ ея, походящій на хоботъ совершеннаго насѣкомаго, даютъ ее знать.

Естьли ее тронуть перомъ, то пыль и соръ удобно сваливаются на

полъ,

полъ, и тогда видна бываетъ вся форма клопа, выключая, что нѣтъ еще у него крыльевъ, и что лап и толще, нежели у совершеннаго насѣкомаго. Они бываютъ красноватые и черноватые —

Г. Жфроа еще повѣствуетъ, что въ лѣсахъ находятъ темноватыхъ клоповъ, которые гораздо больше постельныхъ, и которыхъ запахъ крайне противенъ; у нихъ есть крылья; они столько же любятъ кровь, какъ и предъидущіе, и помощію своего хобота сосутъ ее изъ гусеницъ, мухъ и другихъ насѣкомыхъ; естьли не поймать ихъ осторожно, то они укусятъ и человѣка Говорятъ, что вообще монахи Шартріоскіе избавлены отъ клоповъ; видимая сего причина, какую можно представить, есть та, что они не выходятъ, а притомъ кельи ихъ и платье очень чисты; почему въ то время, какъ служители ихъ страдаютъ безпрестанно отъ клоповъ, монахи не чувствуютъ ни малаго безпокойства.

Въ нѣкоторыхъ гошпиталяхъ, желая избавиться отъ сей несносной гадины, вздумали было вмѣсто деревянныхъ кроватей дѣлать желѣзныя: но же-

желѣзныя кровати только что прочнѣе деревянныхъ, и вотъ одно ихъ преимущество; чтожъ касается до клоповъ, то ни мало имъ не препятствуютъ, потому что клопы могутъ помѣститься и въ другомъ мѣстѣ кромѣ деревянныхъ кроватей. Продолжатель Жофроевой матеріи-медики говоритъ, что онъ испыталъ нѣкогда съ успѣхомъ извѣстныя нѣкоторыя растѣнія и листья, кои шероховаты и съ иглами: листья кладутъ подъ подушку или подъ перину, и поутру находятъ клоповъ, лежащихъ между иглами.

Г. Пармантье, Штабъ-Аптекарь въ гошпиталѣ инвалидовъ обнародовалъ въ 1773 году нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій, касательно до способа, коимъ можно изтреблять клоповъ. За нѣсколько предъ симъ, говоритъ онъ, считали травку, называемую *Thlaspi arvense*, истребляющею клоповъ. Сей писатель пользовался и самъ ею въ гошпиталѣ инвалидовъ, гдѣ клоповъ очень много, не смотря на чистоту и опрятность, тамъ находящуюся; однакожъ она не произвела желаемаго успѣха; правда, что количество клоповъ умень-

уменьшилось, однакожъ корень ихъ еще остался.

Послѣ сего Г. Пармантье прибѣгнулъ къ другимъ растеніямъ такого же роду, каковы суть рѣдька и проч. Онъ велѣлъ ими тереть тѣ мѣста, гдѣ по мнѣнію его должен ствовали скрываться клопы. Сіи насѣкомыя отъ части оттуда вышли и побѣжали далѣе. Въ послѣдствіи времени перегналъ онъ сіи самыя травы. Жидкость, произшедшая отъ сей операціи, будучи употреблена посредствомъ губки, произвела еще скорѣйшее и вѣрнѣйшее дѣйствіе. Г. Пармантье примѣтилъ также, что сильной или крѣпкой запахъ болиголовы имѣетъ свойство не только прогонять, но и умерщвлять клоповъ. Я далъ нѣкогда, говоритъ онъ, нѣкоторымъ изъ выздоравливающихъ нашихъ солдатовъ, коихъ каждую ночь осыпали клопы, перечистить нѣсколько сей травы; мнѣ вздумалось посѣтить ихъ ввечеру и посмотрѣть со свѣчью, не располагались ли сіи неугомонныя насѣкомыя напасть на старыхъ нашихъ гренадировъ: они меня увѣряли, что клоповъ не стало и половинной противъ прежняго доли. Многіе

тїе изъ нихъ терли свои постели противуцынготными травами; другїе дѣлали изъ нихъ отваръ. Все это имъ помогало, однакожъ никогда не льзя было изтребить сихъ гадинъ совершенно.

Перегнатая вода сихъ растенїй, присовокупляетъ Г. Парманть́е, гораздо лучше самыхъ растенїй, по тому ли, что не льзя во всякое время запастись сими растенїями, или по тому, что гораздо легче проникаетъ вода во всѣ скважины кровати и во всѣ згибы занавѣса, такъ что не для чего бояться, чтобъ разныя матерїи, находящїяся на постели, не замарались; да притомъ и запахъ отъ воды гораздо сильнѣе. Запахъ сей можно сдѣлать еще дѣйствительнѣе, ежели вливши воду сїю въ какой нибудь сосудъ, поставить на огонь, и открывши занавѣсъ распускать его по всей постели. Сей паръ конечно будетъ превосходнѣе паровъ металлическихъ, о которыхъ говорено выше, потому что нѣтъ въ немъ ничего вреднаго. Ф. Козьма увѣрялъ Господина Парманть́е, что онъ выгналъ изъ покоя клоповъ куренїемъ ладану, такъ что они больше послѣ не явля-

 лись

лись. Давно уже знаютъ, что куренїе табаку также изтребляетъ клоповъ. Въ помянутомъ Инвалидномъ домѣ есть одна комната, въ которой курятъ табакъ безпрестанно; тутъ никогда клоповъ не увидишь.

Другое наблюденїе относительно до кломорительной силы помянутыхъ травъ есть то, что страждущїе цынгою и употребляющїе сїи травы почти совсѣмъ клоповъ не имѣютъ въ то время, какъ товарищи ихъ, страждущїе сею же самою болѣзнїю и лежащїе въ одной и той же залѣ, но неупотребляющїе сихъ противу цынготныхъ травъ, весьма страждутъ отъ сихъ насѣкомыхъ.

Въ 1774 году въ книгѣ подъ названїемъ: *Разсмотрѣнная Природа*, обнародовали лѣкарство, какъ говорили, вѣрное и притомъ малостоющее отъ клоповъ, кои могутъ находиться въ покояхъ. Прежде, нежели переидешь жить въ сїи покои, надобно закрыть трубу накрѣпко и забить ее соломою, двери и окошки также затворитъ плотно, потомъ поставить посреди покоя жаровню съ горячими угольями, въ жаровню положить желѣзную сковороду,

роду, на которой бы было два унца куительнаго табаку и три унца растолченой сѣры, все это покрыть чѣмъ нибудь, чтобы пламя не выходило. Примѣтивши, что сковорода начинаетъ испускать дымъ, тотчасъ надобно выйти, затворить дверь и всѣ скважины затыкать бумагою съ тѣмъ, чтобы дымъ не нашелъ ни малаго выхода изъ покоя. Черезъ сутки вѣрно всѣ насѣкомыя перемрутъ, и заглянувъ въ ихъ убѣжища ничего больше не найдешь, кромѣ ихъ труповъ. Естьли не слишкомъ нужно входить въ покой, то лучше еще подождать сутки двои, дабы паръ или куреніе изчезло безъ помощи наружнаго воздуха и проникло какъ можно во всѣ скважины стѣнъ. Ежели въ покоѣ были какія нибудь мебели или уборы, то надлежало всѣ ихъ вынести, потому что сѣра можетъ попортить цвѣты или краску ихъ, и прежде внесенія ихъ въ покой всѣ хорошенько перечистить.

Въ 1776 году публикованъ въ *Ганноверскихъ извѣстіяхъ* способъ для изтребленія клоповъ и другихъ насѣкомыхъ: взявъ нѣсколько орѣховыхъ листьевъ, варить ихъ около получаса

въ довольномъ количествѣ воды, которую выливъ въ другой сосудъ надобно выжимать листья, чтобы вся влажность изъ нихъ вышла; послѣ сего надобно тереть симъ отваромъ кровати и стѣны, въ коихъ клопы водятся. Авторъ сего метода увѣряетъ, что отваръ оной для клоповъ и другихъ насѣкомыхъ есть совершенной ядъ, отъ котораго всѣ помрутъ. Отваръ изъ незрѣлыхъ зеленыхъ орѣховъ, вареныхъ такимъ же образомъ, производитъ такое же дѣйствіе. Сими двумя отварами можно истребить земляныхъ червей и другихъ насѣкомыхъ; стоитъ только поливать ими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся помянутыя насѣкомыя. Авторъ говоритъ, что рецептъ его превосходенъ.

Для истребленія сихъ насѣкомыхъ можно еще воспользоваться и слѣдующими надобьями: взять покрѣпче мыльной воды, въ которой варить довольное количество растенія, называемаго райскими яблоками, и полыннаго масла. Растеніе послужитъ въ семъ случаѣ губкою для доставленія мыльной воды въ скважины кроватей. Вода истре-

бля-

бляетъ яица, умерщвляетъ животныхъ. Или:

Взявъ цѣлаго кролика, варить его и съ кожею на жаровнѣ фунтахъ въ двухъ воды: надобно стараться, чтобъ кроликъ весь разварился, такъ какъ бы хотѣли достать изъ него клей; воду процѣдить сквозь толстое полотенцо и выжать, ежели можно, самыя кости, ежели разварятся. Симъ клеемъ надобно обмазывать всѣ мѣста, гдѣ есть клопы.

Г. Кавалеръ Линней считаетъ цѣлые сорокъ три вида клоповъ, изъ которыхъ одни питаются въ навозѣ, другїе кормятся растенїями, а нѣкоторые живутъ на поверхности воды. Красные клопы находятся въ великомъ множествѣ при подошвѣ деревъ. А чтобы насѣкомыя сїи не разсѣялись по листьямъ и плодамъ, надобно ихъ раздавливать или заливать кипяткомъ, или наконецъ засыпать толченою известкою, разведенною въ теплой водѣ.

ГЛАВА II.

Вши.

Вошь есть насѣкомое яицеродное, безъ крыльевъ, родящееся на тѣлѣ человѣка, четвероногихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и на самыхъ растеніяхъ; отличительной ея характеръ состоитъ въ томъ, что у нее шесть лапъ, два глаза, одинъ усъ и простое брюхо. Говоря о семъ родѣ насѣкомыхъ, начнемъ мы съ исторіи о тѣхъ вшахъ, кои водятся на человѣческомъ тѣлѣ; въ семъ случаѣ должны мы слѣдовать ученому Шваммердаму, которой изъ всѣхъ авторовъ одинъ писалъ весьма разумно и обстоятельно о семъ насѣкомомъ. Вошь состоитъ изъ головы, груди и брюха, весьма примѣтныхъ: голова спереди имѣетъ фигуру нѣсколько продолговатую, а сзади круглую; она покрыта довольно твердою кожею, похожею на пергаминъ, прозрачною и покрытою мягкими волосками; на переднемъ кончикѣ помѣщено маленькое жало, которое рѣдко видимо, потому что всегда почти скрыто бываетъ внутри; съ двухъ сторонъ головы выходятъ два усика, покрытые

такоюже кожею, и состоящїе каждой изъ пяти составовъ, усаженныхъ маленькими волосками; а какъ усики также прозрачны, то и можно примѣтить въ нихъ нѣкоторые бѣлые сосуды; за усиками видны два черные выдавшїеся глаза, у которыхъ кажется нѣтъ тѣхъ шести-угольныхъ граней, какїя примѣтны въ глазахъ другихъ насѣкомыхъ, но только что видны около маленькїе волосочки.

Шея, на которой держится голова, очень коротка; часть, соединяющаяся съ шеею, кажется какъ раздѣлена на три доли, посреди которыхъ виденъ кверху нѣкоторой родъ щита; пониже съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ шесть ногъ, соединенныя съ грудью; каждая нога имѣетъ по шести составовъ не равной величины, съ тонкими волосками, кои такъ прозрачны, что внутрь ихъ видны многїе бѣловатые сосудцы; на концѣ у всякой ноги есть по два копытца, кои служатъ щипчиками симъ насѣкомымъ, пособляющими держаться за волосы, и весьма скоро ползать вдоль ихъ; при центрѣ составовъ, находящихся между ногами и грудью, находится коротинькая бѣловатая

тая трубочка, у которой кончикъ нѣсколько темноватой виденъ сквозь колечки брюшка. Она движется весьма сильно. По сторонамъ примѣтны другія маленькія частички также прозрачныя, которыя уходятъ далеко въ грудь Брюшко раздѣляется на шесть частей и кончится нѣкоторымъ родомъ раздвоеннаго хвостика. Кромѣ сего по срединѣ брючка находится бѣловатая частица, похожая на точку и прозрачная, движущаяся примѣтнымъ образомъ вверьхъ и внизъ, а по краямъ брюшка, которое вездѣ обложено тонкою шерстью, примѣтны нѣкоторыя красноватыя тѣльца также прозрачныя, и довольное количество малыхъ бѣлыхъ сосудцовъ, разсѣянныхъ по всему брюшку, что также видно на спинкѣ и нагруди. Наконецъ кожа на брюшкѣ вся исписана маленькими трубочками, или дорожками, такъ какъ у насъ бываетъ на концахъ пальцовъ. Однакожъ не вездѣ таково сложеніе, а особливо по краямъ; потому что кожа довольно тверда, прозрачна и похожа на пергаминъ, такъ что будучи зжата лопаетъ.

Что касается до анатоміи внутреннихъ частей, то естьли проколоть

осто-

осторожно кожицу брюшка къ верьху, брызнетъ кровь оттуда, которую принявъ въ тониньку стеклянную трубочку, и посмотрѣвши на нее съ помощію хорошаго микроскопа, примѣтишь, что она состоитъ, такъ какъ коровье молоко, изъ прозрачныхъ шариковъ.

Подъ кожею примѣтны различные мускулы, долженствующіе приводить въ движеніе кольчики брюшка, и сіи мускулы, изъ которыхъ одни пошире, а другіе поуже, простираются иногда отъ одного кольчика къ другому; потому что иные изъ нихъ подольше, другіе покороче. Но больше всего мускуловъ находится по краямъ брюшка; почему и движеніе въ семъ мѣстѣ сильнѣе, а притомъ тутъ же находятся и трахеи, или воздушные сосуды, служащіе испаренію. Трахеи сіи видны подъ мускулами съ жиромъ, однако Шваммердамъ никогда не могъ примѣтить ни малѣйшаго знака сердечка въ верхней части брюшка, какъ-то случается у другихъ насѣкомыхъ; хотя и говоритъ, что съ крайнимъ раченіемъ искалъ сердечка у сихъ насѣкомыхъ, но все тщетно; а сіе произходитъ можетъ быть отъ крайней его тонкости, или

отъ безпрестаннаго движенія брюшка, находящагося въ сердечкѣ, которое не перестаетъ ни на секунду. Тѣ части, которыя Шваммердамъ почитаетъ жиромъ, очень обильны, и одни изъ нихъ больше, а другіе меньше. Фигура послѣднихъ шарообразна, а первыхъ неправильна; они прозрачны, такъ какъ желе и какъ все тѣло. —

Но главную часть сего насѣкомаго составляютъ раздѣленія, и какъ бы отрасли трахей; ихъ находится безчисленное множество въ головѣ, въ груди, въ брюшкѣ, въ ногахъ и въ самыхъ усикахъ. Также примѣчено, что воздушные сіи сосуды соединяются во многихъ мѣстахъ между собою помощію жира; всѣ они бѣловаты и видны сквозь тѣла въ различныхъ мѣстахъ. А причина, по которой они такъ видны сквозь кожи, есть та, что цвѣтъ ихъ серебровидѣнъ и походитъ на жемчугъ, что составляетъ прекрасное въ живомъ насѣкомомъ зрѣлище. Цвѣтъ сей хранятъ они и тогда, когда будутъ вынуты изъ тѣла, потому что составъ ихъ таковъ, что они всегда открыты. Сложеніе сіе состоитъ изъ двухъ родовъ вещества: одна часть состоитъ

итъ изъ колецъ, которыя похожи на хрящи, находящіеся въ дыхательномъ горлѣ человѣка; и при помощи микроскопа весьма легко можно примѣтить, что сіи кольца не однократно оборачиваются около самихъ себя для содѣланія открытаго канала, хотя не столь много, какъ въ другихъ насѣкомыхъ, потому что здѣсь они короче. Притомъ надобно примѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дыхательное горлышко начинаетъ дѣлиться на многія отрасли, кольцы гораздо больше и дѣлятся по томъ нечувствительно на самыя маленькія. Другая часть перепончата и находится промежъ колецъ, которыя при помощи сей перепонки могутъ удобно стягиваться и растягиваться, что особливо случается въ удивительномъ движеніи брюшка, окруженнаго безчисленнымъ множествомъ трахей. Нѣтъ ни одного насѣкомаго, говоритъ Шваммердамъ, въ которомъ бы удобнѣе можно было видѣть сіи трахеи, не имѣя нужды и въ разнятіи. Не льзя безъ удивленія смотрѣть во вшахъ положенія и теченія крови по сосудамъ, находящимся въ легкихъ. Славной Г. Гукъ прекрасно описалъ

ихъ въ своей *Микрографіи*, хотя не иначе ихъ узналъ, какъ видя только сквозь тѣла животнаго; но Г. Шваммердамъ увѣрился изъ Анатоміи, что сіи роды сосудовъ находятся не только въ головѣ, въ груди и въ брюшкѣ, но простираются даже и въ самыя кишки, въ яичникъ, въ спинной мозгъ, въ головной мозгъ и во всѣ внутренния части насѣкомаго.

У вшей нѣтъ ни рыла, ни зубовъ, ни рта, которой бы кончился въ горло, но одинъ только хоботъ, или лучше сказать острое пустое жальцо, коимъ они прокалываютъ кожу и сосутъ кровь, которою питаются: жальцо сіе столь тонко, что очень трудно разглядѣть его; и не иначе, какъ развѣ по какому нибудь удачному случаю льзя его примѣтить. На концѣ головки примѣтенъ туповатой бугорокъ, которой будучи въ срединѣ пустъ, заворачивается внутрь въ самаго себя, не проходя однако въ тѣло. Такимъ-то образомъ видѣть можно иногда высовывающееся жальцо, которое выходитъ и уходитъ опять почти также, какъ рожокъ у улитокъ.

Пище-

Пищепріемное горло есть весьма тонкой каналЪ, которой тогда только видѣнЪ, когда кровь, всосанная жальцомЪ, проходитЪ вЪ желудокЪ, подлѣ котораго кажется онЪ какЪ будто тоненькая прозрачная ниточка. ЖелудокЪ лежитЪ частію кЪ груди и кЪ спинѣ, но больше кЪ брюшку, надутому отЪ крови. Сквозь кожи кажется онЪ темноватЪ. Часть желудка, находящагося вЪ груди, походитЪ на вилочки сЪ двумя зубчиками, кои не иное что суть, какЪ мѣстныя его прибавленія; но та часть, которая лежитЪ вЪ брюшкѣ, достойна большаго вниманія. Она походитЪ на продолговатой мѣшечикЪ, которой безпрестанно суживается и расширяется. Когда желудокЪ пустЪ, то не имѣетЪ никакого цвѣту и притомЪ прозраченЪ, такЪ какЪ и два его прибавленьица.

ОнЪ состоитЪ изЪ двухЪ перепонокЪ, изЪ которыхЪ наружная толще, а внутренняя тоньше, такЪ какЪ и у всѣхЪ насѣкомыхЪ. Вѣроятно также, что есть и третья, которая должна быть мускуловатая. ВЪ наружной перепонкѣ или оболочкѣ находится безчисленное множество трахей, ко-

ихЪ

ихъ большія отрасли очень примѣтны: внутренняя весьма тонка; а третья, которую полагаютъ между двумя предыдущими, конечно усѣяна мускульными волокнами желудка, при помощи которыхъ производитъ онъ удивительныя свои движенія. На днѣ желудка находится нижнее его отверстіе (*pylore*), отъ котораго идетъ первая тонкая кишка одного съ желудкомъ состава; она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расширяется. Сія кишка изгибается и походитъ на Латинскую букву S, а при концѣ ея видны четыре небольшіе сосуда, которые прямѣе идутъ во вшахъ, нежели въ шелковыхъ червяхъ, довольно длинные и одного съ кишками сложенія. Сіи четыре сосуда суть четыре кишки *слѣпыхъ*, находящихся во всѣхъ кишкахъ, кои всѣ соединяются съ первою кишкою. Послѣ сего слѣдуетъ кишка колонъ, за которою есть нѣкоторое расширеніе; въ семъ мѣстѣ изпражненія принимаютъ свою фигуру; ибо у вшей оныя неправильны и не имѣютъ обыкновеннаго, какъ у другихъ насѣкомыхъ, вида. Ниже сего мѣста находится кишка заднепроходная, оканчивающаяся отверстіемъ на брюшкѣ

шкѣ между раздвоенïемъ хвостика; подъ проходомъ кожа вся въ мягкой шерсти.

Что касается до движенïя желудка, оно удивительно, и не безъ причины можно назвать сïю часть тѣла прямо *животною* въ животномъ, по причинѣ сильныхъ движенïй, зжиманïй и разжиманïй ему свойственныхъ, и на кои не льзя посмотрѣть безъ удивленïя сквозь тѣла, а особливо, когда желудокъ наполненъ, и когда посредствомъ сосанïя входитъ въ него новая кровь. Изъ сего можно удобно себѣ представить, сколько трахеи, разсѣянныя по желудку, сносятъ тогда странныхъ перемѣнъ, коликими различными образами воздухъ, въ нихъ проходящïй, зжимается, волнуется, выгоняется, очищается, перемѣняется и утончается. Сïи чудныя движенïя примѣчаются особенно въ той части чрева, которую Шваммердамъ называетъ *панкреасомъ*, потому что онъ принужденъ повиноваться всѣмъ движенïямъ желудка, съ коимъ соединяется; но сïи движенïя повторяются безпрестанно и до безконечности различествуютъ. —

Что

Что касается до образа, коимъ вошь сосетъ кровь и проводитъ пищу въ свой желудокъ: сїе она дѣлаетъ помощїю своего жальца. Естьли она не поѣстъ одинъ или два дни, и будетъ очень голодна, то стоитъ только положить ее на руку, чтобы увидѣть, какъ она будетъ искать себѣ пищи, которую очень скоро найдетъ, особливо, естьли потереть ее докрасна. Въ то время наклоняетъ она свою голову между двумя передними ногами къ кожѣ руки; она ищетъ на ней какой нибудь скважины, и какъ скоро найдетъ ее, углубляетъ туда свое жальцо; чрезъ минуту можно увидѣть кровь, возходящую вверхъ головы съ такою скоростїю, которая удивляетъ зрителя, смотрящаго въ микроскопъ. —

Послѣ того, какъ кровь, взошедши въ горло, дойдетъ до пищепрїемнаго канала, протекаетъ она въ желудокъ, которой наполняется ею вмѣстѣ и съ своими двумя прибавленїями: въ то время движенїя желудка довольно увеличиваются; потому что когда мускульныя его части будутъ растянуты, то ищутъ случая опять зжаться;

ся; тутъ же примѣчается, что пометъ, оставшійся въ толстыхъ кишкахъ, начинаетъ равно двигаться, и даже часто случается, что вошь извергаетъ его въ одну минуту. Пища, принятая въ желудокъ, движется тысячію различными образами и какъ бы процѣживается сквозь рѣшето посредствомъ зжатія и разширенія; при первомъ взглядѣ можно подумать, что кровь разходится изъ желудка чрезъ различные сосуды въ прочее тѣло: однако явленіе сіе происходитъ отъ кожи, которая не вездѣ равно прозрачна, и отъ самой крови, которая не одноцвѣтна. Черезъ нѣсколько часовъ пища становится нечувствительно темнѣе или черноватѣе и помаленьку убываетъ: кишки отчасу растягиваются отъ помету, которой иногда какъ будто раздѣляется на маленькіе шарики; причина сему та, что кишки зжимаясь поперемѣнно извергаютъ сей пометъ въ различное время.

Мы не будемъ говорить здѣсь о мускулахъ, служащихъ движенію ногъ и головы, ни о спинномъ мозгу, состоящемъ изъ трехъ примѣтныхъ раздѣленій; ни о нервахъ, кои изъ него

выходятъ, раздѣляются по мускуламъ ногъ и по всѣмъ черевамъ, коимъ сообщаютъ жизнь, чувствованіе и движеніе; ни о головномъ мозгѣ, съ твердою его оболочкою, ниже наконецъ объ оптическихъ нервахъ; потому что всѣ сіи предметы доказать больше, или меньше трудно.

Шваммердаму не возможно было примѣтить, есть ли между вшами особливо самцы и самки, такъ какъ между другими насѣкомыми; однакожъ онъ говоритъ, что примѣчалъ нѣкогда, что вши влѣзаютъ однѣ на другихъ, только не могъ онъ видѣть ничего изъ разнятія; но напротивъ того въ цѣломъ сорокѣ, коихъ разнималъ, находилъ онъ яичникъ, или маточникъ, что и заставило его вѣрить, что животныя сіи имѣютъ оба пола, такъ какъ улитки: яичникъ сей распространяется по всему брюшку, однако имѣетъ особенное отъ задняго прохода отверзтіе. Въ яичникѣ находятся зрѣлыя и непоспѣвшія еще яица, такъ что Шваммердамъ нащиталъ въ одномъ десять большихъ и сорокъ четыре маленькихъ яицъ.

Сей великой Испытатель Природы видѣлъ въ самой маткѣ яйцо совершенное,

ное, которое скоро уже должно быть снесено. У всѣхъ вшей есть по двойному яичнику, и каждая часть раздѣляется на пять каналовъ, кои всѣ соединяются въ одинъ общїй, за которымъ слѣдуетъ матка, гдѣ яйцо получаетъ послѣднее свое совершенство. Подлѣ матки находится мѣшечикъ съ клеемъ, которой служитъ къ обмазанїю яицъ, по мѣрѣ какъ они несутся.

Яица вшиныя суть то, что мы вообще называемъ *гнидами*; но надобно примѣтить, что яйцо сїе или гнида есть точно самая вошь, которая вылупаясь изъ своей перепонки, какъ скоро излишняя мокрота выпарится, тотчасъ становится способною къ рожденїю; и сїя-то скорость, съ которою она раждаетъ непосредственно, какъ только вылупится изъ яйца, заставила нѣкоторыхъ шутя сказать, что черезъ сутки вошь бываетъ прабабкою. Однако въ самомъ дѣлѣ надобно сказать, что животныя сїи размножаются до безконечности весьма въ короткое время: но сїе бываетъ только тогда, когда яица ихъ находятся въ тепломъ и влажномъ мѣстѣ, и когда гниды не умираютъ; иначе всегда случается, что тѣ,

кои родятся ночью, когда волосы теплы, умираютъ днемъ, когда выдешь съ открытою головою на холодной воздухъ, и что приставши къ волосамъ и будучи въ такомъ положеніи нѣсколько мѣсяцовъ, теряютъ наконецъ наружной свой видъ, которой дотолѣ имѣли.

Вши водятся во всѣхъ частяхъ человѣческаго тѣла, но особливо въ головѣ младенцовъ; ихъ много также въ одеждѣ у бѣдныхъ, нищихъ, матросовъ, солдатъ и вообще у всѣхъ неопрятныхъ, у коихъ мало рубашекъ, или кои рѣдко ихъ перемѣняютъ. Поелику насѣкомыя сіи сосутъ кровь, прокалывая кожу, то и причиняютъ они на ней шишки, кои обращаются въ болячки, а иногда и въ золотуху. Случалось, что многіе страдали смертельною болѣзнію, происходящею отъ безчисленнаго множества вшей, родящихся на тѣлѣ, и которыя вездѣ проѣдали его до самыхъ костей. Исторія представляетъ довольное число людей, пораженныхъ вшивою болѣзнію, кои вживѣ съѣдены были вшами; сія-то болѣзнь составляла третью казнь, которую послалъ Богъ на весь Египетъ. Линней говоритъ, что онъ нигдѣ не на-

нахаживалъ больше и крупнѣе вшей, какъ въ Фалунскихъ рудокопахъ, что въ Швеціи, въ уѣздѣ Далекарліи.

Овіедо примѣтилъ, что въ одномъ градусѣ широты вши покидаютъ Гишпанцовъ, ѣдущихъ въ Индію, а потомъ при возвращеніи ихъ опять нападаютъ на нихъ въ томъ же мѣстѣ; да и въ самомъ дѣлѣ хотя слуги и матросы, коихъ очень много на корабляхъ, весьма неопрятны, однако ни у одного изъ нихъ не бываетъ вшей, когда они доѣдутъ до тропиковъ и пріѣдутъ въ Индію: сколько кто ни неопрятенъ, вши водятся только въ головѣ у него; но онѣ опять размножаются, когда путешественники достигнутъ до высоты острововъ Мадерскихъ при проѣздѣ своемъ изъ Америки въ Европу. —

Хотя вши толико мерзки, однако есть люди, кои ѣдятъ или грызутъ ихъ съ жадностію. Докторъ Гавріилъ Клаудеръ упоминаетъ объ одномъ человѣкѣ, которой съ удовольствіемъ ѣлъ живыхъ, недавно пойманныхъ вшей. Сему человѣку отъ роду было шестьдесятъ лѣтъ; онъ родился въ военное время и воспитанъ въ одной деревнѣ отъ своихъ родителей, кои бы-

ли бѣдные крестьяне. Смотря по обстоятельствамъ принужденъ онъ былъ вести жизнь бѣдную, скрываясь въ лѣсахъ вмѣстѣ съ своими родственниками для избѣжанія наглостей солдатъ, кои чиня частыя нападенія, похищали у нихъ всё или били ихъ палками. По смерти своихъ родителей удержалъ онъ съ своими лѣтами и дикой свой характеръ, и хотя жилъ нѣкогда въ своей деревнѣ между людьми, однако большую часть своея жизни провождалъ въ лѣсахъ и пустыняхъ. Разумъ его помрачился, и онъ неоднократно давалъ знаки меланхолическаго своего скотства, когда между прочимъ ѣлъ свои вши съ удовольствіемъ, такъ какъ прекрасное какое нибудь кушанье. Притомъ извѣстно, что Негры, живущіе на Западномъ берегу сея части свѣта, любятъ, чтобъ жены ихъ искали у нихъ вшей, коихъ сколько ни найдутъ, всѣхъ поѣдаютъ. Татаровъ и Готтентотовъ, кои ѣдятъ вшей, называютъ *Ѳирофагами*; симъ же именемъ зовутъ обезьянъ, кои великія до нихъ также охотницы.

Докторъ Францискъ Паулиній повѣствуетъ, что въ Вестфальскомъ гер-

герцогствѣ близь одной деревни нашелъ онъ молодаго свинаго пастуха, сидящаго подъ плетнемъ, которой скинувъ съ себя все платье чесалъ голову и все тѣло сверху и снизу, сзади и спереди, проливая слезы; а какъ онъ спросилъ его, отъ чего онъ плачетъ, то тотъ, не отвѣчая ни слова, указалъ ему только на цѣлую стаю животныхъ, кои вились около головы его. Докторъ Паулиній, подошедши поближе къ сему пастуху, постарался поймать одного или двухъ изъ сихъ насѣкомыхъ, кои кусали его до крови. Разсматривая ихъ со вниманіемъ, примѣтилъ онъ, что то были вши о шести ногахъ, черныя и съ крыльями; величиною онѣ были съ обыкновенныхъ вшей, водящихся въ свиньяхъ, и летали или толклись въ воздухѣ, издавая нѣкоторое жужжаніе. Пастухъ въ тоже время сказалъ Доктору Паулинію, что онъ получилъ сихъ насѣкомыхъ отъ пасомаго имъ стада, и что ежели стадо его вываляется по своему обыкновенію въ извѣстной нѣкоторой грязной лужѣ, то не преминетъ принести къ нему ихъ цѣлой рой. И въ самомъ дѣлѣ Докторъ Паулиній нашелъ

тамъ нѣсколько тысячь сихъ насѣкомыхъ; только не могъ онъ узнать отъ крестьянъ, всякой ли годъ въ одно и тоже время, то есть около конца мѣсяца Іюля, тамъ онѣ показываются. Сей анекдотъ имѣетъ нѣкоторое подобіе съ тѣмъ, что историки, послѣдуя Діодору Сицилійскому, повѣствуютъ, касательно до *Акридофаговъ*, или питающихся саранчею. Употребляя сію пищу, живутъ они лѣтъ до сорока, но послѣ всѣ почти умираютъ вшивою болѣзнію, вши съ крыльями разъѣдаютъ ихъ, тѣло ихъ согниваетъ и они умираютъ съ великимъ мученіемъ.

Авторы говорятъ, что для предохраненія себя отъ вшей надобно употреблять мясо сочное, напитки здоровые, наблюдать чистоту и опрятность, а особливо естьли кто носитъ шерстяное платье, кратко, вести во всемъ діэту.

А чтобъ помочь въ самой болѣзни, Іеронимъ Меркуріэль утверждаетъ, что нѣтъ ничего въ семъ случаѣ полезнѣе и дѣйствительнѣе неоднократнаго принятія слабительнаго или чистительнаго; однакожъ надобно признать-

знаться, что болѣзнь сія столь упряма, что противится всѣмъ почти, какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ лѣкарствамъ: между первыми славятся особливо чесноќъ, горчица, теріакъ, оленій рогъ, пища соленая, кислая, грубая и проч; а между послѣдними совѣтуютъ употреблять примочки, ванны, состоящія изъ рѣчной или, что еще лучше, изъ морской воды, потому что вода сія больше очищаетъ; свекольной сокъ, порошокъ изъ чернильныхъ орѣшковъ, уксусъ смѣшанной съ морскою водою, щелокъ; наконецъ мази и припарки. Но дѣйствительнѣйшія противъ вшей лѣкарства суть вшивой порошокъ, сѣра, табакъ, ртуть, киноварь и проч.

Маппъ въ Исторіи своей объ Элзацкихъ растеніяхъ увѣряетъ, что вшивой порошокъ, насыпанной въ голову подъ вечеръ, когда надобно ложиться спать, истребляетъ вшей, только чтобъ голова была въ колпакѣ.

Противу вшей очень также славится слѣдующая помада: взять соку шелудивой травы *scabieuse* полунца, порошку бѣлой чихотки полтора золотника,

жика, терпентину унцЪ и столько же свинаго сала. При недостаткѣ сей помады можно мыть всю тѣло уксусомЪ и луковнымЪ отваромЪ. Можно также взять амарантовыхЪ листьевЪ, кои варить вЪ щелокѣ и отваромЪ симЪ мыть голову тому, у кого есть вши. —

Ежели хочется истребить гнидЪ, то надобно сдѣлать мазь изЪ лавроваго масла, также изЪ масла горькаго миндалю и стараго луку, взявЪ каждаго по два унца; вшивыхЪ сѣменЪ *semen sabadilli*, соку дикой рябины по полунцу; по два золотника сабуру и мирры; кЪ сему прибавить по золотнику золототысячнику, соли, и сѣры; все это смѣшать и сдѣлать мазь. Прежде употребленія ея надобно вымыть волосы уксусомЪ.

Иные варятЪ еще вЪ горшкѣ олибанумЪ и ветчину до тѣхЪ порЪ, пока не сдѣлается мазь, которою мажутЪ голову.

ГоворятЪ, что вшивая трава сЪ пурпуровыми и желтыми цвѣтами можетЪ причинить вшей животнымЪ, питающимся сѣномЪ, вЪ которомЪ есть сія трава; однакожЪ Лобелій противно сему думаетЪ и утверждаетЪ, что

трава

трава сія изтребляетъ вшей, какъ бы то ни было, но въ Англіи примѣчено, что самая здоровая овца, ѣвшая эту траву на паствѣ, сдѣлалась паршивою и меньше, нежели въ двѣ недѣли съѣдена была вшами.

Вшивое сѣмя имѣетъ силу совсѣмъ сему противную. Опытъ былъ дѣланъ, что нѣсколько золотниковъ сего сѣмени, насыпанные въ волосы одному молодому человѣку, изтребили всѣхъ вшей, такъ что послѣ того никакого больше безпокойства не чувствовалъ, не принимая впрочемъ ни малой предосторожности. Г. Лоттингеръ, Сарребургской медикъ, весьма его похваляетъ въ семъ случаѣ.

Въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ находится, что какъ у одного человѣка была на головѣ большая шишка, изъ которой текла тонкая и клейкая матерія, то присовѣтовали ему посадить на шишку нѣсколько живыхъ вшей и обвертѣть ее полотенцомъ такъ, чтобы вши могли имѣть движеніе, но чтобы нѣкуда имъ было уйти: черезъ нѣсколько времени вши, причиня ему довольно мученія своими жалами, высосали всю

матерію изъ шишки, такъ что не осталось ея никакихъ слѣдовъ.

Другой видъ вшей, водящихся у человѣка, суть *площицы*. Сей видъ, родящійся въ кожѣ, гораздо короче, ширѣ и круглѣе вшей обыкновенных; цвѣтомъ онѣ темнѣе, а тѣломъ тверже. Онѣ разводятся до чрезвычайности, и бываютъ обыкновенно около дѣтородныхъ частей мущинъ и женщинъ; около задняго прохода, подъ мышками и на бровяхъ, но всего чаще въ пахахъ у неопрятныхъ и нечистыхъ; площицы сосутъ также кровь, которою кормятся.

Сначала онѣ столь малы, что почти не льзя ихъ и примѣтить. Онѣ причиняютъ несносной зудъ или свербежъ и красныя пятна, и такъ плотно пристаютъ къ кожѣ, что весьма трудно оторвать ихъ отъ оной; иногда уходятъ онѣ и подъ верхнюю кожицу, гдѣ причиняютъ чрезвычайной свербежъ. Для истребленія площицъ въ одну минуту нѣтъ ничего лучше, какъ меркуріальная Неаполитанская мазь.

Вотъ тѣ два вида вшей, кои безпокоятъ и мучатъ человѣка; другія живот-

вотныя также ихъ имѣютъ Теперь мы опишемъ нѣкоторые изъ сихъ видовъ, последуя господину Жофруа.

Первой видъ содержитъ въ себѣ вшей коровьихъ съ брюшкомъ о восьми поперечныхъ колечекъ. Сей видъ очень малъ, бѣлаго цвѣту. Голова и лапки у нихъ нѣсколько темнѣе; онѣ водятся у коровъ и быковъ.

Другой видъ есть также вши коровьи, но съ брюшкомъ синимъ; онѣ больше первыхъ: лапки у нихъ короче и толще; цвѣтъ на головѣ и груди сѣрой.

Третій видъ составляютъ вши филиновы. — Онѣ очень велики, такъ что имѣютъ четыре линіи въ длину и одну въ ширину: цвѣтъ ихъ изсвѣтла темноватъ, кромѣ брюшка, которое желтовато. Однако края его темноваты, а по срединѣ виденъ, поясокъ въ длину брюшка такого же цвѣту; голова продолговата: усы короткіе, а глаза большіе. На брюшкѣ осмнатцать колечекъ. Вши сіи водятся у одной большой птицы, называемой филиномъ.

Четвертой видъ состоитъ изъ вшей воробьиныхъ. Въ длину онѣ

трехъ

трехъ четвертей линіи: головка толстая, свѣтлая, глаза черные и короткіе усы; грудь тѣсная и одного съ головкою цвѣту: брюшко кругло-продолговато, прозрачно. Онѣ водятся въ воробьиныхъ перьяхъ; молодыя бываютъ всѣ бѣлы кромѣ чернаго пятнышка по срединѣ брюшка.

Пятой видъ суть вши голубиныя. Онѣ долги, тонки такъ какъ нитки, но нѣсколько поширѣ къ концу брюшка; голова ихъ походитъ на веретенцо, съ такими же усиками: брюшко сверьху очень узко, цвѣту избѣла желтоватаго.

Шестой видъ составляютъ вши вороньи; онѣ пригожѣе всѣхъ, ежели только вошь можетъ быть пригожимъ животнымъ. Цвѣтъ по срединѣ сѣроватъ: головка малинькая и черная, усики кривые и назадъ загнутые; шейка коротинькая, лапки также коротинькія, съ черными пятнами, такъ какъ и усики; брюшко продолговато и кругло, нѣсколько плосковатаго, пепельнаго цвѣту. Тѣло у нихъ очень жестко, такъ что можно ихъ давить довольно сильно, не причиняя вреда. Онѣ обыкновенно водятся въ перьяхъ вороньихъ.

Моло-

Молодыя онѣ бѣлы съ малыми черными пятнышками по сторонамъ брюшка.

Седьмой видъ суть вши, водящїяся у Индѣйскихъ куръ; усики у нихъ коротенькїе, головка плосковата, спереди круглая; брюшко состоитъ изъ осьми колечекъ: грудь похожа на сердечко. Редїй говоритъ, что находилъ сей родъ вшей на копчикахъ.

Осьмой видъ состоитъ изъ вшей, водящихся у куръ; края у брюшка ихъ черные, усики малинькїе и животное всегда ихъ движетъ; головка бѣлинькая, спереди кругла: грудь широкая съ уголками по бокамъ; брюшко плоское.

Девятой видъ составляютъ вши, также водящїяся въ курахъ. Грудь и головка у нихъ съ обѣихъ сторонъ острыя; усики весьма короткїе. —

Есть еще безконечное множество и другихъ видовъ вшей; но какъ онѣ гнѣздятся не въ домашнихъ животныхъ, то мы и не станемъ говорить объ нихъ. Вѣрной способъ, для предохраненїя Индѣйскихъ и другихъ куръ отъ сихъ насѣкомыхъ, состоитъ въ томъ, чтобы очищать и обметать всякое утро нашести, на коихъ онѣ

си-

сидятъ ночью, и перемѣнять каждую недѣлю солому или сѣно, которое кладутъ въ гнѣзда куръ и цыплятъ. Что касается до вшей коровьихъ, то лучшее средство есть то, чтобъ почаще осматривать сихъ животныхъ и мыть ихъ щелокомъ; также надобно ихъ купать и клевы ихъ содержать въ чистотѣ: а въ такомъ случаѣ, когда все сїе не поможетъ, прибѣгнуть къ Неаполитанской мази, или къ другимъ лѣкарствамъ, выше сего означеннымъ для изтребленїя вшей въ человѣкѣ.

ГЛАВА III.

Блохи.

Блоха есть родъ насѣкомаго безъ крыльевъ; однако за то у нее есть шесть ногъ, кои служатъ ей въ ходьбѣ и пособляютъ скакать. Изъ роду блохъ извѣстенъ одинъ только видъ, состоящїй изъ тѣхъ, кои водятся у человѣка, а особливо у дѣтей и женщинъ. Насѣкомое сїе есть очень мало; оно несетъ яица, и цвѣтъ ихъ темной: головка почти круглая; изъ роту виситъ долгинькой, острой, по-

похожій на трубочку хоботъ, которымъ она прокалываетъ кожу и сосетъ кровь, коею питается; грудь похожа на маленькой щитъ, брюхо толстое, голова нѣкоторымъ образомъ походитъ на головку обыкновенной саранчи: глаза черные, круглые и очень свѣтлые; на лбу примѣтны два маленькіе рожка, со сторонъ рта и жальца выходятъ переднія ноги, у которыхъ по три состава; онѣ шероховаты и на концахъ имѣютъ по два крючка, служащіе руками симъ насѣкомымъ. Изъ груди выростаютъ другія двѣ ноги, также шероховатыя, но заднія и послѣднія очень мускуловаты и притомъ очень долги; ихъ-то помощію блохи прыгаютъ: крючки у ногъ всѣ стоятъ вверхъ; на спинѣ у блохъ есть шесть твердыхъ и жесткихъ чешуй, а притомъ есть также иглы или волосы. Насѣкомое сіе, смотримое въ микроскопъ, представляетъ страшной образъ. —

Изъ всѣхъ насѣкомыхъ безъ крыльевъ одна блоха превращается, и не выходитъ во всемъ своемъ совершенствѣ или изъ яйца, или изъ чрева своея матери. Сперва она несетъ малень-

кія яички, кои пристаютъ къ самому корню волосовъ у животныхъ посредствомъ нѣкоторой клейкой матеріи, коею обводятся; иногда самка кладетъ ихъ только въ тѣ мѣста, гдѣ животныя ложатся, или въ одѣяла постельныя; черезъ четыре или пять дней выходятъ изъ сихъ яицъ маленькіе червячки продолговатые, о многихъ ногахъ, состоящіе изъ нѣсколькихъ колецъ и похожіе на малыхъ темноватыхъ червей, у которыхъ на тѣлѣ выростаютъ долгіе, но только въ рѣдкихъ мѣстахъ, волосочки; червячки сіи всползываютъ на животныхъ и кроются между ихъ шерстью. Матерія, выходящая испариною, служитъ имъ пищею; ихъ можно также держать въ коробочкахъ и кормить мухами, до которыхъ они великіе охотники; червячки сіи малы, живы, проворны и ползаютъ, какъ гусеница.

Когда они достигнутъ совершенной своей величины, что случается въ двѣнатцать или пятнатцать дней, тогда дѣлаютъ себѣ маленькія скорлупки, бѣлыя внутри, какъ бумага, а снаружи гадкія и покрытыя пылью. Въ сихъ скорлупкахъ находятся хрисалиды,

или

или куколки, которыя сначала бѣлы, а послѣ темнѣютъ; изъ сихъ-то куколокъ выходитъ блоха, или совершенно насѣкомое, по пренесенiи трехъ превращенiй.

Въ семъ случаѣ блоха по видимому разнится отъ всѣхъ насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ ея фамилiи, съ коими однако сходствуетъ по другимъ характерамъ. Она больно кусаетъ, особливо женщинъ и младенцовъ, у которыхъ какъ кожа мягче и нѣжнѣе, то больше ее и привлекаетъ; а притомъ прыгаетъ очень проворно.

Рѣдкости, повѣствуемыя писателями касательно до сего предмета, служатъ также къ оправданiю удивительной ея силы и чуднаго искуства нѣкоторыхъ художниковъ, кои умѣли ее сковать и впрячи въ малинькiя телѣжки. По объявленiю Муффета одинъ Агличанинъ, по имени Маркъ, сдѣлалъ золотую цѣпь длиною въ дюймъ, съ ошейникомъ и замкомъ; блоха, привязанная къ сей цѣпи, волочила ее удобно; вся цѣпь и съ блохою не превышала вѣсомъ одного грана. Гукъ разсказываетъ еще нѣчто страннѣйшее. Одинъ Аглинской художникъ сдѣлалъ

 изъ

изъ слоновой кости карету, съ шестью лошадями; кучеръ сидѣлъ на козлахъ, держа въ ногахъ собаку; почталіонъ, четыре особы въ каретѣ и два лакея позади: весь этотъ экипажъ везла одна блоха. Лемерій говоритъ, что онъ видѣлъ одну блоху, посредственной величины, везущую маленькую серебряную пушку; пушечка длиною была въ полногтя, толщиною съ иглиныя уши, пустая, но вѣсомъ была въ восемдесятъ разъ болѣе блохи; она стояла на двухъ маленькихъ колесцахъ; кратко: имѣла видъ военной пушки. Ее иногда заряжали и палили, такъ что блоха ни мало не боялась; хозяйка ее хранила, говоритъ онъ, въ коробочкѣ, обитой бархатомъ, кою носила у себя въ карманѣ, и легко ее кормила, кладя всякой день на нѣсколько времени къ себѣ на руку, изъ которой она высасывала по нѣскольку капель крови, не причиняя почти никакого чувствія. Зимою она умерла, не смотря на то, что находилась въ довольномъ теплѣ.

Блохи крайне безпокоютъ собакъ и кошекъ, а особливо лѣтомъ и осенью. Онѣ находятся также въ гнѣздахъ ласточекъ; мыши бываютъ ими равно

усы-

усыпаны; мѣсто, гдѣ блоха укуситъ, бываетъ всегда красно; сего насѣкомаго не увидишь никогда на мертвомъ тѣлѣ, ни на человѣкѣ, страждущемъ эпилепсїею, ни на умирающемъ, потому что кровь ихъ для него испорчена и негодится.

Когда блоха хочетъ скочить, то въ одно и тоже время растягаетъ шесть своихъ ногъ, и какъ различные ея члены будутъ готовы вмѣстѣ дѣйствовать, то они въ семъ случаѣ служатъ ей машинами, которыя по причинѣ своей упругости пособляютъ ей учинить столь проворной скочокъ, что она теряется изъ виду. — Часто прыгаетъ она черезъ такое разстоянїе, которое въ двѣсти разъ больше величины всея ея тѣла.

Естьли повѣрить Овингтону, то близь Сурата находится гошпиталь, или гостинница, основанная въ пользу блохъ, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ, сосущихъ человѣческую кровь. Чтобы ихъ кормить, надобно найти такого человѣка, которой бы согласился вытерпѣть ихъ кровожаждущїя угрызенїя. Обыкновенно на сей случай нанимаютъ нищаго, которой продается на одну ночь и поз-

воляетъ сосать изъ себя кровь: его привязываютъ нагаго къ постели въ столовой залѣ, гдѣ собраны бываютъ сіи насѣкомыя. При всемъ томъ хотя стараніе такое Индѣйцовъ о блохахъ странно и противно человѣчеству, однако оно произходитъ отъ того, что народъ сей вѣритъ прехожденію душъ. —

Для избавленія отъ сихъ насѣкомыхъ, авторы предлагаютъ многіе рецепты, изъ коихъ нѣкоторые привести сюда мы намѣрены:

1. Дѣлаютъ отваръ изъ волчцовъ, или осоки, изъ почечуйника, или изъ райскихъ яблокъ, или наконецъ изъ капустныхъ листьевъ, и поливаютъ онымъ въ домѣ. Лѣкарства сіи по свидѣтельству Алексиса Піемонтскаго прогоняютъ и умерщвляютъ блохъ.

2. Арнодъ де Вильнювъ увѣряетъ, что естьли натереть прутъ ѵжовымъ жиромъ и поставить его посреди покоя, то всѣ блохи пристанутъ къ нему и помрутъ.

3. Повѣствуютъ, что естьли опрыскивать покой различными сложными водами, то можно избавиться отъ сихъ насѣкомыхъ. На сей случай бе-

берутъ 1) щелоку и козьяго молока, и смѣшиваютъ вмѣстѣ; 2) отвару изъ волчьихъ бобовъ и полыни; 3) отвару изъ полыни и персиковыхъ листьевъ, изъ желѣзняка и коріандру; 4) воды столько, во сколькѣ можно развесть фунтъ купоросу; 5) разведши унцію сулемы въ ведрѣ воды, варить ее четверть часа, и повторять сіе спрыскиванье сряду четыре дня; наконецъ 6) отваръ изъ руты вмѣстѣ съ кобыльею мочею.

4. Увѣряютъ, что нѣтъ ничего дѣйствительнѣе для истребленія блохъ, какъ меркуріальная мазь съ сѣрою и другими надобьями, коими лѣчатъ чесотку.

5. Ставятъ подъ постелю сосудъ съ пометомъ лошадинымъ. Причина, которая безъ сомнѣнія заставила предписать сей способъ, есть та, что думаютъ, будто пометъ и моча лошадиная прогоняютъ блохъ: однакожъ положеніе сіе или слишкомъ обширно, или неосновательно; ибо мы сами не однократно были свидѣтелями, что естьли положить въ корзинку подъ постель лошадинаго помету, то блохи бываютъ отъ того еще безпокой-

нѣе и притомъ въ большемъ количествѣ. Впрочемъ нѣкто говоритъ еще, что онъ знаетъ такой домъ, въ которомъ лягавыя собаки бывши привязаны въ конюшнѣ, гдѣ находилось по крайней мѣрѣ шесть лошадей, всѣ усыпаны были блохами. И такъ сей рецептъ не заслуживаетъ вниманія.

6. На сей случай курятъ еще въ покоѣ тьминомъ, или поліемъ.

7. Кладутъ дикой рябины около постели и между тюфяками и перинами.

8. Трутъ кровать ольховымъ отваромъ.

9. Въ Алексисѣ находится также и то, что для истребленія блохъ и клоповъ надобно взять полыни, руты, божьяго дерева, чаберу, папоротника, орѣховыхъ листьевъ, ландышу, зеленаго коріандру, блошливой травы pſyllium, вонючаго дерева, и положить ихъ подъ кровать; или варить ихъ въ винѣ дикаго луку, и спрыскивать простыню.

10. Говорятъ еще, что отъ блохъ и другихъ насѣкомыхъ можно себя предохранить, естьли подъ простыню положить выдѣланную волчью кожу,

на-

наблюдая, чтобы зимою была она шерстью вверьхЪ, а лѣтомЪ внизЪ. Сїе самое предохраняетЪ зимою отЪ холода, а лѣтомЪ отЪ жару.

11. НаконецЪ естьли, говорятЪ, повѣсить вЪ покоѣ блошливаго сѣмени, то всѣ блохи на него попрыгаютЪ, и тогда-то удобно можно ихЪ истребить.

Чтобы переморить блохЪ у собаки, или у кошки, надобно взять нѣсколько полыни, которую варить вЪ водѣ часа близь полутора; вынувши изЪ печи и простудивши, надобно взять траву и тереть ею собаку или кошку противЪ шерсти; а по томЪ вымыть ее отварною водою.

ОдинЪ Нирембергской землѣдѣлецЪ вздумалЪ избавлять растенїя отЪ земляныхЪ блохЪ слѣдующимЪ довольно простымЪ способомЪ: онЪ беретЪ на сей случай обыкновенной мѣлкой пыли, которою всякой день пересыпаетЪ растенїя поутру, когда еще солнечной жарЪ не высушитЪ на нихЪ росы. Предосторожность сїя, какЪ-то весьма умно замѣчаютЪ, нужна особенно вЪ дождливое время, когда блохи бываютЪ очень жадны. —

ГЛАВА IV.

Муравьи.

Насѣкомое сіе имѣетъ много характеровъ общихъ съ осами и пчелами; однако есть въ немъ два, кои одному ему свойственны и приличны. Первой и главной характеръ состоитъ въ сей малой возвышенной скорлупкѣ, которая находится точно между грудью и брюшкомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ двѣ сіи части соединяются посредствомъ маленькаго и коротенькаго составца. Скорлупка или чешуйка сія находится во всѣхъ видахъ муравьевъ, у каждаго самца и у каждой самки, также и у тѣхъ, у которыхъ нѣтъ полу. Другой характеръ не столько отличителенъ; онъ видѣнъ только тогда, когда начнешь сравнивать сихъ послѣднихъ муравьевъ съ другими. У самцовъ и самокъ есть крылья; но есть муравьи работающіе, муравьи неимѣющіе полу, у коихъ никогда не бываетъ крыльевъ: сей характеръ свойственъ онымъ муравьямъ; а чтобы это примѣтить, надобно слѣдовать со вниманіемъ за сими насѣкомыми: вмѣсто того, что первой характеръ находит-

ся во всѣхъ муравьяхъ, во всѣхъ ихъ возрастахъ, во всѣхъ полахъ, и не находится въ одномъ только муравьѣ. И такъ муравьи раздѣляются на три рода: на самцовъ, на самокъ и на рабочихъ муравьевъ, у которыхъ нѣтъ полу. Сїи муравьи живутъ обществомъ и составляютъ многочисленное семейство: у самцовъ и самокъ есть крылья, а у рабочихъ нѣтъ ихъ; да они ихъ и никогда не получаютъ, хотя многїе натуралисты мыслятъ противнымъ сему образомъ. —

Самцы бываютъ меньше всѣхъ муравьевъ; однакожъ не смотря на сїю малость ихъ весьма удобно признать по большимъ глазамъ, кои очень велики въ сравненїи со всѣмъ тѣломъ. Притомъ они съ крыльями; самки также съ крыльями, но тѣло ихъ гораздо больше и толще, такъ что онѣ превосходятъ величиною всѣхъ другихъ муравьевъ. Однако глаза ихъ меньше, въ сравненїи съ самцами; рабочїе бываютъ средней величины между самцами и самками; челюсти у нихъ больше и тѣхъ и другихъ, но они безъ крыльевъ. Въ муравейныхъ кучахъ находятъ обыкновенно однихъ только рабочихъ и

са-

самокъ, которыя приходятъ туда класть свои яица; а самцы толкутся около кучь и совокупляются съ самками, кои также летаютъ: однако рѣдко прилетаютъ они къ общему жилищу, или, лучше сказать, къ генеральной квартирѣ. Лѣтомъ ввечеру всегда почти летаютъ они вмѣстѣ съ своими самками, соединяясь съ ними; сіи, летая на воздухѣ, уносятъ и самцевъ съ собою; незнающіе сего обстоятельства дивятся, когда ловя ихъ, налету вмѣсто одного муравья поймаютъ двухъ, изъ коихъ одинъ въ пять или шесть разъ больше или меньше другаго.

Въ разсужденіи муравьевъ очень много наговорено баснословнаго; но мы здѣсь не будемъ останавляться, а станемъ заниматься одними только вѣрными и подлинными произшествіями. Сіи малыя насѣкомыя живутъ обыкновенно въ подземныхъ норахъ, кои выкапываютъ охотно при подошвѣ дерева, или стѣны, на твердой и сухой землѣ. Жилище сіе ихъ называютъ муравьиною кучею. Входъ въ него круглой со сводомъ, которой поддерживаютъ коренья деревъ, или растеній, препят-

ствуя въ тожъ самое время и водѣ проходить въ сїе отверзтїе. При одной кучѣ находится иногда два, или три входа; всѣ они ведутъ въ одну яму, глубиною часто въ футъ, и болѣе въ землю, довольно широкую, неправильную извнутри, и неимѣющую никакои перегородки, ни галлереи. Въ сїе-то отверзтїе муравьи удаляются и сидятъ тамъ въ безопасности. Столь большая яма долженствуетъ непремѣнно стоить многихъ трудовъ и стараній такимъ малымъ насѣкомымъ; они не могутъ оторвать разомъ, кромѣ самой малой частицы земли, которую уносятъ вонъ помощїю своихъ челюстеи: однако многочисленность рабочихъ вознаграждаетъ недостатокъ ихъ силъ и величины; всѣ они работаютъ вмѣстѣ и разомъ, стараясь избѣгать всякаго препятствїя и замѣшательства. Они раздѣляются на два отряда. Одинъ отрядъ составляютъ тѣ муравьи, кои выносятъ землю вонъ, а другїе работаютъ въ ямѣ; и слѣдовательно работа продолжается безпрестанно. Одни только рабочїе муравьи несутъ мучительные труды сїи; потому что самцы и самки ничего не дѣлаютъ. Кро-

мѣ

лѣ сего имъ должно воспитывать маленькихъ муравьевъ. Когда жилище будетъ построено, подъ вечеръ муравьи туда уходятъ и тогда только еще начинаютъ ѣсть: во все то время, какъ продолжается постройка жилья, ни одинъ не думаетъ о пищѣ; но по окончанiи трудовъ всѣ они садятся за столъ. Они ѣдятъ все: плоды, жито, мертвыхъ насѣкомыхъ и проч. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ смотрѣть на ту поспѣшность, съ каковою муравьи сiи тащатъ: иной зернышко, другой мертваго комара; иногда даже многiе вмѣстѣ гложутъ ногу или другую часть жука и другихъ насѣкомыхъ; то, чего не льзя унесть съ собою, съѣдаютъ они на мѣстѣ, а прочее приносятъ домой и дѣлятъ между собою и молодыми муравьями: потому что муравьи издерживаютъ все вдругъ и не оставляютъ ничего впредь; ежели же въ жилищѣ ихъ находятся какiе нибудь остатки, коихъ съѣсть не могли, тотчасъ выносятъ ихъ вонъ, какъ скоро начнутъ они гнить, или киснуть.

Не всѣмъ муравьямъ позволено бѣжать туда и сюда наудачу для наход-

ки пищи; нѣкоторые изъ нихъ только должны ходить для открытія; увѣдомясь отъ нихъ всѣ уже они выходятъ вонъ, и пришедши берутъ приступомъ или спѣлую грушу, или сахарной хлѣбъ, или горшокъ съ вареньями, и проч. Естьли гдѣ пронюхаютъ такой горшокъ, то идутъ за нимъ очень далеко; это для нихъ золотыя горы и поля сахарныя. Но идутъ ли на добычу, или назадъ возвращаются, ходъ ихъ всегда порядоченъ; всѣ они долженствуютъ итти по одной тропинкѣ; однакожъ долгъ сей отлагаютъ, какъ скоро на дорогѣ попадется дичина; зеленая гусеница, которая портитъ безчисленное множество цвѣтовъ, какъ-то персики, груши и пр. извергаетъ на нихъ нѣкоторую сладкую жидкость, до которой муравьи великіе охотники; потому что они не трогаютъ ни растеній, ни сей гусеницы. — Сіи послѣднія причиняютъ часто деревьямъ нашимъ то зло, которое причитаютъ муравьямъ, а чрезъ то и заставляютъ сихъ послѣднихъ претерпѣвать сколь жестокое, столь и неправедное гоненіе.

Пи-

Пища и попеченіе о малыхъ муравьяхъ суть для нихъ общественныя, и какъ бы государственныя дѣла; насѣкомыя сіи похожи въ этомъ случаѣ на пчелъ и на многихъ другихъ. Они не для чего больше трудятся съ таковымъ жаромъ и дѣятельностію, какъ для размноженія своего роду. Самки кладутъ свои яица въ муравьиной кучѣ; по сей-то причинѣ находятся онѣ иногда замѣшаны между рабочими, хотя послѣднихъ несравненно бываетъ больше; особенно находятъ ихъ тамъ въ лѣтніе жары, когда сидятъ на яицахъ: въ холодное время не найдешь тамъ ни одной; тогда во всей кучѣ остаются одни только рабочіе, у которыхъ нѣтъ крыльевъ. Самки ничего больше не дѣлаютъ, какъ только кладутъ свои яица, а прочее объ нихъ стараніе оставляютъ рабочимъ; яица ихъ сперва бываютъ бѣлы, малы и почти непримѣтны; черезъ нѣсколько времени вылупляется изъ нихъ лярва, или червячокъ бѣлинькой. Сей червячокъ толстѣетъ и со временемъ становится толще самаго муравья; сихъ лярвъ, или червячковъ весьма не собственно простолюдины называютъ

му-

муравьиными яйцами; рабочїе весьма пекутся о их цѣлости; около полденъ во время сильнаго жару выносятъ они ихъ къ отверзтїю своего жилища, съ тѣмъ, чтобы дать имъ почувствовать влїянїе прїятнаго воздуха; при приближенїи ночи опять уносятъ они ихъ на дно своей пещеры для предохраненїя отъ стужи. Весьма прїятно смотрѣть, какъ они таскаютъ сихъ червячковъ, не причиняя имъ однако ни малѣйшаго вреда; не меньше стараются они и о прокормленїи ихъ. Какъ скоро придетъ время ѣсть, то вопервыхъ помышляютъ о томъ, какъ бы накормить молодыхъ, и не прежде начинаютъ сами, какъ когда не накормятъ досыта сихъ червячковъ. Естьли пищи у нихъ мало, то все отдаютъ симъ послѣднимъ, а сами постятся; по сей-то причинѣ лярвы сїи ростутъ такъ скоро.

Достигши совершенной своей толщины, превращаются онѣ въ нимфъ, или куколокъ: сначала куколки сїи бываютъ мягки, почти жидки и покрыты бѣлою кожею, которая походитъ на плѣну. Когда онѣ окрѣпнутъ и усилятся, тогда кожа сїя, казавшаяся пол-

ною жидкости, пристаетъ и какъ бы приклеивается къ различнымъ частямъ нимфы, которая дѣлается въ то время совсѣмъ видною и походитъ во всемъ на муравья. Рабочïе стараются столько же о нимфахъ, какъ и о лярвахъ, кромѣ того только, что не даютъ имъ ѣсть. Достигши своего совершенства, оставляютъ онѣ свою оболочку и дѣлаются совершенными насѣкомыми, то есть муравьями съ крыльями, естьли то суть самцы и самки; а ежели рабочïе, то безъ крыльевъ.

Совокупленïе самцовъ съ самками происходитъ не въ жильѣ ихъ, какъ-то мы уже сказали, но на воздухѣ; и самки уходятъ туда для того только, чтобъ класть тамъ свои яица. По окончанïи совокупленïя всѣ самцы погибаютъ, такъ какъ и большая часть самокъ; а при началѣ зимы никогда почти больше не остается, кромѣ рабочихъ. Въ сïе-то холодное время и рабочïе убираются въ свои пещеры, гдѣ оцѣпенѣваютъ и остаются безъ всякаго движенïя, лежа одни на другихъ. Какъ скоро чувствительна будетъ первая весенняя теплота, то они начинаютъ пробуждаться, какъ будто отъ

глу-

глубокаго сна, и выходя изъ своего жилища довольствуются воздухомъ и ищутъ себѣ пищи.

У сихъ насѣкомыхъ есть превеликое множество враговъ. Муравейникъ ѣстъ ихъ съ крайнимъ удовольствіемъ; птицы различныхъ родовъ весьма часто какъ ими, такъ и другими насѣкомыми кормятся. Фазаны и куропатки ѣдятъ ихъ тогда, когда они молоды. Въ семъ случаѣ не льзя не удивиться Создателевой премудрости, сотворившей столь безчисленное множество муравьевъ для того, чтобы птицы не имѣли недостатка въ пищѣ.

Ежели садовники хотятъ избавиться отъ муравьевъ, кои лазятъ по деревьямъ, то разведши въ водѣ меду, вливаютъ въ бутылку и вѣшаютъ ее на тѣхъ деревахъ, на кои лазятъ муравьи. Медовой запахъ привлекаетъ сихъ насѣкомыхъ, которыя влѣзши въ бутылку утопаютъ въ оной по большей части. Но какъ медъ по своей тяжести осѣдаетъ на дно, а холодная вода, на немъ плавающая, препятствуетъ сему запаху, то медъ прежде варятъ съ водою и наполняютъ бутылку только до половины. Такимъ образомъ

удобнѣе заманиваютъ муравьевъ и скорѣе ихъ изтребляютъ. Можно, смотря по обстоятельствамъ, умножить число бутылокъ.

Конфектчики прогоняютъ муравьевъ очень простымъ способомъ: какъ скоро примѣтятъ они, что муравьи нападаютъ на ихъ закуски, сухїя ли то будутъ, или мокрыя, то около корзинокъ своихъ, или шкафовъ кладутъ варенаго и высушенаго кофе, что повторяютъ отъ времени до времени. Средство сїе, какъ говорятъ, очень успѣшно и дѣйствительно для отдаленїя муравьевъ.

Нѣкоторые земледѣльцы и садовники употребляютъ странной способъ для изтребленїя муравьевъ въ садахъ своихъ. Они приносятъ туда довольное число большихъ муравьевъ изъ роду тѣхъ, кои обыкновенно водятся въ лѣсахъ. Между сими и садовыми муравьями есть столь сильная вражда, что когда и тѣ и другїе живутъ въ одномъ мѣстѣ, то большїе собираются въ одно мѣсто, нападаютъ на своихъ непрїятелей, и не перестаютъ драться до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ всѣхъ. Побѣдители, или большїе

му-

муравьи не дѣлаютъ никакого вреда деревьямъ, какъ то уже примѣчено; слѣдовательно довольно выгодно для плодоноснаго сада, когда вмѣсто малыхъ муравьевъ, коими такъ недовольны, будутъ жить большiе.

Но есть еще способъ вѣрнѣйшiй всѣхъ доселѣ нами упомянутыхъ, для истребленiя муравьиныхъ гнѣздъ. Надобно натереть или натолчи мышьяку, и смѣшать его съ пшеничными, или другими какими нибудь зернами: черезъ нѣсколько времени всѣ муравьи изчезнутъ, и даже будутъ окормлены.

Но еще простѣйшiй на сей случай способъ состоитъ въ томъ, чтобъ взявъ ведро кипятку вылить въ муравьиную кучу, что повторить раза два или три, чтобы ни одинъ муравей не могъ спастися: операцiю же сiю производить по захожденiи солнца, когда всѣ муравьи уйдутъ въ свое жилище, и ежели можно, прежде, нежели яицы ихъ высидятся. Нѣкоторые льютъ при корняхъ деревъ, на коихъ есть муравьи, винныя дрожжи, и пометъ человѣчiй, которой сколько, говорятъ, полезенъ для деревъ, столько противенъ муравьямъ.

Г. Декомбъ *въ садовнической своей школѣ* увѣряетъ, что онъ не нахаживалъ лучшаго отъ муравьевъ средства, какъ то, чтобъ натереть медомъ нѣсколько листовъ бумаги, и развернувши обкласть ими муравьиную кучу: тотчасъ муравьи усыплютъ всю бумагу, которую взявши искусненько всякой листъ за четыре его угла, отряхивать муравьевъ въ воду, а на мѣсто ихъ класть другіе листы. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кидаютъ еще въ муравьиную кучу полу-оглоданную кость, которую въ одну минуту осыпаютъ муравьи; взявъ ее обмакиваютъ въ воду и такимъ образомъ топятъ сихъ насѣкомыхъ, а по томъ опять кладутъ туда же, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока истребятъ всѣхъ муравьевъ. Естьли взять душицы и сѣры, и жечь ихъ вмѣстѣ при входѣ въ ихъ жилище, то всѣ муравьи погибаютъ; или за полчаса захожденія солнечнаго покрывши всю кучу мокрою соломою, зажигаютъ по томъ, отъ чего муравьи задыхаются, послѣ сего сыплютъ тутъ сажи, известки и пеплу, что все смѣшиваютъ съ землею: на

семъ

семъ мѣстѣ не увидишь больше ни старыхъ, ни новыхъ муравьевъ.

Г. Стенешеръ, Парижской студентъ Медицины, изобрѣлъ новой способъ собирать муравьевъ для различныхъ ихъ надобностей въ аптекахъ, Послѣдуя сему методу, зарываютъ стеклянную банку, похожую на ту, въ которой бываютъ персики и другїе плоды, вареные въ водкѣ, подлѣ муравьиной кучи, съ тѣмъ, чтобы банка была наровнѣ съ землею; послѣ того вливаютъ въ нее нѣсколько водки: муравьи, кои привыкли ходить по одной дорогѣ, ползаютъ около обманчиваго сосуда; запахъ водочной ихъ приманиваетъ, и они, приходя туда, падаютъ на дно сосуда; тщетно стараются они вылѣзть назадъ, потому что края банки не допускаютъ: меньше, нежели въ часъ все жилище опустошается и банка наполняется до половины. Нѣмецкїе аптекари, желая достать сихъ насѣкомыхъ, употребляютъ способъ гораздо продолжительнѣйшїй. Они втыкаютъ въ муравьиную кучу сахарную трость, на которую когда насядетъ множество муравьевъ, то и обиваютъ

они ихъ палочкою въ финифтяной горшокъ. —

Способъ, употребляемой въ Германіи для недопущенія муравьевъ лазить на деревья, довольно простъ. Надобно взять небольшое количество обыкновеннаго, какого только можно достать, масла, въ которое всыпать намѣлко истолченыхъ углей, и сдѣлать изъ того нѣкоторой родъ тѣста, коимъ обмазать корку на деревѣ на нѣсколько дюймовъ отъ земли; по томъ засыпать сію обмазку толчеными угольями, и ни одинъ муравей не осмѣлится пройти черезъ сію страшную заставу.

Г. Кадетъ младшій, убѣжденный въ недѣйствительности средствъ, прилагаемыхъ съ самыхъ временъ Геродота и Плинія для истребленія муравьевъ, и думая найти дѣйствительнѣйшія въ Химіи, занялся симъ предметомъ. Характеръ совершенно кислой муравья заставилъ заключить сего Химика, что алкали, а особливо летучее, можетъ дѣйствовать и на внутренній составъ муравья, отнять у него самое существенное и нужное для состава начало, и слѣдовательно уморить его.

Г.

Г. Кадетъ, желая утвердиться въ сей теорiи, положилъ полунца муравьевъ въ бутылку, въ которую помѣстилъ воды два фунта, и повѣсилъ въ ней кусочикъ хлопчатой бумаги, напоенной летучимъ алкали; лишь только это учинено, какъ внутренность сосуда стала наполняться бѣлымъ паромъ, котораго столько стало, что муравьи попадали тотчасъ на дно, и въ одно мгновенiе ока потеряли всю свою дѣятельность; наконецъ меньше, нежели въ десять минутъ, померли. Когда откупорили бутылку, то вышелъ оттуда въ довольномъ количествѣ дымъ, коего удержать никакъ не льзя. Запахъ отъ него былъ среднiй, то есть не походилъ на запахъ ни алкалической, ни муравейной. Сiе явленiе приводитъ на память и другое извѣстное всякому, кто только хотя мало учился Химiи, то есть: естьли взявъ два пузырька, изъ которыхъ въ одномъ будетъ какая нибудь кислота, а въ другомъ алкали, ототкнуть ихъ, и держать далеко одинъ отъ другаго, то ничего не увидишь; естьли же принесть ихъ одинъ къ другому, то выдетъ бѣлой нѣкоторой паръ, которой бу-

будетъ летать около отверзтiй двухъ пузырьковъ; а сiе весьма ясно доказываетъ, сколь великое средство есть между двумя сими веществами.

Г. Митуартъ, де Маши, Пiа, Байенъ, Пармантье и Дрiю начали сообща съ Г. Кадетомъ трудиться надъ сею работою. Они обѣщались извѣстить Публику въ новыхъ своихъ опытахъ, какiе могли учинить въ семъ случаѣ, чего не видно еще и по сiе время.

Говорятъ еще, что отъ муравьевъ очень хорошо варить въ сильномъ огнѣ орѣховыя листья. Простудивши отваръ, и разломавши муравьиную кучу, надобно лить его туда; а сiе повторить раза два, или три, ежели нужно.

Одинъ Нѣмецкой земледѣлецъ пытался, для истребленiя садовыхъ муравьевъ, натирать сыропомъ многiе сачды, или горшки изнутри; сiи горшки ставилъ онъ опрокидывая на муравейныя кучи и каждой день отодвигалъ ихъ фута на полтора; запахъ сыропной приманивалъ, какъ-то онъ примѣтилъ, муравьевъ; они ползали за сосудами, и черезъ нѣсколько дней находилъ онъ цѣлыя тысячи муравьевъ

въ

въ горшкѣ, коихъ заливалъ кипяткомъ, а горшки ставилъ опять на муравейныя кучи, что продолжалъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ ни одного муравья, выходящаго изъ своего жилища. Такимъ образомъ умѣлъ онъ истребить совершенно сихъ насѣкомыхъ, такъ что во всѣхъ его садахъ не стало ихъ больше, хотя у сосѣдей его было ихъ превеликое множество.

Въ *разсмотрѣнной нашей природѣ* 1779 года помѣстили мы одно средство для истребленія сихъ насѣкомыхъ, когда они пристаютъ къ деревьямъ: стоитъ только обмыть дерево обыкновеннымъ щелокомъ, которой долженъ состоять изъ золы такихъ растеній, у коихъ бы не было больше ни одного листочка, съ тѣмъ, чтобъ не осталось ни малой клейкой матеріи; естьли муравьи сдѣлаютъ себѣ гнѣздо у подошвы дерева, тогда надобно насыпать на него золы вышиною на дюймъ.

Иные бросаютъ въ муравейныя кучи рыбій потрохъ, отъ котораго муравьи погибаютъ. Извѣстно и то, что всѣ деревья, кои будутъ вытерты лоскутомъ сукна или полотна, обмоченнымъ въ рыбій сокъ, предохра-

охранены бываютъ отъ муравьевъ. Запахъ сего соку прогоняетъ ихъ, и ежели они очень близко, то задыхаются.

ГЛАВА V.

Закожной червь.

Насѣкомое сїе водится между верхнею кожицею и кожею человѣка. Величиною оно съ гниду: фигура его круглая, и весьма трудно можетъ быть разсмотрѣна, даже при помощи микроскопа; толико-то она мала! Тѣло сего животнаго, будучи по видимому несѣкомо, состоитъ однако изъ двѣнатцати колечекъ, изъ которыхъ первое составляетъ его голова. Сїе насѣкомое гнѣздится иногда въ пупырчикахъ, причиненныхъ отъ чесотки, отъ оспы, или другихъ долговременныхъ болѣзней, также и въ гнилыхъ зубахъ. Оно причиняетъ сильной зудъ, или свербежъ и безпокойство. Посредствомъ переднихъ своихъ ногъ дѣлаетъ оно броздинки подъ кожею, такъ какъ кроты роются подъ землею; оно родится не только на ногахъ, но и на рукахъ. Ежели вѣрить Шваммердаму,

даму, то закожной червь вылупляется изъ яичка во всемъ своемъ совершенствѣ; онъ дѣлаетъ пузырьки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится, и слѣдуетъ морщинамъ кожи. Иногда онъ покоится, а иногда какъ будто нарочно старается произвести сильной зудъ и свербёжъ.

Чтобы избавиться отъ сихъ насѣкомыхъ, надобно мыть то мѣсто, гдѣ они водятся, квасцами, разведенными въ известковой водѣ; или отваромъ болиголовы. Можно также окуривать больныя части сѣрнымъ дымомъ, которой очень хорошъ въ семъ случаѣ. Кратко сказать: всѣ крѣпкіе и проницательные запахи истребляютъ сего насѣкомаго.

Не одинъ человѣкъ, но и другія животныя имѣютъ у себя своихъ закожныхъ червей.

ГЛАВА VI.

Паукъ.

Паукъ есть насѣкомое, состоящее изъ двухъ частей тѣла, соединенныхъ между собою тонкимъ составцемъ; передняя

няя половина составляетъ голову и грудь, а задняя брюхо. Глаза его, усы и ротъ находятся на передней половинѣ: онъ имѣетъ восемь глазовъ, кои различно бываютъ разположены, смотря по различнымъ ихъ видамъ; всѣ они гладки, свѣтлы какъ стекло и совсѣмъ неподвижны. Ротъ его состоитъ въ двухъ сильныхъ клещахъ, кончащихся нѣкоторымъ родомъ острыхъ когтей остреемъ внизъ. Сїи когти движутся удобно сверху внизъ и съ правой руки къ лѣвой. Посредствомъ сихъ-то орудїй паукъ схватываетъ, прокалываетъ и убиваетъ свою добычу; они же самыя служатъ ему и ртомъ: хотя конецъ ихъ очень остеръ, однакожъ онъ пустъ, такъ что паукъ сосетъ имъ кровь изъ мухи, или изъ другаго какого нибудь пойманнаго имъ насѣкомаго. —

Подлѣ рта его передъ глазами находятся усы: сїи усы состоятъ изъ многихъ составовъ и походятъ довольно на лапы, только что гораздо ихъ меньше; у самокъ они дольше и вездѣ равны; но у самцовъ кончатся составцемъ, которой толще другихъ и походитъ на нѣкоторой родъ маленькой

ду-

дубинки. Тутъ-то заключаются дѣтородныя самцовы части Онъ ихъ носитъ на головѣ и дѣйствуетъ ими во время совокупленія.

Прочее тѣло передней части и грудь паукова то гладка, то въ шерсти, смотря по различнымъ ихъ видамъ, однако всегда съ нѣкоторою корою, довольно твердою и служащею ему вмѣсто кожи; снизу сея груди находятся лапки; ихъ числомъ восемь: всѣ онѣ состоятъ изъ трехъ частей, кои суть бедра, ноги и пальцы, изъ коихъ каждой рядъ состоитъ изъ двухъ частей; самая коротинькая находится подлѣ начала или состава различныхъ сихъ частей; а послѣдняя, или пальцы, кончится маленькими когтями загнутыми, помощїю коихъ паукъ держится и бѣгаетъ по своей паутинѣ.

Брюшко, или другая половина паукова тѣла мягче его груди. На концѣ сея половины снизу находятся дѣтородныя самкины уды, кои состоятъ въ нѣкоторомъ отверзтїи, расширяемомъ и зжимаемомъ ею во время совокупленія. На концѣ брюшка, кромѣ задняго прохода, примѣтны многїе сосочки, одни подлѣ другихъ; ихъ числомъ до шести;

есть-

естьли посмотрѣть на нихъ изблизка и притомъ въ микроскопъ, то они кажутся состоящими изъ многихъ другихъ, гораздо меньшихъ. Сіи сосочки суть нѣкоторыя хранилища, изъ коихъ есть выходы; изъ нихъ-то выпускаютъ пауки ту особенную жидкость, изъ которой дѣлаютъ свои паутины. Не льзя смотрѣть безъ удивленія на то искуство, съ каковымъ имѣютъ они прясть свои полотна, столь искусно обработываемыя, однакожъ всегда различающїяся своимъ видомъ и фигурою, смотря по различїю ихъ родовъ. Г. Клеркъ, Шведской писатель, издалъ преученой трактатъ о сихъ насѣкомыхъ.

Весьма бы много пользы можно было получить отъ паутинъ, естьли бы удобно было кормить пауковъ, или естьли бы способнѣе можно было собирать скорлупы или гнѣзда тѣхъ, кои находятся на окошкахъ. Г Бонъ, Оберъ-Президентъ щетной Монпельерской полаты дѣлалъ изъ нихъ чулки и перчатки, кои походили на сѣрой мышиной цвѣтъ. Трехъ унцовъ сего шелку довольно было бы на пару чулковъ самому большому человѣку, между тѣмъ какъ на чул-

чулки средняго росту человѣка потребно отъ семи до осьми унцовъ обыкновеннаго шелку.

Естьли кто хочетъ кормить пауковъ съ тѣмъ, чтобъ получить отъ нихъ шелкъ въ Августѣ, или Сентябрѣ, долженъ выбирать толстыхъ съ коротенькими ногами, коихъ надобно класть въ бумажныя коробочки и въ горшечки; сосудъ должно закрывать бумагою, наколотою булавкою, съ тѣмъ, чтобы воздухъ могъ проходить къ симъ насѣкомымъ. Въ пищу имъ надобно класть мухъ. По словамъ Г. Президента Бона, пауки дѣлаютъ свои гнѣзда въ сихъ коробочкахъ, или горшечкахъ. Изъ тринадцати унцовъ сихъ гнѣздъ выходитъ почти четыре унца чистаго шелку.

Г. Реомюръ разсуждая, что физически не возможно будетъ доставать столько мухъ, сколько потребно на прокормленіе толикаго числа пауковъ, сколько требуетъ заводъ такого рода, дѣлалъ различные опыты, желая узнать или найти такую пищу, которая бы служила паукамъ вмѣсто мухъ. По многихъ изысканіяхъ примѣтилъ онъ, что пауки вообще не любятъ расти-

тельной пищи; что они охотнѣе ѣдятъ червей; что особливо любятъ молодыя перья недавно вырванныя и еще въ крови, въ слѣдствіе чего и употребляетъ онъ имъ въ пищу перья молодыхъ и старыхъ голубей; онъ разрѣзываетъ ихъ на мѣлкіе кусочки, длиною въ поллиніи, или въ линію. Молодые пауки, а особливо тѣ, кои только лишь вылупились, великіе охотники до сей пищи. Но и здѣсь встрѣчается то неудобство, что не льзя набрать сихъ перьевъ въ такомъ большомъ количествѣ. Но не одинъ недостатокъ въ пищѣ мѣшаетъ держать ихъ; самое главное препятствіе состоитъ въ томъ, что они имѣютъ великое отвращеніе одни отъ другихъ. Весьма часто большіе пожираютъ малыхъ; и вотъ точно то, по чему столь мало видно пауковъ, не смотря на такую ихъ плодовитость.

А хотя бы и можно было дойти до того, чтобъ кормить и держать пауковъ въ особливыхъ мѣстахъ, что бы однако потребовало многихъ трудовъ и издержекъ; однако чрезъ это уменьшилось бы ихъ плодородіе по тому, что насѣкомыя сіи не всѣ несутъ

сутъ свои яица въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ года, и слѣдовательно не льзя было узнать того времени, когда оставивъ природную свою злость захотятъ они совокупляться.

Наконецъ по мнѣнію Г. Реомюра пауковы гнѣзда не могутъ принести столько выгодъ, сколько можно получить отъ шелковыхъ червей, да притомъ ихъ и меньше гораздо. Однако пауки, водящіеся въ теплыхъ странахъ, могутъ доставить шелку больше другихъ. Американскіе, а особливо Лузіанскіе, коихъ яица походятъ на голубиныя, и которыхъ паутина можетъ остановить птицу, доставили бы конечно гораздо большее его количество. Но мы не станемъ говорить здѣсь о способѣ приготовлять паутинной шелкъ, и оставимъ сей предметъ *трактату о насѣкомыхъ, полезныхъ для человѣка.*

Большая часть людей ненавидитъ пауковъ; женщины особливо чувствуютъ къ нимъ столь сильное отвращеніе, что отъ одного представленія себѣ паука дѣлаются часто больными. Однакожъ Албертъ старшій увѣряетъ, что онъ видѣлъ въ Кельнѣ одну молодую дѣвочку, которая искала пауковъ

по стѣнамъ и ихъ ѣла. Карданъ подобно говоритъ объ одной трехлѣтней дѣвочкѣ, которая, когда ей позволяли, ловила пауковъ и ѣла ихъ съ жадностію; отъ сей пищи не только не была она больна, но еще толстѣла.

Гофманъ въ книгѣ своей: Medicina rationalis, утверждаетъ, что никто не можетъ доказать ни однимъ примѣромъ, чтобы внутреннее употребленіе змѣй, пауковъ, или другихъ насѣкомыхъ, почитаемыхъ обыкновенно ядовитыми, могло причинить хотя малѣйшій вредъ въ тѣлахъ здоровыхъ: да и въ самомъ дѣлѣ, хотя многія насѣкомыя имѣютъ въ себѣ нѣкоторую жгучую соль, вредную для нервъ; однако то заподлинно извѣстно, что вредъ, причиняемой ими тѣламъ, происходитъ отъ одного только ихъ угрызенія или жала. Паукъ есть одно изъ тѣхъ насѣкомыхъ, коихъ въ семъ случаѣ больше всѣхъ подозрѣваютъ. Во всякой землѣ услышишь множество Исторій касательно до умершихъ отъ яду проглоченныхъ ими пауковъ или другихъ насѣкомыхъ; однакожъ Г. де ла Гиръ, сынъ, увѣряетъ, что Г. Реомюръ зналъ одну дѣвочку, кото-

рая ѣла пауковъ, и которая, когда прогуливалась по саду, не пропускала ни одного, но всѣхъ ловила и вдругъ проглатывала.

Угрызенiе пауковъ бываетъ ядовито, а иногда и смертоносно; много такихъ примѣровъ читать можно въ различныхъ сочиненiяхъ. Докторъ Рейзелiй разсказываетъ, что одинъ человѣкъ, бывъ укушенъ паукомъ въ шею, почувствовалъ сперва зудъ, которой вскорости перемѣнился въ воспаленiе; а какъ опухоль дошла до груди, то въ шестой же день онъ и умеръ.

Одинъ случай способствовалъ найти вѣрное лѣкарство противъ сего угрызенiя. Какъ скоро кто будетъ паукомъ укушенъ, тотчасъ надобно къ тому мѣсту приложить листъ свѣжаго шалфею; отъ сего боль уймется и опухоль разойдется. Сенертъ въ *практической* своей *медицинѣ* похваляетъ на сей случай сокъ винныхъ или смоковичныхъ ягодъ. Другiе совѣтуютъ варить не слишкомъ въ крѣпкомъ уксусѣ попутниковы листья и припаривать ими больное мѣсто.

ГЛАВА VII.

Комары.

Комаръ есть малое насѣкомое, всякому извѣстное по причинѣ неугомоннаго своего вижжанія, которое безпокоитъ иногда и ночью, а еще больше по причинѣ жестокихъ своихъ угрызеній. Шваммердамъ, Реомюръ и многіе другіе описали весьма точно и обстоятельно всѣ превращенія сего насѣкомаго; они издали продолжительную объ немъ Исторію, къ которой присовокупили и фигуры.

Въ водѣ, а особливо стоячей находятъ лярву сего животнаго. Она состоитъ изъ девяти колечекъ, не считая головы. На головѣ примѣтны два глаза, двѣ острыя челюсти и нѣсколько волосковъ; первое отъ головы колечко гораздо больше другихъ, кои отчасу становятся одно другаго меньше. Изъ послѣдняго выходитъ долгинькая трубочка, черезъ которую она дышетъ и всасываетъ въ себя воздухъ: трубочка сія находится всегда выше поверхности воды и имѣетъ свободное сообщеніе съ внѣшнимъ воздухомъ, въ то время, какъ прочее тѣло плаваетъ

въ

въ водѣ, внизъ головою; въ семъ положенiи часто остается она весьма спокойною; и естьли посмотрѣть на нее не мутя и не колебля воды, то можно иногда видѣть выходящiя изъ задняго ея прохода изверженiя; но хотя немножко потревожишь воду, то лярва сiя уходитъ на дно весьма проворно. Она кормится многими водяными насѣкомыми; часто перемѣняетъ свою кожу, и когда достигнетъ до настоящей своей величины, то есть будетъ двухъ или трехъ линей: тогда превращается въ куколку, скидая съ себя всю кожу, которая разрывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ колечко всѣхъ толще, а при перемѣнѣ своей лишается и той трубочки, которою прежде дышала. Вмѣсто сей трубочки, куколка получаетъ двѣ другихъ на передней своей части; сiя передняя часть, будучи гораздо больше всего ея тѣла, такъ бываетъ изкривлена, что голова ея кажется тогда въ груди, и будто спинка выше всѣхъ частей ея тѣла; тутъ видны двѣ продолговатыя насѣчки, двѣ дыхательныя трубочки, похожiя на рожки; прочее ея тѣло состоитъ изъ колечекъ, кои къ концу

также становятся одно другаго меньше, а последнее походитъ на некоторой родъ плоскаго хвостика, помощію котораго куколка въ водѣ плаваетъ и бѣгаетъ. Она бываетъ столько же проворна, какъ и ея лярва, и принуждена также вдыхать въ себя внѣшній воздухъ; по сей причинѣ часто поднимается вверьхъ; въ семъ случаѣ высовываетъ она изъ воды два свои воздушные рожка, на коихъ кажется какъ будто виситъ въ водѣ; въ семъ положеніи остается она спокойною и неподвижною, ежели только вода стоитъ тихо; но какъ скоро помутишь воду, вдругъ она опускается на дно, помощію колечекъ своего брюшка, а особливо крылышка, находящагося на тѣлѣ. Естьли посмотрѣть со вниманіемъ на сію куколку, то можно, хотя впрочемъ не легко, примѣтить усики и лапки; кратко, всѣ части совершеннаго насѣкомаго, долженствующаго изъ нее выйти. Комаръ, находясь въ состояніи куколки или нимфы, не ѣстъ ничего такъ, какъ большая часть и другихъ насѣкомыхъ, находящихся въ равномъ состояніи; не смотря на тѣ движенія, кои тогда про-

производитъ, не имѣетъ онъ въ ней нужды.

Пробывши восемь или десять дней въ состоянiи своемъ нимфы, насѣкомое сiе дѣлается совершеннымъ. Когда придетъ время сей послѣдней перемѣны, то куколка выходитъ на поверхность воды; тогда-то кожица у нее разкрывается съ верхней стороны между двумя дыхательными трубочками; комаръ высовываетъ сперва черезъ сiе отверзтiе свою головку и грудь, по томъ переднiя свои лапки, помощiю которыхъ освобождаетъ и все свое тѣло, опираясь на свою кожу, которая служитъ ему какъ бы лодочкою, и поддерживаетъ его на водѣ. Какъ скоро вылетъ онъ совсѣмъ, то развертываетъ свои крылья, на коихъ улетаетъ съ воды, становящейся ему столько вредною, сколько прежде была нужна: тогда онъ улетаетъ во влажные лѣса, всегда однако же къ водамъ, гдѣ долженъ послѣ того класть свои яица; голова у него мала, однакожъ можно на ней примѣтить глаза, усики и хоботъ; глаза довольно велики; ихъ только два: усы долгiе; у самокъ они состоятъ изъ многихъ особливыхъ чле-

новъ, изъ коихъ на каждомъ выростаютъ по четыре волоска, съ каждой стороны по два; что и даетъ имъ видъ двойнаго гребешка; у самцовъ они волосистѣе; волокна по сторонамъ длиннѣе и многочисленнѣе, такъ что усики ихъ составляютъ родъ прекраснаго небольшаго полюмажа. Хоботъ, выходящїй спереди головы, очень дологъ, такъ что равняется двумъ третямъ всего тѣла. Онъ состоитъ изъ многихъ остріевъ, твердыхъ и весьма гладкихъ, находящихся въ футлярцѣ, которой и самъ очень тонокъ. Кромѣ сего футлярца видны еще по сторонамъ его хобота два рода полуноженъ, кои соединяются вмѣстѣ и скрываютъ хоботъ и футлярецъ его; сїи полуножны у самокъ просты и закрываютъ одну только половину хобота; но у самцовъ они длиннѣе еще хобота: и на концѣ у нихъ есть маленькїе волосочки. Когда комаръ хочетъ укусить, или лучше ужалить своимъ хоботомъ, то втыкаетъ въ кожу довольно глубоко маленькїя свои частички, содержащїяся въ футлярцѣ, пока не найдетъ какого нибудь кроваваго сосудца; футлярецъ, будучи удобосклоняемъ, загибается

бается вверхъ по мѣрѣ, какъ хоботъ уходитъ въ тѣло. Сдѣлавши отверстіе, комаръ сосетъ или вытягиваетъ кровь посредствомъ механизма, равнаго почти тому, по которому жидкость возходитъ вверьхъ въ самыхъ тоненькихъ трубочкахъ. Грудь у комара довольно толста въ сравненіи со всѣмъ тѣломъ; цвѣтъ ея темноватъ; крылышки выростаютъ съ двухъ сторонъ груди; внизу подъ крылышками находятся два коромысла продолговатые и прозрачные. Пониже груди видны ноги, коихъ числомъ шесть: онѣ долги и тонки, а особливо заднія; послѣдняя ихъ часть, составляющая пальцы, имѣетъ по пяти составовъ. Брюшко долгое, узкое, почти цилиндрическое или трубочкою, состоитъ изъ осьми колечекъ; оно сѣраго цвѣту, и на каждомъ колечкѣ примѣчаютъ по поперечной полоскѣ цвѣту темнаго.

Быстрозрящія Реомюровы очи не могли видѣть соитія комаровъ; да сіе и не удивительно, потому что они играютъ свою свадьбу въ воздухѣ и на лету. Когда самка будетъ оплодорожена самцомъ, то улетаетъ и кладетъ свои яица на поверхности водъ, съ тѣмъ, чтобы червячокъ при самомъ

сво-

своемъ рожденіи находилъ себѣ пропитаніе; на сей конецъ пристаетъ она къ листочку, или къ какому нибудь другому тѣлу на поверхности воды; по томъ растопыря заднія свои ноги, кладетъ первое свое яичко въ уголокъ, которой сама дѣлаетъ; по томъ кладетъ попеременно и другія одно подлѣ другаго, кои всѣ пристаютъ одно къ другому; послѣ сего отдаляетъ свои лапки и симъ удаленіемъ доставляетъ своему собранію яичекъ родъ лодочки, у которой есть носъ и корма. Сей родъ суденышка плаваетъ на водѣ по мѣрѣ своей легкости; но иногда бываетъ и поглощено водою отъ вѣтру.

Комары несутъ отъ двухъ сотъ до двухъ сотъ пятидесяти яицъ; черезъ два или три дни вылупается изъ каждаго изъ нихъ по червячку; сіи червячки кормятся тогда другими водяными насѣкомыми, какъ-то мы уже примѣтили.

Въ окрестностяхъ Парижа есть три вида комаровъ, кои весьма безпокоятъ своими жалами, хотя они почитаются еще довольно смирными въ сравненіи съ комарами другихъ земель. Можно также сказать, что они кусая,

сая, доводятъ нѣкоторыхъ до крайности и бѣшенства. Г. Реомюръ думалъ, что можно найти какой нибудь способъ, чтобъ сдѣлать кожу нашу непріятною комарамъ, натирая ее на примѣръ настойками, или наливками, кои были бы имъ противны.

Главное лѣкарство отъ ихъ угрызеній есть *летучая алкалическая соль*; но естьли ее не случится, то довольно поцарапать укушенное мѣсто и обмыть его холодною водою, какъ скоро будетъ укушено.

Въ мѣсяцѣ Октябрѣ Экономическаго Журнала 1767 года помѣщены нѣкоторыя лѣкарства отъ укушенія комаровъ. Взять, сказано тамъ, нѣсколько Венеціанскаго теріаку, смѣшать его съ сладкимъ миндальнымъ масломъ и приложить на больное мѣсто: въ шесть часовъ ничего не будетъ. Или взять фунтъ воды, въ которой развести скрупулъ сулемы; намочивъ тряпичку, тереть ею больное мѣсто, что повторять раза три или четыре въ день, наблюдая притомъ, чтобы всегда прежде взболтать сосудъ.

Путешественники повѣствуютъ, что Азіатскіе, Африканскіе и Американ-

риканскіе комары мучатъ до крайности тамошнихъ жителей; жало ихъ жжетъ всю тѣло; да они же кусаютъ и сквозь самую твердую матерію. Для предохраненія себя отъ оныхъ тамошніе жители принуждены сидѣть безпрестанно въ дыму, коимъ наполняютъ всѣ свои шалаши, или скрываться въ палатки, сдѣланныя изъ холста и древесной коры. Самыхъ Лапландцовъ безпокоятъ сіи насѣкомыя, кои тамъ не больше блохи, но крайне упрямы.

Г. Боме говоритъ, что во время путешествія своего къ Лотарингскимъ солянымъ заводамъ, умѣлъ онъ предохранить себя отъ комаровъ довольно простымъ способомъ. Онъ окуривалъ себѣ лице и руки табакомъ. А какъ способъ сей показался ему толико успѣшнымъ, то каждой вечеръ приказывалъ курить табакъ въ своей спальнѣ. Какъ скоро табачной дымъ начиналъ разходиться по покою, такъ всѣ комары и улетали стремглавъ въ окошки такъ, что въ покоѣ не оставалось больше ни одного.

Другой способъ, для предохраненія себя ночью въ покоѣ отъ сихъ безпокойныхъ насѣкомыхъ, состоитъ въ

томъ,

томъ, чтобъ закрывши окошки за нѣсколько часовъ прежде, нежели надобно ложиться, засвѣтить фонарь, которой снаружи обмазать медомъ, разведеннымъ въ винѣ, или въ розовой водѣ. Сей медъ приманиваетъ всѣхъ комаровъ, кои есть въ покоѣ; и всѣ они, приставши къ фонарю, никакъ не могутъ больше отстать. Окошки совѣтуютъ закрыть для того, поелику безъ сея предосторожности и внѣшнїе комары могутъ влетѣть въ спальню.

ГЛАВА VIII.

Пчелы.

Пчела есть наиудивительнѣйшее изъ всѣхъ насѣкомое; она изъ фамилїи мухъ. Говоря о семъ насѣкомомъ, мы намѣрены здѣсь показать только тѣ способы, кои употребляли доселѣ для предупрежденїя опасныхъ слѣдствїй ихъ ужаленія; а обстоятельнѣе поговоримъ объ ней въ одномъ изъ Экономическихъ нашихъ сочиненїй, въ коемъ разсуждать будемъ о *различныхъ насѣкомыхъ, полезныхъ для человѣка.*

Для предупрежденїя сихъ последствїй, надобно сперва вынуть жало,

ежели оно осталось въ ужаленной части тѣла; потомъ достать ядъ, попавшій въ ранючку, расширяя ее и зажимая; наконецъ обмочить сію часть въ холодную воду; а естьли сего не довольно, то приложить нѣсколько изтертой петрушки.

Г. Лемарье, Лѣкарь флота, обнародовалъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ одно интересное замѣчаніе, касательно до пчелинаго ужаленія, которое должно быть помѣщено здѣсь. Одинъ крестьянинъ, говоритъ онъ, изъ Вретонскаго, что близь Нантеса, приходу, пошедши нѣкогда вынимать изъ ульевъ медъ, не желая однако потерять ни одной пчелки, былъ весь такъ изжаленъ, что лице его, губы, глаза, руки и всѣ части изжаленныя вспухли до чрезвычайности, такъ что онъ претерпѣвалъ несносное мученіе. Вливъ ему въ руки ложку известковой воды, велѣлъ я ему тереть себѣ руки: боль въ рукахъ миновалась. Я ему далъ и другую ложку, которою приказалъ тереть лице, губы и ресницы, велѣвъ притомъ закрыть хорошенько глаза: боль миновалась и въ сихъ частяхъ. Наконецъ теръ онъ себѣ всѣ

изжаленныя части, однако опухоль оставалась, и надобно было ее свести; почему я и влилъ ему въ руки ложку холодной воды, которая сдѣлала нѣкоторое глухое кипѣніе. Онъ теръ себѣ лице руками, кои были только что мокры, и сія новая операція имѣла весь желаемой успѣхъ; наконецъ черезъ два часа онъ совершенно выздоровѣлъ. Замѣтить надобно, что воды давать должно по немногу; и приниматься тереть ею нѣсколько разъ, а иначе отъ воскипѣнія можетъ слѣзть и кожа. Вѣроятно, что разбитіе опухоли на ужаленныхъ мѣстахъ приписать должно глухому кипѣнію воды, съ известкою. Подобнымъ образомъ можно пользоваться отъ укушенія осъ и муравьевъ.

ГЛАВА IX.

Оса.

Оса есть насѣкомое, весьма близко подходящее къ пчелѣ; однакожъ имѣетъ она и собственныя свои характеры. Общіе со пчелою у осы суть форма ея усовъ и составъ жальца. Усики у той и другой по серёдкѣ перелом-

ломлены, такъ что первая часть, находящаяся между головою и уголкомъ, дѣлающимъ усъ, состоитъ изъ одного только члена, или изъ одного длиннаго колѣнца, а прочая часть его состоитъ изъ многихъ коротенькихъ колечекъ, коихъ обыкновенно бываетъ до десяти; а жальцо у насѣкомыхъ есть не иное что, какъ простое остріе, или копейцо, похожее на усикъ, или по крайней мѣрѣ таковымъ кажется; потому что въ микроскопъ смотря увидишь, что оно нѣсколько шероховато. Оса отъ пчелы отличается своимъ тѣломъ, которое гладко, а пчела въ шерсти: а притомъ и работа у осъ не такъ чиста и не такъ совершенна, какъ у пчелъ. Впрочемъ и осы въ семъ случаѣ довольно близки къ пчеламъ, и не меньшаго достойны вниманія Натуралистовъ.

Осы такъ же, какъ и пчелы не кладутъ своихъ яицъ прежде, нежели когда приготовятъ для нихъ мѣста. На сей случай дѣлаютъ онѣ себѣ нѣкоторой родъ домика, состоящаго изъ многихъ шести-угольныхъ ячеекъ, находящихся одна подлѣ другой, большаго или меньшаго пространства. Сей домикъ,

микъ, которой по видимому походитъ на пчелиной сотъ, не такъ, какъ сей, дѣлается изъ воску, но походитъ на толстую и крѣпкую сѣрую бумагу. Оса для сдѣланія его пользуется маленькими волокнами гнилаго дерева, весьма тонкими; она напояетъ ихъ нѣкоторою клейкою жидкостію, которую выпускаетъ изо рта, и которая доставляетъ довольно крѣпости сей смѣси; тогда она расширяетъ сей домикъ своими челюстями и лапками, и дѣлаетъ въ немъ маленькія стѣнки. Всего чаще видѣть можно, какъ осы, летая около старыхъ строеній, уносятъ по частичкамъ гнилое дерево, способное для своего строенія. Онѣ не вдругъ строятъ сей домикъ, но сперва дѣлаютъ основаніе, посреди котораго возвышаютъ ячейки; по томъ мало помалу строятъ новые покойцы, кои увеличиваютъ окружность домика. Какъ скоро середнія ячейки поспѣютъ, такъ и бываютъ заняты лярвами, или куколками осы, въ то время, какъ другія еще пусты и не отдѣланы. И такъ осы кладутъ свои яица, какъ скоро поспѣютъ ячейки. Яица сіи продолговаты и приклеены однимъ концемъ къ стѣн-

кѣ ячейки; въ каждую изъ нихъ кладутъ онѣ по одному только яичку. Черезъ нѣсколько дней вылупляются изъ нихъ лярвы, кои сначала очень малы и подобятся бѣловатому червячку безъ лапокъ. Тѣло ихъ состоитъ изъ двѣнатцати колечекъ. Оса кормитъ сихъ червячковъ, дая имъ въ пищу нѣкоторой родъ темнаго меду, на вкусъ сладкаго, но не столько чистаго и пріятнаго, какъ пчелиной. По мѣрѣ, какъ лярва ростетъ, много разъ перемѣняетъ она кожу; а достигнувъ настоящей своей величины, превращается въ куколку, однако не иначе, какъ бывши нѣсколько времени безъ пищи. Тогда-то осы самки затыкаютъ ту ячейку, въ которой находится лярва, тою же самою матеріею, изъ которой дѣлаютъ свой домикъ. Лярва превращается тутъ въ хрисалиду. Въ сей хрисалидѣ можетъ быть гораздо лучше, нежели во всѣхъ насѣкомыхъ, видны всѣ части насѣкомаго, долженствующаго изъ нее сдѣлаться: усики, лапки и самыя крылышки весьма тутъ видны; даже можно ихъ отдѣлить одну отъ другой остреемъ булавки. Но части сіи сначала очень мягки; по мѣрѣ своего

его возраста куколка получаетъ твердость; а какъ скоро получитъ ея довольно, то и покидаетъ тонкую и легкую свою оболочку, прогладывая острыми своими челюстями ту крышку, которая заключала ее въ своемъ домикѣ, и выходитъ оттуда въ видѣ крылатаго и совершеннаго насѣкомаго. Черезъ нѣсколько времени новая сія оса вылетаетъ, принимается за работу и трудится вмѣстѣ съ тѣми, кои даровали ей жизнь, въ построеніи новыхъ ячеекъ, или въ кормленіи маленькихъ лярвъ.

На дватцать-осьмомъ листѣ *полезныхъ вѣдомостей*, 1762 года находится прекрасное лѣкарство отъ ужаленія осъ. Взять попутнику, изкрошить и выжать изъ него сокъ, коимъ намочивши компрессъ, прикладывать чаще къ больному ужаленному мѣсту.

Въ Журналѣ нашемъ, подъ названіемъ *Разсмотрѣнной природы*, 1774 года помѣстили мы въ разсужденіи ужаленія осъ слѣдующее, сообщенное намъ въ то время, замѣчаніе. Въ Ребрашіонѣ, деревенькѣ находящейся отъ Орлеана въ трехъ миляхъ, одинъ молодой человѣкъ, пришедши нѣкогда

ввечеру домой, и уставши отъ дневныхъ трудовъ, выпилъ рюмку молодаго вина для подкрѣпленія, и не видавъ осы, бывшей на днѣ рюмки. Въ то время, какъ онъ пилъ съ поспѣшностію, оса ужалила его въ небо въ роту; вынувши ее изъ роту поскорѣе, думалъ онъ, что ничего не будетъ; но кромѣ боли, продолжавшейся нѣсколько минутъ, ночью почувствовалъ онъ другую боль, столь сильную, что всталъ съ постели, началъ просить помощи, и прибѣжавши во дворъ къ тамошнему священнику, упалъ тутъ и умеръ. —

ГЛАВА X.

Мухи.

Муха есть самое обыкновенное и самое извѣстное насѣкомое: усы ея и ротъ суть двѣ части, составляющія ея характеръ. Усы состоятъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ и коротенькихъ членовъ, и кончатся лопаточкою которая потолще, плосковатѣе и больше или меньше продолговата, — и состоитъ изъ многихъ частицъ, такъ между собою соединенныхъ, что и раз-

различить ихъ трудно. На срединѣ, или на концѣ сей лопаточки выходитъ по бокамъ шерстка, или нѣкоторой родъ шелку, которой находится на той сторонѣ усика, съ которой онъ выходитъ. Что касается до мухина рта, то нѣтъ у ней ни зубовъ, ни челюстей, но она имѣетъ одинъ только простой, голой, мягкой и поворотливой хоботъ, съ отверзтіемъ на концѣ. Симъ-то хоботомъ муха сосетъ и тянетъ въ себя тѣ жидкости, коими питается. Хотя и много видовъ есть мухъ, но мы будемъ здѣсь говорить объ одной только обыкновенной мухѣ. Цвѣтъ на ней сѣрой, или черноватой; брюхо ея состоитъ изъ четырехъ колечекъ; на груди находится пять полосокъ; и одна изъ нихъ по середкѣ. Мухи сіи носятъ бѣлыя яица, кои лѣтомъ вылупаются и производятъ червячковъ, или лярвъ, кои потомъ превращаются въ другихъ мухъ. Червячки бываютъ мягки, бѣловаты и безъ лапокъ; голова у нихъ также мягкая и различной фигуры; тѣло состоитъ изъ многихъ колечекъ, а ротикъ не иное что, какъ маленькой насосецъ, на концѣ котораго часто бываетъ твердое и острое

кольцо, и два по сторонамъ крючка, посредствомъ которыхъ животное сіе держится и въ тожъ время хватаетъ и разрываетъ различныя вещества, которыя служатъ ему въ пищу.

Лярвы сіи вдыхаютъ въ себя и выдыхаютъ воздухъ четырьмя отверзтіями, изъ которыхъ два находятся напереди, по одному съ каждой стороны подлѣ втораго и третьяго колечка, а два другія на концѣ тѣла. Два послѣднія больше первыхъ; видъ ихъ перемѣняется; иногда они бываютъ скрыты, а въ другое время возвышаются и походятъ на два рожка. Въ сихъ двухъ отверзтіяхъ примѣчаютъ обыкновенно по три другихъ поменьше. Лявры, или червячки сіи живутъ обыкновенно въ мѣстахъ, могущихъ доставить имъ пристойную пищу.

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего превращенія, мухи начинаютъ совокупляться. Свадьба ихъ отправляется страннымъ образомъ. Дѣтородная часть у самца бываетъ отверзта, и принимаетъ въ себя самкинъ дѣтородной удъ, которой, чтобы быть оплодороженнымъ, входитъ въ тѣло самца. Смотря на сію церемо-

нію,

нїю, совсѣмъ противную той, какая бываетъ у другихъ животныхъ и насѣкомыхъ, нѣкоторые покушались думать, что по ошибкѣ самца почитаютъ за самку, и напротивъ; однакожъ въ самомъ дѣлѣ не ошибались въ семъ случаѣ. Кромѣ того, что самки толще, и что брюхо у нихъ гораздо полнѣе, нежели у самцовъ; стоитъ только вскрыть брюхо у которой нибудь самки, и тотчасъ можно найти яица, кои въ скорости снести она долженствуетъ.

Лѣтомъ мухи весьма безпокоятъ людей и животныхъ; это вообще суть насѣкомыя похотливыя, весьма вредныя, питающїяся охотно всѣмъ, что ни попадется. Онѣ живутъ очень мало, кусаютъ гораздо больнѣе передъ ненастьемъ, нежели въ другое время. Многїе всячески доискивались средствъ для истребленїя ихъ или для предохраненїя себя отъ оныхъ. Мы помѣстимъ здѣсь нѣкоторыя изъ сихъ средствъ.

Взять чемерицы, оперменту и молока; все сїе смѣшавши, поливать на то мѣсто, гдѣ много мухъ: такимъ

 обра-

образомъ можно однихъ прогнать, а другихъ и истребить.

Можно также натолочь квасцовъ и душицы, и смѣшать съ молокомъ. Говорятъ, что ни помажешь симъ составомъ, мухи не сядутъ на то мѣсто. Или взять арбузныхъ листьевъ и выжать изъ нихъ сокъ, коимъ естьли намазать стѣны, или, что угодно, то мухи не коснутся до сихъ мѣстъ. Симъ же сокомъ можно мазать ноги и брюхо у лошадей, коихъ безпокоятъ мухи. Естьли мухи садятся на плоды или виноградъ, то надобно вѣшать на деревьяхъ бутылку съ сытою.

Авторы предписываютъ различныя средства, могущія выгнать мухъ изъ домовъ. Совѣтуютъ на примѣръ жечь въ покоѣ совиныя перья въ довольномъ количествѣ; какъ скоро мухи почувствуютъ запахъ и дымъ, всѣ, говорятъ, улетятъ и больше никогда не прилетятъ. Однако мы не ручаемся за вѣрность сего рецепта.

Г. Базенъ въ *Исторіи* своей *насѣкомыхъ* предлагаетъ странное средство для прогнанія мухъ. Надобно повѣсить, говоритъ онъ, въ окошкѣ кусокъ мяса, которой приманитъ къ

себѣ

себѣ осъ; а гдѣ только есть осы, присовокупляетъ сей авторъ, туда появиться никакъ не смѣютъ тѣ мухи, кои кладутъ въ мясо свои яица, изъ которыхъ выходятъ червячки и портятъ скорѣе мясо.

На сей же случай предлагаютъ и другое средство, за которое мы также не ручаемся. Оно состоитъ въ томъ, чтобъ каждой день ввечеру и поутру сожигать по нѣскольку сѣры; сѣрной дымъ, какъ говорятъ, умерщвляетъ и мухъ съ другими, могущими тамъ попасться насѣкомыми.

Другїе совѣтуютъ взять табачныхъ листьевъ, положить ихъ въ горшокъ и настаивать водою сутки; послѣ чего положивъ меду, варить черезъ часъ; по томъ опустить туда пшеничной муки и сдѣлать родъ тѣста, которое приманитъ мухъ; но всѣ онѣ, отвѣдавъ сего сыропу, помрутъ непремѣнно.

Когда угодно, чтобы мухи не садились на картины, стоитъ только обмыть ихъ водою, въ которой настоено будетъ нѣсколько пырею, черезъ пять или шесть дней.

ГЛА-

ГЛАВА XI.

Бупрестъ.

Насѣкомое сїе есть изъ фамилїи колеоптеровъ, и носитъ свои крылышки въ футлярцѣ. Большая часть сихъ животныхъ имѣютъ цвѣты весьма блестящїе; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на тѣлѣ своемъ золотыя крапинки. А есть при томъ и такїя, кои столько же малы, какъ блохи; другїя длиною въ поперечникъ пальца. Они обыкновенно находятся на влажномъ мѣстѣ, или на берегу водъ. Большая часть головы ихъ находится въ груди; грудь сзади уже, а къ верьху плосковатѣе; глаза круглые и выдавшїеся; усы долгїе о нѣсколькихъ составахъ: лапки долгїя и толстыя; у нихъ есть губы и ротъ, помощїю которыхъ кусаются очень чувствительно; отъ нихъ пахнетъ дурно.

Когда животныя, пасущїяся на лугу, съѣдятъ сего насѣкомаго, тотчасъ тѣло ихъ надувается, и они отъ того умираютъ.

Во многихъ книгахъ называютъ еще симъ именемъ одного насѣкомаго

изъ

изъ роду шпанскихъ мухъ, которое весьма также вредно для животныхъ.

Есть еще нѣкоторой родъ малыхъ красныхъ пауковъ, кои называются *бупрестами.* Естьли корова или быкъ съѣстъ сего паука, то погибаютъ равномѣрно. —

ГЛАВА XII.

Слѣпень.

Слѣпень, или оводъ есть насѣкомое съ крыльями, похожее на превеликую муху: глаза у него большїе, часто желто-зеленые, или темно-красные: брюхо большое и широкое; крылья крѣпкїя и сильныя съ бѣлыми пятнами и черными полосами. Цвѣтъ всего слѣпня бываетъ вообще довольно теменъ: усы у него состоятъ изъ нѣсколькихъ колечекъ, кои составляютъ какъ бы коротенькую ниточку, съ конца острую; у третьяго колечка бываетъ часто съ боку прибавочекъ, болѣе или менѣе продолговатой, отъ чего усъ кажется съ развилиною. У рта есть родъ хобота, по сторонамъ котораго находятся толстые и ост-

острые зубы, кромѣ футлярцовъ, въ коихъ скрывается хоботъ. Зубы концами соединяются въ одно мѣсто, когда насѣкомое ихъ зжимаетъ, но они могутъ расходиться направо и налѣво.

Слѣпень ѣстъ плоды; онъ питается также кровью лошадей, быковъ и другихъ четвероногихъ, имѣющихъ толстую кожу. Нѣкоторой родъ острыхъ его клыковъ по видимому данъ ему для того, чтобъ могъ прокусывать кожу, и сосать изъ нее кровь своимъ хоботомъ. Лѣтомъ до крайности безпокоитъ онъ крупной скотъ; онъ кусаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, сосетъ изъ нихъ кровь и до того ихъ доводитъ, что они приходятъ въ бѣшенство, а иногда и умираютъ. Слѣпни водятся во множествѣ обыкновенно въ низкихъ мѣстахъ и мокрыхъ лѣсахъ.

Садовники называютъ еще *оводомъ*, *бѣлымъ червякомъ* или *жуковымъ червякомъ* большую бѣлую лярву о шести ногахъ, произходящую изъ жуковыхъ яицъ. Она живетъ въ семъ видѣ цѣлые четыре года, и всякой годъ перемѣняетъ свою кожу по крайней мѣрѣ разъ. При наступленiи весны зарывается она глубоко въ землю для збереже-

реженія себя отъ холоду. Сія лярва грызетъ коренья у травъ и деревъ; животное сіе очень вредно для садовъ. Лучшее средство противъ сего непріятеля состоитъ въ томъ, чтобъ искать его при подошвѣ растеній, и перекапывать тропы между грядами, гдѣ онъ кроется. Больше и обстоятельнѣе о сей лярвѣ поговоримъ мы въ статьѣ о жукѣ.

ГЛАВА XIII.

Шмель.

Шмель есть совершенная оса, только гораздо ея больше. Онъ жалитъ до крайности больно, а иногда смертельно, особливо въ сильные жары, когда ядъ его дѣлается дѣйствительнѣе. Одинъ примѣчатель такъ жестоко былъ нѣкогда ужаленъ шмелемъ, что на нѣсколько времени потерялъ разумъ и лишился дѣйствія ногъ, а послѣ того два или три дни болѣлъ лихорадкою. Что касается до лѣкарства, надобно читать Главу объ осахъ.

ГЛАВА XIV.

Мушка.

Мушка есть продолговатое и мягкое насѣкомое изъ роду мухъ; у нее шесть долгихъ ногъ, изъ коихъ заднія больше другихъ. Брюхо состоитъ изъ девяти колечекъ; головка маленькая, глаза черные, а повыше ихъ два волосатые усика. Вмѣсто рта есть у сего насѣкомаго острой хоботъ, коимъ прокалываетъ кожу и сосетъ кровь изъ животныхъ, а особливо изъ человѣка; оно сосетъ до тѣхъ поръ, пока тѣло надуется и будетъ полно. Грудь у него широкинькая, зеленоватаго цвѣту.

Мушки улетаютъ въ великомъ количествѣ въ колодези, когда наступаетъ зима, и кладутъ на водяныхъ растеніяхъ желтоватыя свои яица, кои приклеиваютъ довольно крѣпко. Яица сіи, согрѣвшись въ слѣдующее лѣто отъ солнечнаго жару около Іюня, производятъ маленькихъ желтоватыхъ, или красноватыхъ червячковъ, кои бываютъ круглые, тонкіе, состоящіе изъ тринатцати колечекъ, и имѣющіе краснинькую головку. У нихъ бываетъ толь-

только по двѣ лапки подъ первымъ колечкомъ. Сіи малые червячки кормятся вѣроятно какими нибудь маленькими животными, находящимися на поверхности водъ. Гедардъ называетъ ихъ *водяными вшами*. Сіи червячки черезъ одиннатцать мѣсяцовъ собираются въ множествѣ и свертываются такъ, какъ въ клубокъ; они производятъ въ водѣ великое движеніе; по томъ выходитъ изъ ихъ тѣла нѣкоторой клейкой сокъ, которой служитъ имъ къ построенію мягкихъ и клейкихъ гнѣздышекъ или скорлупъ. Они прилѣпляютъ ихъ къ водянымъ растеніямъ, и сами въ нихъ скрываются, какъ будто въ футляры. Достигши извѣстной величины, когда тѣло ихъ сдѣлается темно-зеленовато, наконецъ они превращаются, и изъ сихъ кучь происходитъ превеликое множество мушекъ, кои тотчасъ и начинаютъ летать и удаляться на всѣ стороны, сосать кровь изъ разныхъ животныхъ.

Насѣкомыя сіи производятъ довольно пронзительной звукъ, летая въ воздухѣ; звукъ сей сразмѣренъ силѣ и величинѣ ихъ крыльевъ. Всѣ виды сихъ мушекъ суть насѣкомыя весьма

безпокойныя; они сосутъ у насъ кровь до самаго, что называется, нельзя.

Для истребленія ихъ предписываютъ такія же средства, какія и отъ комаровъ. Можно также много ихъ истребить, естьли жечь солому: онѣ улетаютъ отъ дыму, а особливо отъ крѣпкаго запаху.

Часто случается, что на самые молоденькіе листочки овощей садятся маленькія черныя мушки; для отвращенія таковаго вреда надобно взять унцъ чистой сѣры, и смѣшать ее съ тремя фунтами тѣхъ сѣменъ, кои надобно садить, или сѣять. — Сія предосторожность отгоняетъ мушекъ, кои безъ того поѣли бы первые листочки, отъ чего пропало бы и все растеніе. Часто лѣтомъ летаютъ цѣлые рои сихъ мушекъ; иногда случалось, что они поѣдали цѣлыя поля засѣянныя.

Одинъ Агличанинъ помѣстилъ въ публичныхъ Лондонскихъ листахъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ способъ для збереженія капусты, коноплей, льну и другихъ растеній отъ мухъ и мушекъ, которой состоитъ въ слѣдующемъ. Надобно класть черезъ три

дни

дни сряду каждой день по унцу чистой сѣры и по три фунта сѣменъ, кои хочешь садить, въ муравленой горшокъ, которой надобно всегда затыкать, и и каждой разъ, когда будешь прибавлять сѣры и сѣменъ, перемѣшивать ихъ хорошенько съ тѣмъ, чтобъ сѣмена напоились сѣрнымъ запахомъ; послѣ сего садить или сѣять сѣмена, какъ должно. Сей рецептъ почти такой же, что и предыдущій. —

ГЛАВА XV.

Навозной или земляной

Сверчокъ.

Животное сїе есть самое гадкое и странное изъ всѣхъ насѣкомыхъ своего рода. Голова его въ сравненїи съ величиною тѣла мала, продолговата, и имѣетъ четыре толстые уса, кромѣ другихъ долгихъ и тонкихъ, какъ нитка. Позади сихъ усовъ находятся два глаза, между коими примѣчаютъ другїе три гладкїе, но поменьше, и слѣдовательно всѣхъ у него пять глазовъ, кои всѣ на одной поперечной линеѣ. Грудь у сего насѣкомаго со-

ставляетъ родъ продолговатаго щитика, почти цилиндрическаго: коротенькїе футлярцы простираются только до половины брюха. Крылья, когда бываютъ распущены, кончатся острїемъ, которое бываетъ длиннѣе не только футлярцовъ, но и самаго брюшка. Брюшко сїе имѣетъ двѣнатцать кончиковъ, или прибавочковъ довольно долгихъ. Но всего страннѣе у сего насѣкомаго передчїя его лапки, кои весьма толсты, сплющены, и имѣютъ на концѣ по четыре толстыхъ когтей назадъ и по два впередъ. Между сими когтями часто кроются пальцы. Все животное цвѣту сѣраго и темнаго; оно живетъ въ землѣ, а особливо въ грядахъ, которымъ причиняетъ много ущербу, подгрызывая и съѣдая коренья: въ семъ случаѣ пользуется оно передними своими лапами, которыя у него пилою. Все его тѣло въ небольшой шерсти. Длиною насѣкомое сїе осмнатцати линей, а шириною четырехъ; оно есть изъ рода сверчковъ.

Гнѣздо землянаго сверчка бываетъ въ глыбѣ глинистой земли, въ которой находится небольшая коморочка,

гдѣ онъ кладетъ всѣ свои яица; вся сія глыба не больше обыкновеннаго куринаго яйца, и окружена небольшимъ рвомъ. Естьли разрубить сіе гнѣздо по срединѣ, то можно примѣтить, что входъ въ него запертъ; тутъ найдешь около ста сорока яицъ, и удивишься той предосторожности, каковую насѣкомое беретъ къ сохраненію своихъ яицъ: да и въ самомъ дѣлѣ, естьли бы хотя нѣсколько воздухъ коснулся яицъ, то бы надлежащей теплоты недостало, и слѣдовательно никакого плода ожидать бы было не льзя. Другая причина, принуждающая земныхъ сверчковъ запирать такъ искусно ту каморку, въ которой лежатъ яица, и окружать ее маленькимъ рвомъ, есть та, что есть одно небольшое черное животное, врагъ ихъ рода (это по видимому жукъ), которое бѣгаетъ подъ землею и старается пожирать какъ яица ихъ, такъ и вылупляющихся изъ оныхъ червячковъ. Однакожъ всегда одинъ сверчокъ изъ сей фамиліи стоитъ на караулѣ на берегу рва. Ежели жукъ хочетъ вломиться къ нимъ въ домикъ, тотчасъ выходятъ ему на встрѣчу и

 про-

прогоняютЪ его назадЪ. Естьли на одного сверчка нападутЪ вдругЪ многїе непрїятели, то онЪ пользуется тогда своими выходами и различными подземными дорожками, по коимЪ убѣгаетЪ и спасается.

При наступленїи зимы животныя сїи берутЪ прочь то хранилище, вЪ которомЪ лежатЪ яица; они его помѣщаютЪ гораздо глубже и всегда ниже того мѣста, до котораго достаетЪ морозЪ. По мѣрѣ, какЪ время становится теплѣе, возвышаютЪ и магазинЪ сей, и выносятЪ его на самую поверхность земли, дабы яица почувствовали влїянїе воздуха и солнца: какЪ скоро будетЪ морозЪ, опять уносятЪ нанизЪ.

Земляные сверчки такЪ же кричатЪ, какЪ и домашнїе; они роютЪ землю и дѣлаютЪ небольшїя кучки земли, такЪ какЪ кроты. Когда крестьянинЪ услышитЪ крикЪ сихЪ насѣкомыхЪ, то и говоритЪ, что вЪ слѣдующїй годЪ будетЪ хорошїй урожай хлѣба. Иногда случается, что насѣкомыя сїи кусаютЪ пальцы у тѣхЪ, кои роютЪ землю: говорятЪ еще, что угрызенїе ейе ядовито, что однако еще не извѣ-

вѣстно. Заподлинно извѣстно только то, что часто свиньи, роясь въ землѣ, проглатываютъ сихъ животныхъ и почти тогда же умираютъ; но смерть ихъ случается не столько отъ того, что насѣкомыя сіи ядовиты, сколько отъ того, что они кусаютъ у свиней желудокъ и кишки, и причиняютъ имъ смерть посредствомъ механическимъ, а не ядомъ.

Авторъ *Экономическаго словаря* приводитъ многія средства, способствующія къ истребленію сихъ насѣкомыхъ, кои причиняютъ толико вреда въ садахъ. Поелику они ходятъ очень скоро, и притомъ роютъ землю галереями, то и надобно ихъ караулить; примѣтивъ, что они роютъ, надобно взять заступъ, и зацѣпивши всю то мѣсто, гдѣ надобно быть ихъ гнѣзду, выбросить его наружу; послѣ чего удобно можно ихъ перебить. Можно также вызвать ихъ наружу, поливая понемногу грядьі въ самые сильные лѣтніе жары; насѣкомыя сіи, кои весьма любятъ воду и всякую мокроту, и которыхъ можно назвать водоземными, выбѣгаютъ тогда на поверхность земли, гдѣ садовники до-

ждавшись ихъ убиваютъ. Можно также засунуть въ подземныя ихъ галереи палецъ, и дощупавшись до той норы, которая идетъ въ глубину перпендикулярно, или прямо, влить туда ложку масла: тотчасъ насѣкомыя выходятъ, и тогда-то удобно можно душить ихъ. Часто также (да мы и сами это не однократно дѣлывали) зарываютъ въ землю почти наравнѣ съ грядою, или нѣсколько пониже ее муравленые горшки: сверчки въ нихъ упадаютъ, а вылѣзть вонъ опять не могутъ.

Въ земледѣльческихъ Газетахъ Маія 1767 года упомянуто объ одномъ Лотарингскомъ художникѣ, по имени *Августинѣ Пильянѣ*, который зналъ секретъ истреблять страшныхъ сихъ насѣкомыхъ. Въ концѣ 1764 года представленъ онъ былъ въ семъ званіи къ Маркизу Мариньи, которой приказалъ ему учинить опытъ сего секрета въ Королевскихъ огородахъ, что въ Фонтенебло, и въ многихъ другихъ Королевскихъ же, въ коихъ больше всѣхъ было земляныхъ сверчковъ; Лотарингской сей художникъ вездѣ успѣлъ столь удачно, что Г. Маркизъ

де

де Мариньи почелъ за нужное предложить Королю купить сей секретъ; Его Величество, Лудовикъ XV приказалъ его купить и публиковать. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ:

Прежде надобно узнать гнѣзда или убѣжища земляныхъ сверчковъ, что весьма извѣстно всѣмъ садовникамъ; сколько ни найдешь норъ, надобно во всякую лить воды, а сверьху три или четыре капли конопляннаго масла. Естьли вода уйдетъ вся въ землю прежде, нежели насѣкомое покажется, то должно еще влить воды, не прибавляя однако масла: тотчасъ животныя выбѣгаютъ изъ своихъ норъ, по томъ останавливаются, чернѣютъ и умираютъ. —

За тритцать слишкомъ предъ симъ лѣтъ видали мы такую же операцію въ Мессинской землѣ. Притомъ всякому извѣстно, что масло, снаружи употребляемое, есть превеликой ядъ, которой только можно изобрѣсти для истребленія насѣкомыхъ.

Есть еще и другой образъ употребленія масла для умерщвленія сихъ животныхъ; оной состоитъ въ томъ, чтобъ взявъ его двѣ или три рюмки,

влить въ бочку воды, которую хранить для поливанія грядъ по обыкновенію. Сей способъ, предложенный господиномъ Газономъ, Интендантомъ государственныхъ строеній, имѣлъ въ Винценнѣ желаемой успѣхъ. Въ скорости появилась цѣлая куча земляныхъ сверчковъ большихъ и малыхъ, кои выходя изъ норъ шатались, падали и умирали. Въ семъ случаѣ то хорошо, что ни одно насѣкомое не уйдетъ; вмѣсто того, что въ первомъ, какъ бы кто ни старался, можетъ легко случиться, что нѣкоторыя уцѣлѣютъ. Правда, что издержка можетъ быть нѣсколько побольше, но сей лишекъ не стоитъ никакого вниманія и довольно вознагражденъ бываетъ тою выгодою, что вдругъ всѣ насѣкомыя погибаютъ, такъ что ни одно не можетъ уцѣлѣть изъ тѣхъ, кои будутъ въ мѣстахъ, политыхъ такимъ образомъ. Наконецъ обманется тотъ, которой подумаетъ, что одно только конопляное масло имѣетъ сію силу. Г. Газонъ дѣлалъ опыты надъ различными маслами, какъ то надъ льнянымъ, орѣховымъ, деревяннымъ и пр., и вездѣ равно былъ успѣшенъ.

А чтобы теперь изъяснить, какимъ образомъ масло влитое въ норы, наполненныя уже водою, можетъ погубить сихъ животныхъ: то нѣтъ ничего простѣе. Масло сїе плаваетъ по верху воды, которая влита уже въ норы, и дѣлаетъ на поверхности ея покрышку, чрезъ которую насѣкомое должно пробраться, желая убѣжать отъ воды: но оно не можетъ не унести сего масла на своемъ тѣлѣ, отъ чего необходимо надлежитъ остановиться въ немъ дыханїю; и вотъ какимъ образомъ животное задыхается и погибаетъ.

Іаковъ Изелень, житель Бернскаго кантона, Кирхбергскаго прихода, публиковалъ также одинъ способъ, которой почитаетъ вѣрнѣе еще предыдущаго, или по крайней мѣрѣ генеральнѣе. Методъ его состоитъ въ томъ, чтобъ зарывать на каждой грядѣ въ равныхъ разстоянїяхъ на полфута глубиною по дватцати маленькихъ горшечковъ, изъ коихъ въ каждой помѣщать по дватцати или тритцати капель сѣрнаго бальсама; а чтобы не насыпалось въ нихъ земли, то покрыть тоненькими дощечками;

ми; хотя гадкой запахЪ сего бальсама не умерщвляетЪ земляныхЪ сверчковЪ, какЪ-то примѣчаетЪ Бернской земледѣлецЪ, но только весьма скоро ихЪ прогоняетЪ далѣе, и даже отнимаетЪ у нихЪ, какЪ онЪ говоритЪ, дѣтородную силу. СимЪ способомЪ можно предохранить отЪ нихЪ всю землю вЪ то время, какЪ первой истребляетЪ только нѣсколько земляныхЪ сверчковЪ, кои будучи не такЪ просты, чтобы имѣть одинЪ выходЪ, могутЪ спастися отЪ потопа; притомЪ ни одного гнѣзда вода разорить не можетЪ; но ни вЪ одномЪ гнѣздѣ не льзя найти меньше ста пятидесяти яицЪ. Смерть матери не мѣшаетЪ вылупиться яицамЪ; простая земляная теплота, при концѣ Маїя, одна довольна доставить имЪ жизнь. —

Что касается до сѣрнаго бальсама, которой истребляетЪ земляныхЪ сверчковЪ, то вотЪ что пишетЪ обЪ немЪ одинЪ безЪимянной авторЪ. Около семи лѣтЪ тому назадЪ, говоритЪ онЪ, какЪ писали вЪ публичныхЪ листахЪ, что искуство находить сихЪ животныхЪ состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ щупать пальцомЪ вЪ

норахъ, которыя они дѣлаютъ, такъ какъ мы уже то сказали; остановиться, когда найдешь прямую въ глубину нору; очистить ея берега, и вынувши палецъ, влить туда семь или восемь капель сѣрнаго бальсама, а потомъ воды столько, сколько можетъ помѣститься: черезъ короткое время насѣкомое оттуда выходитъ обыкновенно безъ силы, и издыхаетъ подлѣ самой норы. Ежели попадется я нора, шириною въ бутылку, то вѣрно гнѣздо тутъ находится, по серёдкѣ недалеко отъ поверхности земли, что замѣтилъ одинъ мой человѣкъ. Когда у меня сѣрнаго бальсама недоставало, то на мѣсто его употреблялъ я, присовокупляетъ безъимянной авторъ, терпентинныя капли, которыя производили такое же дѣйствіе. Я еще примѣтилъ, продолжаетъ онъ, что въ нѣкоторыхъ песчаныхъ мѣстахъ земляной сверчокъ не выходитъ наружу; я находилъ его мертваго на днѣ гнѣзда, когда рылъ землю заступомъ. Подобно примѣтилъ я и то, что, дабы узнать, умеръ ли онъ, или нѣтъ, надобно оставить нору открытою; естьли онъ ее заткнетъ, то это вѣрной знакъ,

что

что онъ еще живъ; но естьли напротивъ того нора останется не заткнута, то надобно думать, что онъ уже мертвъ.

Г. Камп-Мартень, одинъ изъ субскрибентовъ на нашъ Журналъ, подъ названіемъ: *Разсмотрѣнная природа въ ея различныхъ видахъ*, писалъ къ намъ, что умѣлъ отогнать земляныхъ сверчковъ отъ цѣлаго огорода спаржи, кладя между каждою грядою по нѣскольку свинаго помету; однакожъ посредствомъ сего способа не могъ онъ предохранить отъ нихъ всего своего сада.

Мыльная вода почитается смертоносною для большей части насѣкомыхъ; почему и можно съ пользою употреблять ее вмѣсто масла въ случаѣ истребленія земляныхъ сверчковъ. Поелику въ мылѣ самая главная часть есть масло, то можно равномѣрно употреблять и то и другое, какъ кому угодно. Но мыльная вода имѣетъ ту выгоду, что ею можно выгонять сихъ животныхъ изъ большаго пространства земли, нежели изъ одного сада. На примѣръ, ею можно полить цѣлыя поля, засѣянныя различными сѣменами, до коихъ земляные сверчки или другія насѣко-

сѣкомыя превеликіе охотники: въ такомъ случаѣ можно воду сію разливать трубочкою, или насосомъ, у котораго на концѣ надобно подѣлать довольно скважинъ. Фунтъ чернаго мыла должно развесть въ ведрѣ воды и такъ далѣе, по пропорціи. Сперва надобно разводить его въ теплой водѣ, а потомъ прибавлять холодной, сколько будетъ потребно, судя по пространству земли, которую надобно поливать. Чѣмъ больше выльешь воды сей, тѣмъ несомнительнѣе будетъ смерть сихъ гадинъ.

Говорятъ еще, что раки способствуютъ къ истребленію земляныхъ жуковъ. Чтобы прогнать ихъ съ какого нибудь мѣста, стоитъ только, говорятъ, набросать сихъ раковъ коекакъ по поверхности земли.

Г. Гель, Ландзерской и Гирзингенской, что въ Элзасѣ, староста употребляетъ слѣдующее для истребленія сихъ насѣкомыхъ средство: верстахъ на двухъ земли приказываетъ онъ въ мѣсяцѣ Сентябрѣ вырыть два или три колодезя, глубиною въ три, а въ поперечникѣ въ одинъ футъ, кои велитъ наполнить свѣжимъ лошадинымъ

нымъ пометомъ; по томъ велитъ насыпать сверху земли дюймовъ на шесть. После первой оттепели можно найти тутъ всехъ соседнихъ сверчковъ, удалившихся туда отъ стужи.

ГЛАВА XVI.

Грибури.

Сїе насекомое, сколько ни мало, сделалось весьма опаснымъ для земледельцовъ. Характеръ его состоитъ 1) въ фигуре долгихъ его, похожихъ на ниточку и состоящихъ изъ многихъ и равныхъ везде членовъ, усиковъ; 2) въ полушаровидной форме его груди, которая походитъ на круглую спину горбатаго, и подъ которою кроется отчасти его головка.

Лярвы сего насекомаго гложутъ и поедаютъ различныя растенїя, на которыхъ оне находятся. Оне довольно толсты, коротки, овальной фигуры, имеютъ по шести лапокъ и маленькую твердую головку. Совершенныя насекомыя, изъ лярвъ произходящїя, бываютъ овальной фигуры; лапки ихъ довольно долги, а головка маленькая.

Два

Два главные вида сихъ насѣкомыхъ, находящїеся около Парижа, суть синїе ольховые и виноградные грибури. Первое больше всѣхъ; оно живетъ обыкновенно на ольхѣ и на другихъ деревьяхъ, но всегда въ мѣстахъ влажныхъ: оно появляется весною.

Другой видъ сего насѣкомаго водится на виноградныхъ деревьяхъ. Оно весьма извѣстно въ тѣхъ земляхъ, кои опустошаетъ. Головка у него черненькая; усы также черные, долгїе и тонкїе; грудь черная, свѣтлая; брюшко широкое и четвероугольное.

Виноградной грибури живетъ зимою въ землѣ; онъ грызетъ самые молодые корешки, и часто ихъ умерщвляетъ. Изъ земли выходитъ онъ въ Маѣ и тотчасъ кидается на листья; онъ ими питается; поѣдаетъ также почки и молодые отпрыски, и такимъ образомъ губитъ все деревцо. Для предостереженїя виноградныхъ деревъ отъ сихъ насѣкомыхъ, садятъ во множествѣ болотные бобы во многихъ мѣстахъ сада; насѣкомыя, оставивши виноградныя деревья, бросаются на бобы и сосутъ ихъ: тогда обрываютъ у нихъ листья и сожигаютъ ихъ вмѣстѣ

съ насѣкомыми при подошвѣ виноградныхъ деревъ. Такимъ образомъ предупреждаютъ, сколько можно, тотъ ущербъ, которой могли бы они причинить, такъ какъ и другой, которой хуже еще перваго; потому что насѣкомыя сіи прокалываютъ въ послѣдствіи времени самыя ягоды, когда онѣ созрѣютъ, и кладутъ туда свои яица, изъ которыхъ вылупляются тысячи червячковъ, причиняющихъ гніеніе винограда и истребляющихъ все на самомъ наканунѣ собиранія его. Солнце восходитъ, высасываетъ весь сокъ изъ сихъ ягодъ и превращаетъ ихъ въ пыль. Тогда червяки ищутъ убѣжища для превращенія себя въ куколокъ, а изъ нихъ въ совершенныхъ насѣкомыхъ. Естьли попадется имъ какой нибудь навозъ, или пометъ, то онѣ тутъ помѣщаются: многіе садовники изъ предосторожности кладутъ его подъ самыми деревьями; тогда навозъ сей бываетъ домикомъ какъ сихъ, такъ и другихъ насѣкомыхъ: въ концѣ зимы разводятъ тутъ огонь и навѣрное истребляютъ сихъ злотворныхъ животныхъ.

ГЛАВА XVII.

Жукъ.

Сіе насѣкомое столько всякому извѣстно, что почти не для чего его и описывать. Голова его, грудь и все тѣло изъ темна-чернаго цвѣта; футлярцы у крыльевъ нѣсколько посвѣтлѣе; но главной характеръ, отличающій сего насѣкомаго отъ другихъ жуковъ, состоитъ въ бѣлыхъ треугольныхъ пятнышкахъ, находящихся по бокамъ его брюха, по одному на каждомъ колечкѣ, такжe въ долгомъ и загнутомъ его хвостѣ. Совершенное насѣкомое появляется вообще весною. Оно повреждаетъ листья и цвѣты на деревахъ. Часто всего можно видѣть самца и самку совокупленныхъ вмѣстѣ. Какъ скоро самка будетъ однажды оплодорожена, такъ и начинаетъ рыть себѣ въ землѣ нору помощію переднихъ своихъ лапокъ, которыя бываютъ широки, сильны и по краямъ остры. Она прорывается въ глубину на полфута, кладетъ тамъ свои яица, которыя бываютъ продолговаты и свѣтло-желтоваты. Иногда находятъ въ землѣ сіи яица, кои лежатъ тамъ рядомъ. По

окончанїи носки яицъ самка выходитъ изъ земли; она еще живетъ тамъ нѣсколько времени до своей смерти: изъ нанесенныхъ ею яицъ вылупляются бѣлыя лярвы о шести ногахъ, коихъ садовники называютъ *бѣлыми червяками.* Сїи лярвы гложутъ коренья у травъ и деревъ, кои всѣ пропадаютъ. Онѣ имѣютъ усы, состоящїе изъ пяти составовъ, и на каждомъ боку по девяти стигмъ: въ семъ видѣ живутъ онѣ близь четырехъ лѣтъ, и каждой годъ перемѣняютъ по крайней мѣрѣ однажды свою кожу. Зимою зарываются въ землю очень глубоко отъ стужи, и бываютъ тамъ до самой весны безъ пищи; но по наступленїи весны выходятъ наружу. Онѣ превращаются не прежде, какъ къ концу четвертаго года; въ это время зарываются онѣ въ землю съ осени иногда довольно глубоко; строятъ тамъ каждая для себя маленькой покоецъ, и скинувши съ себя послѣднюю кожу, превращаются въ хрисалидъ и куколокъ. Зимою остаются онѣ въ семъ видѣ до самаго Февраля; тогда-то дѣлаются совершенными насѣкомыми, но сначала еще мягкими и бѣловатыми. Части, ихъ соста-

ставляющія, укрѣпляются и получаютъ свою силу уже въ мѣсяцѣ Маѣ, когда выходятъ изъ земли наружу: по сей-то причинѣ въ концѣ зимы часто находятъ на землѣ совершенныхъ жуковъ; а сіе подало поводъ нѣкоторымъ Натуралистамъ утверждать, что жуки живутъ только изъ году въ годъ, и зимою уходятъ въ землю отъ стужи. Самцы отличаются отъ самокъ своими усиками, кои у самцовъ гораздо дольше, и послѣднимъ остреемъ брюшка, которое составляетъ родъ хвостика; хвостикъ сей у самокъ покороче.

Числомъ сихъ насѣкомыхъ есть безчисленное множество, такъ что для истребленія ихъ не станетъ и самихъ ихъ враговъ. Лучшій способъ ихъ истребить состоитъ въ томъ, чтобъ бить деревья долгими шестами, собирать въ тазъ упадающихъ жуковъ, и потомъ ихъ побивать. Жуки днемъ почти не летаютъ, но сидятъ скрывшись подъ листьями дуба, или финиковыхъ деревъ, или липы, или наконецъ орѣшника; они тамъ спятъ до самаго захожденія солнца: тогда-то они собираются въ груды и оправившись

шись взвиваются и летаютъ около плетней, жужжа безпрестанно. Они столь глупы, что бьются обо все, что имъ ни попадется на встрѣчу. Насѣкомыя сіи кормятся древесными листьями и яицами саранчи, но за то самихъ ихъ пожираютъ вороны. Ежели жуки однажды побываютъ на листьяхъ, то дерево отчасти пропадаетъ, и на другой годъ очень поздо пускаетъ почки.

Что касается до лѣкарственной силы, то жуки походятъ на шпанскихъ мухъ. Будучи приняты въ порошкѣ, гонятъ они урину и кровь; врачуютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, отъ угрызенія бѣшеныхъ собакъ и исцѣляютъ отъ ревматизма. Въ удержаніи мочи предписывали мы съ успѣхомъ жуковы крылья, изтертыя въ порошокъ и настоенныя въ бѣломъ винѣ. Нѣкоторые совѣтуютъ употреблять наружно жидкость сихъ насѣкомыхъ въ ранахъ; притомъ весьма хорошо дѣлать изъ нихъ пластырь противъ бобоновъ и карбункуловъ, бывающихъ во время моровой язвы; примѣшиваютъ ихъ также и въ лѣкарства отъ ядовъ. Обыкновенное масло,

на-

настоенное живыми жуками, можетъ замѣнить масло скорпіоново.

Примѣчено, что куры никогда такъ не несутся, какъ когда ѣдятъ жуковъ, кои составляютъ также превосходную пищу и для Индѣйскихъ куръ.

Г. Хрістіанъ Клейманъ въ одной запискѣ, за которую получилъ награжденіе отъ Пфальцской-Курфиршеской Академіи, помѣстилъ прелюбопытную и преобширную Исторію о жукѣ, начиная съ самаго его рожденія, и продолжая до самой смерти, списавъ всѣ эпохи его жизни: онъ особенно старался узнать совершенно жука, чѣмъ и занимался нѣсколько лѣтъ, а особливо въ 1761 и 1762 году, когда безчисленное множество сихъ вредныхъ насѣкомыхъ доставляло ему часто случай дѣлать свои наблюденія и открытія. Поговоривши о носкѣ яицъ, о яйцѣ, о червякѣ, о превращеніяхъ, о различныхъ видахъ жуковъ, также объ органическихъ ихъ частяхъ, о причиняемыхъ ими опустошеніяхъ и пр. предлагаетъ онъ многія средства, способствующія къ изтребленію сего опаснаго рода животныхъ.

Онъ совѣтуетъ, чтобы судьи, помѣщики и главные жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ много жуковъ, собрали садовниковъ, земледѣльцовъ и домоводовъ на общую ловлю сихъ насѣкомыхъ; можно бы особливо употребить на это поденьщиковъ, пастуховъ, нищихъ и молодыхъ ребятъ.

Г. Клейманъ перебилъ нѣкогда самъ въ одинъ день больше тысячи. И такъ сто человѣкъ, раздѣлившись по разнымъ мѣстамъ въ уѣздѣ, могли бы въ такое же пространство времени убить ихъ сто тысячь. Но пусть убавимъ отъ сего числа, однако всю-таки вѣрно, что каждой день, вставши поранѣе, можно перебить ихъ превеликое множество, и въ томъ числѣ еще много самокъ, изъ коихъ каждая въ состоянiи нести до тритцати яицъ; такимъ образомъ сто тысячь будутъ равняться цѣлому милiону. Можно также вмѣстѣ давить ихъ яица и проч. Авторъ сей такъ же, какъ и Левенгокъ, видѣлъ съ помощiю микроскопа живыхъ червячковъ въ сѣмени жуковъ.

Ловлю сiю можно продолжать въ Маiѣ и Iюнѣ; поутру особливо, когда

жуки

жуки всѣ спятъ, можно отрясать дерева и давить падающихъ насѣкомыхъ. Притомъ надобно рачительно беречь ласточекъ, снигирей, трясогузокъ и другихъ птицъ, которыя охотницы до сихъ насѣкомыхъ; можетъ быть, что можно бы было и пріобучать нѣкоторыхъ изъ сихъ птицъ къ такой охотѣ. Естьли бы такую птицу держать на привязи въ саду такъ, чтобы она свободно могла летать на нѣкоторое разстояніе: то вѣроятно, что жуки отъ нее бы разбѣжались.

Садовники и земледѣльцы, имѣющіе случай при копаніи или воздѣлываніи земли находить часто яица жучьи и вылупляющихся изъ нихъ червяковъ, долженствовали бы ихъ разтаптывать. Дѣлатели винограда, коимъ не рѣдко попадаются сіи яица, такъ какъ и яица саранчи, не должны также опускать сего случая. Естьли бы операція сія производима была со вниманіемъ во всѣхъ деревняхъ около городовъ и проч.: то бы нечувствительно уменьшился сей родъ насѣкомыхъ. Хлѣбъ нашъ, сѣмена, дерева и травы не были бы больше поѣдаемы и не вы-

сыхали бы на томъ же мѣстѣ отъ порчи кореньевъ, съѣденныхъ червями.

Многїе земледѣльцы, для збереженїя плодовитыхъ своихъ деревъ и овощей отъ жуковъ, употребляютъ еще сажу, которую разсыпаютъ они рядами пониже того мѣста, на которомъ что нибудь садятъ или сѣютъ: черви, которымъ противна горечь сажи, убѣгаютъ и ищутъ въ другомъ мѣстѣ себѣ пищи.

ГЛАВА XVIII.

Червь, рожь поядающїй.

Насѣкомое сїе есть малое яицеродное животное, до крайности плодородное; звѣрокъ сей есть врагъ нашего хлѣба, и страшной бичь, которой безъ помощи почти безпрестанныхъ попеченїй поѣлъ бы всю муку и все жито въ нашихъ житницахъ. Насѣкомое сїе есть темноватаго цвѣту, длиною въ полторы линїи, а шириною по пропорцїи: головка его продолговата, походитъ на хоботъ; у нее есть какъ будто долгинькое и тоненькое острїе, которое втыкаетъ въ зерны

и питается самымъ ихъ сокомъ. Наконцѣ хобота находятся усики и челюсти; кои составляютъ главной характеръ сего рода насѣкомыхъ, раздѣляющихся на многіе виды. Насѣкомое сіе прежде, нежели явится въ семъ видѣ жука, имѣетъ видъ червячка, питающагося также самыми нужными частицами жита, бобовъ, гороху, чечевицы и многихъ другихъ сѣменъ, кои будучи всѣ равномѣрно повреждаемы симъ червякомъ, плаваютъ на верьху въ водѣ въ то время, какъ хорошія тонутъ на дно. Сіи червячки, или лучше сказать, сіи лярвы насѣкомаго, о коемъ теперь говоримъ, суть такія же, какъ и большая часть лярвъ другихъ насѣкомыхъ, имѣющихъ футлярчики; онѣ походятъ на продолговатыхъ мягкихъ червяковъ; спереди у нихъ по шести лапокъ, кои тверды такъ, какъ и головка. Мѣста, въ которыхъ живутъ сіи лярвы, и ихъ превращенія, заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе. Извѣстные нѣкоторые виды, и имянно тѣ, о коихъ нужно дать знать, находятъ способъ забраться въ ржаныя сѣмена, или зерна тогда, когда они еще малы и молоды; это ихъ жилище; да ихъ

труд-

трудно и узнать тамъ: онѣ растутъ тамъ на волѣ и увеличиваютъ мало помалу свое жилье на щетъ внутренней муки того сѣмичка, коимъ они питаются. Когда насѣкомое сіе, съѣвши всю муку, достигнетъ до настоящей своей величины: тогда остается подъ пустою корочкою сѣмичка, превращается тамъ, живетъ въ состояніи куколки, и не прежде оттуда выходитъ, какъ когда сдѣлается совершеннымъ насѣкомымъ; и тогда то прорываетъ оно кожицу своего жилища. Не льзя никакъ безъ труда и удобно примѣтить тѣхъ зеренъ, кои опустошены или населены бываютъ сими насѣкомыми. Холодъ лишаетъ движенія сихъ животныхъ, однако не умерщвляетъ ихъ; по крайней мѣрѣ могутъ они вытерпѣть его до 70 градуса, по Реомюрову термометру; они еще нарочно въ жилищахъ выбираютъ для своего жилища то мѣсто, которое на полдень. Насѣкомыя сіи весьма плодовиты и любятъ жить обществомъ; по сей причинѣ всегда свертываются въ клубки: но они любятъ также и спокойство; естьли хотя мало ихъ потревожить, пересыпая напримѣръ жито, то они,

про-

прокусивъ каждое свое жилище, уходятъ и ищутъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ животныя сіи длиною и толщиною бываютъ съ большихъ летучихъ жуковъ.

Въ періодическихъ сочиненіяхъ много помѣщено рецептовъ, способствующихъ, какъ говорятъ, къ истребленію насѣкомыхъ, вредныхъ для жита; каково есть описываемое теперь нами насѣкомое. Нѣкоторые изъ нихъ приведемъ мы сюда. Въ Экономическомъ Журналѣ Ноября 1752 года пишутъ слѣдующія средства:

Надобно построить, говоритъ Г. Гойонъ де ла Пломбанжъ, сообщившій сіи средства издателю Экономическаго Журнала, круглой анбаръ, похожій на башню, въ которой бы могло помѣститься все то количество жита, которое будетъ собрано въ одинъ годъ; въ землю опустить его надобно футовъ на десять; анбаръ сей долженъ стоять на сухомъ мѣстѣ; стѣны должны быть толщиною по крайней мѣрѣ въ два фута, и состоять изъ камней, или кирпича, или глины, известки и песку, смѣшанныхъ хорошенько вмѣстѣ. На стѣнѣ не надобно покидать

ни-

никакого отверзтія, и сдѣлать его вышиною отъ девяти до десяти футовъ, не считая того, сколько будетъ находиться въ землѣ съ выдавшеюся свѣтелкою; на крышкѣ должно оставить многія окошки; полъ намостить отъ земли въ трехъ или четырехъ футахъ, которой бы снизу поддерживался твердыми брусьями или стоялъ бы на каменьяхъ; полъ сей долженъ состоять изъ двоякихъ досокъ, дюйма въ полтора толщиною, весьма плотно сколоченыхъ и прибитыхъ; послѣ чего между брусьями подѣлать надобно на половыхъ доскахъ скважины въ два дюйма въ поперечникѣ; скважины сіи должны быть одна отъ другой въ равномъ разстояніи: ихъ надобно покрыть полосками бѣлаго желѣза, на коихъ также подѣлать маленькія скважины и прибить ихъ къ половицамъ гвоздями. Стѣны можно также убить досками, кои однако не надобно просверливать, такъ какъ полъ. На полъ можно сыпать всякаго, какого угодно, жита вышиною футовъ до двѣнатцати и болѣе, не опасаясь того, что оно згорится; на кровлѣ сего анбара можно поста-

вить

вить мѣльницу вѣтреную, у которой крылья въ длину могутъ имѣть отъ семи до осьми футовъ по новому образцу мѣльницъ. Сія машина будетъ приводить въ движенiе колесцо, находящееся въ отдушинѣ, въ которую станетъ дуть внѣшнiй вѣтръ, а выходить черезъ другую отдушинку, имѣющую въ поперечникѣ отъ осьми до девяти дюймовъ; сiя отдушинка должна быть всегда сразмѣрна величинѣ поперечника анбара, и содержаться ко всему поперечнику такъ, какъ полдюйма отдушины къ полфуту поперечника пола; она должна быть проведена подъ полъ; внѣшнiй воздухъ сожметъ тотъ, которой подъ поломъ, и слѣдовательно заставитъ его проходить сквозь маленькiя скважины, находящiяся на жести, и чрезъ всѣ промежутки, находящiеся между зернами жита. Когда воздухъ будетъ такимъ образомъ безпрестанно перемѣняться посредствомъ отдушины, то жито всегда станетъ провѣвать или находиться въ холоду, а сiе и помѣшаетъ вылупаться яицамъ хлѣбныхъ червей. Пусть такимъ образомъ пролежитъ жито зиму, послѣ которой выни-

вынимаютъ его изъ анбара и кладутъ въ сухое и сокровенное мѣсто. Симъ пособïемъ можно его хранить безъ вреда черезъ сто лѣтъ. Вотъ первой способъ, публикованной въ Экономическомъ Журналѣ противъ хлѣбныхъ червей; но есть еще и другïе.

Въ томъ же самомъ Журналѣ въ Маïѣ 1756 года сказано, что изъ всѣхъ средствъ, какïя ни употребляли противъ сихъ опасныхъ насѣкомыхъ, дѣйствительнѣйшее состоитъ въ томъ, чтобъ поливать полъ и стѣны въ житницѣ чесночнымъ отваромъ; чеснокъ сперва должно было размочить въ довольномъ количествѣ соленой воды; какъ скоро запахъ сего отвара будетъ чувствителенъ, такъ скоро насѣкомыя и начинаютъ лопать и издыхать. Сабина, плющь, сѣра, оленïй рогъ, зеленица и вообще все, что имѣетъ крѣпкой запахъ, такъ какъ мы уже сказали, производятъ такое же дѣйствïе. Насѣкомыя сïи не больше любятъ и хмелевыхъ цвѣтовъ; не могутъ подобно терпѣть самбуковыхъ цвѣтовъ, кои запахомъ своимъ удаляютъ гусеницъ, сырныхъ червей и моль. Думаютъ, что полынь, рута, божье дерево, чаберъ, папоротникъ,

никЪ, ландышь и зеленой коріандрЪ имѣютЪ подобное свойство. —

ВЪ земледѣльческихЪ газетахЪ находятся также многія средства, способствующія кЪ изтребленію хлѣбныхЪ червей. Главное изЪ нихЪ, весьма похваляемое однимЪ безымяннымЪ авторомЪ, есть кипятокЪ; Г. Дюгамель и РеомюрЪ давно уже такЪ думали. ТамЪ же помѣщенЪ и слѣдующій рецептЪ: взять большой самоварЪ, и наполнить его листьями просквиной травы; на листья положить полтора фунта морской соли, двѣ или три луковки чесноку и около ведра воды: все это вмѣстѣ вскипятить, и поливать симЪ отваромЪ полЪ вЪ житницѣ, стѣны и самое жито, не пересыпая его. КакЪ скоро, говорятЪ, сдѣлаешь сію поливку, тотчасЪ насѣкомыя убираются, и ежели пойдутЪ черезЪ спрысканныя мѣста, то погибаютЪ, покраснѣвши сперва такЪ, какЪ вареные раки.

Еще предлагаютЪ на сей случай два способа, изЪ коихЪ первой состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ разсыпать негоднаго кожевеннаго дубу, недавно взятаго изЪ кожевничьихЪ ямЪ, по всей житницѣ вЪ вышину на три или че-

 тыре

тыре дюйма, и оставить его тутъ на семь или на восемь дней. Сего времени довольно, чтобъ насѣкомыя разбѣжались, или померли. Другїе совѣтуютъ нарвать свѣжаго хмелю и принесши его сушить въ житницѣ: сильной запахъ сего растѣнїя истребляетъ хлѣбныхъ червей и прогоняетъ мышей.

Другой секретъ, полезной въ семъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ сожечь извѣстное количество коровьихъ роговъ и старыхъ сапоговъ, или башмаковъ; по томъ затворить двери накрѣпко и закрыть всѣ окошки, чтобы стѣны довольно напитались симъ дымомъ, и слѣдовательно дурнымъ запахомъ; а какъ запахъ сей не выходитъ через цѣлой годъ, то въ сїе время и можно быть въ безопасности отъ всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Нѣкто безымянной помѣстилъ въ Журналѣ нашемъ *Разсмотренной природы* 1778 года одинъ способъ, которой выдаетъ онъ за наидѣйствительнѣйшїй, что касается до истребленїя сихъ насѣкомыхъ; имъ пользоваться можно только въ концѣ Сентября.

Какъ

какъ въ это время поспѣваютъ орѣхи, то онъ и велитъ взять довольное количество *шелухи* сихъ плодовъ, выбирая самую большую, покласть ихъ безъ всякаго другаго приготовленія въ углы житницы, въ которой есть хлѣбные черви, и оставить ихъ тамъ. Будучи приманены сею прикормкою, покидаютъ они жито и кидаются на *шелуху*, коя служитъ имъ истиннымъ ядомъ, которому не могутъ противиться. А какъ можетъ статься, что насѣкомыя сіи поклали свои яица въ стѣнахъ и скважинахъ, и что въ слѣдующій годъ гадины сіи опять появятся, то и надобно черезъ нѣсколько лѣтъ сряду употреблять сей сколько простой, столько и дѣйствительной рецептъ, чѣмъ и можно избавиться сего бича.

Г. Броссъ Оберъ-Президентъ Дижонскаго парламента, примѣтивъ нѣкогда, что насѣкомыя сіи завелись у него въ нѣкоторыхъ житницахъ, боялся, какъ бы не опустошили они всѣхъ житницъ, какъ вдругъ одинъ его человѣкъ сказалъ ему, что черезъ три дни не останется тамъ ни одного насѣкомаго, и что онъ можетъ то сдѣлать посредствомъ самаго простаго

надобья, какЪ дѣлаютЪ вЪ Пуату; вЪ самомЪ дѣлѣ слуга тотчасЪ побѣжалЪ вЪ кухню, принесЪ оттуда нѣсколько живыхЪ раковЪ, и покидалЪ ихЪ вЪ жито, вЪ которомЪ были хлѣбные черви, увѣряя при томЪ, что запахЪ ихЪ, распространившись по всей житницѣ, а особливо когда раки перелопаютЪ, или згніютЪ, будетЪ безвреденЪ для жита, но весьма пагубенЪ для насѣкомыхЪ. ЧерезЪ четыре часа насѣкомыя поползли изЪ всѣхЪ мѣстЪ, хотя еще раки были живы, и разсыпались по стѣнамЪ вЪ такомЪ множествѣ, что стѣны сіи во многихЪ мѣстахЪ были черны, какЪ сукно. Животныя сіи, желая уйти сквозь щели, погибаютЪ, какЪ скоро появятся на вольной воздухЪ; не худо употреблять сіе лѣкарство, какЪ скоро насѣкомыя сіи поделаютЪ себѣ гнѣзда вЪ житѣ.

Другой рецептЪ на сей же случай состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ налить вЪ большой горшокЪ, а ежели не довольно, то и вЪ два свѣжаго щолоку, и положить туда столько зеленыхЪ орѣховыхЪ граней, сколько помѣстится; сіи грани безЪ орѣховЪ только варить около двухЪ часовЪ, по томЪ вынувЪ

изЪ

изъ печи отнести въ житницу; вылить щолокъ и грани на полъ, и мешелкою или щоткою разметать сїю жидкость по всему полу, орошая притомъ всѣ щели на полу и на стѣнахъ, гдѣ кроются хлѣбные черви.

Г. Аргондъ прибѣгнулъ въ семъ случаѣ къ одному средству, которое хотя покажется и странно, однако оно имѣло свой успѣхъ. Какъ передъ Ивановымъ днемъ не было у него въ житницѣ ни хлѣба, ни сѣна, ни соломы ничего, то онъ приказалъ туда принести пять или шесть мѣшковъ муравьѹвъ; какъ скоро высыпали ихъ на полъ, то муравьи и разсыпались во всѣ стороны; они напали на хлѣбныхъ червей, и не прежде отстали отъ сей добычи, какъ перебивъ всѣхъ наголову. Черезъ пять или шесть дней не осталось больше въ житницѣ ни одного насѣкомаго. Послѣ сего Г. Аргондъ велѣлъ ее очистить, и землю муравьиную выносить; а муравьи сами разбѣжались.

Въ Сицилїи хранятъ жито отъ сихъ насѣкомыхъ, употребляя бузину или другую какую нибудь траву, имѣющую крѣпкой запахъ: тамъ же есть

 обы-

обыкновенїе мочить сїи травы въ морской водѣ, и спрыскивать по томъ сею водою житницы.

Г. Тьеболтъ, Маньи ле-Мецской приходской священникъ, видя закормъ жита, бывшаго въ его житницѣ, усыпанный хлѣбными червями, прибѣгнулъ къ довольно простому средству, которое однако ему очень удалось. Онъ велѣлъ намочить конопляное или посконное полотно, и покрылъ имъ все свое жито; черезъ полтора часа снявши полотно, увидѣлъ онъ съ удовольствїемъ и удивленїемъ, что вся парусина покрыта была сими насѣкомыми, кои къ ней пристали. Онъ было хотѣлъ повторить сей опытъ, однако не нашелъ больше ни одного животнаго.

Когда житницы пусты и довольно вычищены, надобно туда запирать на ночь барановъ мѣсяца два; запахъ сихъ животныхъ всѣхъ ихъ истребитъ нечувствительно. Естьли года черезъ полтора они опять появятся, то по срединѣ житницы можно поставить широкую сковороду съ горящими угольями, на которую положить старыхъ кожъ или роговъ коровьихъ: двери и окошки надобно затворить накрѣпко.

Сїю

Сїю операцїю надобно всегда повторять, какъ скоро заведутся опять хлѣбные черви.

Или, положить въ кадку, или въ другой какой нибудь сосудъ столько известки, сколько нужно для обмазанїя всѣхъ стѣнъ въ житницѣ; известку сїю надобно погасить въ щелочной водѣ, и въ двенатцать или пятнатцать фунтовъ известки положить фунтъ аспиднаго масла; перемѣшавши всю хорошенько, надобно выбѣлить стѣны и потолокъ житницы сею смѣсью.

ГЛАВА XIX.

Саранча.

Саранча есть малое насѣкомое, могущее весьма унизить гордость человѣка. Она часто опустошаетъ наши поля и тѣмъ лишаетъ собиранїя плодовъ земныхъ, коими мы питаемся; усы у нее простые тонкїе, гораздо долѣе всего тѣла; у самокъ на хвостѣ находятся прибавочки; у нихъ по три маленькихъ гладкихъ глаза. Саранча прыгаетъ помощїю заднихъ своихъ ногъ, кои сильны и длиннѣе переднихъ. Она ползаетъ проворно и ле-

летаетъ довольно хорошо. Самки кладутъ свои яица въ землѣ; яицъ несутъ онѣ вдругъ по многу, и изъ сихъ яицъ, соединенныхъ между собою тонкою перепонкою, составляется цѣлая кучка. Малыя лярвы, изъ нихъ выходящїя, совсѣмъ похожи на совершеннаго животнаго, только что меньше; а притомъ нѣтъ у нихъ ни крыльевъ, ни футлярцовъ, но только нѣкоторой родъ шишечекъ, коихъ четыре, и въ коихъ содержатся тѣ и другїя. Части сїи развертываются не прежде, какъ когда насѣкомое выростетъ.

Саранча живетъ обыкновенно по лугамъ, такъ какъ и лярвы сего насѣкомаго. Она очень прожорлива и питается травою. У нее много желудковъ, и по сей-то причинѣ различные авторы утверждаютъ, что саранча жвачку отрыгаетъ. Г. Жофруа упоминаетъ въ своемъ трактатѣ о двухъ видахъ саранчи, водящейся въ окрестностяхъ Парижа. Первая, говоритъ онъ, есть саранча съ острымъ кривымъ хвостомъ (Locusta cauda ensiferâ curvâ. Geoffr. 397. Сїя саранча въ длину имѣетъ одиннатцать линей, а

въ

въ ширину одну съ половиною: цвѣтъ на ней вездѣ блѣдно-зеленой, усы тонкїе и долгїе; крылья цѣлою третьею долею дольше тѣла; лядвеи у заднихъ ногъ сихъ насѣкомыхъ очень велики и столько же долги, какъ и футлярцы, чѣмъ и отличается саранча сїя отъ другой съ прямымъ хвостомъ, которая живетъ также, какъ говоритъ Г. Жофруа, въ окрестностяхъ Парижа; Lousta caudâ ensiferâ rectâ. Geoffr. 398. Сїя саранча въ длину двадцати трехъ, а въ ширину трехъ линей.

Она свѣтлозелена: усы у нее тонкїе, предолгїе и состоятъ изъ безчисленнаго множества колечекъ; у самца нѣтъ хвоста, но за то у начала его футлярцовъ внизу есть широкое отверстїе, сдѣланное изъ тоненькой кожицы, похожей на барабанную и производящей тотъ шумъ, которой слышанъ бываетъ отъ сего насѣкомаго въ полѣ.

Шваммердамъ изчисляетъ многїе виды саранчи иностранной. Въ Америкѣ есть саранча, кояноситъ капишонъ: цвѣтомъ она темнокрасная съ бѣлыми пятнами. На мысѣ Доброй Надежды есть также ихъ два весьма до-

 стой-

стойные примѣчанія вида. Въ королевствѣ Иссини саранча производитъ отмѣнной нѣкоторой звукъ въ поляхъ и на кровляхъ домовъ. Саранча, живущая въ заливѣ св. Людовика, въ Восточной Индіи и на островѣ Мадагаскарѣ, прыгаетъ въ лице и грудь жителямъ съ такою силою, что едва могутъ послѣ того отдохнуть. Саранча, водящаяся на Антильскихъ островахъ, похожа на нашу. Саранча-лошадь живетъ въ Луизіанѣ; толщиною она въ дюймъ; тѣло и большія ея крылья черныя, а маленькія нижнія крылышки пурпуроваго цвѣту. Саранча сія, такъ какъ и другія, съ головы походитъ на лошадь.

О. Наретъ, бывшій миссіонеромъ въ Левантѣ, или Натоліи, говоря о саранчѣ, изъясняется между прочимъ въ описаніи путешествія своего въ Палестину, что не надобно дивиться тому, что святый Предтеча, не хотя искать въ отдаленныхъ мѣстахъ пищи, довольствовался акридами или саранчею; ибо здѣсь ее, присовокупляетъ онъ, чрезвычайно много. Другой миссіонеръ, тамъ же бывшій, повѣствуетъ, что въ древней Ливіи столь много бываетъ

саранчи, что она не преминула бы опустошить всю землю, естьли бы Промыслъ не посылалъ пособія противъ сихъ столь слабыхъ, но столь непобѣдимыхъ силами человѣка животныхъ.

Я видѣлъ ихъ иногда, говоритъ сей миссіонеръ, въ воздухѣ цѣлыя облака, сквозь кои не видно было даже солнца: въ семъ году, продолжаетъ онъ, поѣли сіи насѣкомыя всю траву и всѣ древесныя листья. По смерти ихъ изъ ихъ яицъ вывелось невѣроятное множество молодыхъ, кои довершили опустошеніе.

Въ семъ всеобщемъ бѣдствіи единственное средство, посылаемое отъ Бога отъ времени до времени, есть нѣкоторой родъ малыхъ птицъ, прилетающихъ со стороны Персіи, и кричащихъ на подобіе нашихъ зимородокъ. Летая надъ землею, покрытою саранчею, приводятъ онѣ ея въ безпорядокъ и пожираютъ; а вареніе въ желудкѣ производится весьма скоро. Въ ту землю, откуда прилетаютъ сіи птицы, ходятъ за водою, которую принесши хранятъ, какъ драгоцѣнное сокровище въ большяхъ восточныхъ

горо-

городахъ, а особливо въ Дамаскѣ и Алепѣ, въ коихъ чаще всѣхъ свирѣпствуетъ сія язва: здѣсь говорятъ (что однако кажется очень странно), будто самымъ опытомъ уже не однократно узнали, что естьли поболтать сію воду, то помянутыя птицы слетятся туда во множествѣ, какъ будто бы онѣ ее чувствовали и прилетали на ея запахъ; ихъ называютъ *зенармерсами*. Впрочемъ не столько полагаются на сію, сколько на небесную помощь.

Въ Левантскихъ запискахъ помѣщенъ одинъ весьма любопытной анекдотъ, состоящій въ описаніи образа переправы саранчи черезъ рѣки; образъ сей очень удивителенъ. Первая саранча, или первыя насѣкомыя, говорится тамъ, прилетѣвшія на берегъ, зближиваются и прижимаются другъ ко другу и такимъ образомъ дѣлаютъ цѣпь, или веревку довольно длинную; они бросаются въ воду, дѣлаютъ родъ моста, черезъ которой прочія переходятъ на другой берегъ, несучи туда съ собою опустошеніе. Однакожъ сей анекдотъ требуетъ еще подтвержденія; а мы его привели сюда для того, чтобъ

ни-

ничего не упустить касательно до сихъ насѣкомыхъ.

Въ тѣхъ же самыхъ запискахъ помѣщенъ и другой анекдотъ, которой вѣроятнѣе перваго. Въ древнія времена на вершинѣ одной горы, стоящей неподалеку отъ Баскомта, находился змей чрезвычайной величины, которой дожидался саранчи на пути, и поѣдалъ всѣхъ, кои къ нему близко прилетали. Въ раззинутой его ротъ попадало ихъ чрезвычайное множество; но какъ скоро насѣкомыя сіи, коихъ поѣдалъ онъ живыхъ, взошли въ его внутренность, то они съѣли и его обратно, такъ что въ скорости ничего больше не осталось, кромѣ костей.

Лемери, говоря о саранчѣ, повѣствуетъ, что въ нѣкоторыя времена бываетъ она ужасной величины, и гонима будучи вѣтромъ, нападаетъ иногда въ такомъ множествѣ на цѣлыя страны, что покрываетъ всю поверхность земли и опустошаетъ ее совершенно. Естьли вѣрить Скалигеру, то саранча всякой годъ дѣлаетъ опустошенія въ нѣкоторыхъ странахъ. Страхъ и смятеніе, разсѣваемыя часто между народомъ безчисленнымъ

мно-

множествомъ сихъ насѣкомыхъ, бывають столь велики, что ихъ почитають животными чрезвычайными и чужестранными, не смотря на то, что они обыкновенно тутъ и родятся, и не имѣютъ никакого существеннаго отличія.

Однако то истинная правда, что изъ всѣхъ животныхъ нѣтъ ни одного столь пагубнаго и столь вреднаго для рода человѣческаго, какъ саранча. Древніе Натуралисты почитали сихъ насѣкомыхъ предтечами голода, моровой язвы и войны. Правда, что они могутъ быть предтечами первыхъ двухъ бичовъ человѣческаго рода, потому что все опустошаютъ, и что повѣтреныя болѣзни бываютъ часто послѣдствіями голода; они-то составляли осьмое наказаніе, которое Богъ послалъ на Египтянъ въ царствованіе Фараона. Алдровандъ и многіе другіе писатели повѣствуютъ о многихъ примѣрахъ опустошеній, кои причиняли сіи насѣкомыя. Мезерай *во Французской* своей *Исторіи* говоритъ, что въ мѣсяцѣ Маѣ 1763 года родилось столь великое множество саранчи въ поляхъ Арлскихъ, что въ Провансѣ, что меньше,

ше, нежели въ восемь часовъ поѣли они самые коренья травъ и нежатаго хлѣба, больше нежели на пятнатцати тысячахъ десятинъ земли; онѣ завелись даже на гумнахъ и въ житницахъ, и истребили все, находившееся тамъ жито. Когда насѣкомыя сіи, собравшись въ кучу, поднимались на воздухъ, то дѣлали нѣкоторой родъ облака, потемнявшаго самое солнце. Истребивши хлѣбъ во всѣхъ окрестностяхъ Арлеса, переправились они чрезъ Ронъ и прилетѣли въ Таронконъ и Бокеръ; но какъ хлѣбъ въ то время былъ уже сжатъ или собранъ, то они поѣли всѣ овощи и всю траву въ садахъ; по томъ полетѣли къ Бурбону, Валабру, Монфрїору и Аримону, гдѣ причинили равное опустошенїе; и естьли бы не дрозды, скворцы и другїя бѣлыя птицы, называемыя тамъ *габїанами*, коимъ въ добычу достались сїя насѣкомыя, то бы они и далѣе еще простерли свой полетъ и опустошенїе.

Тѣ, которыя спаслись отъ сихъ птицъ, наклали столь великое множество яицъ, что конечно вся бы земля была опустошена, естьли бы ихъ тутъ оставили; однакожъ правитель-

ство

ство издало повелѣніе собирать сіи яица и зарывать ихъ въ землю, или бросать въ рѣку Ронъ. Ихъ набрали три тысячи четвериковъ, и въ то же время изчислили, что естьли бы сіи яица вылупились, то бы изъ каждаго четверика вывелось до миліону семи сотъ пятидесяти тысячь насѣкомыхъ.

Въ *Исторіи Карла* XII пишутъ о саранчѣ, которая весьма много безпокоила сего Государя въ нижней Аравіи. Чрезвычайное множесто сихъ насѣкомыхъ поднялось нѣкогда въ полдень со стороны моря, сперва по маленьку, а по томъ цѣлыми тучами, затмѣвавшими солнечной свѣтъ, и дѣлавшими воздухъ густымъ и мрачнымъ, такъ что во всей той странѣ солнца совсѣмъ стало не видно. Насѣкомыя сіи летали не близко къ землѣ, но такъ почти высоко, какъ летаютъ ласточки, пока наконецъ нашли одно поле, на которое всѣ спустились. Они часто попадались на дорогѣ, продолжаетъ Историкъ Карла XII, съ которой поднимались производя шумъ, похожей на бурю; они пустились на армію Карла XII, какъ туча, кидались на ту

долину, въ которой стояла она лагеремъ, и не опасаясь, что они будутъ потоптаны лошадиными ногами, поднимались съ земли и покрывали все тѣло и лице у солдатъ, такъ что они ничего не могли передъ собою видѣть до тѣхъ поръ, пока армія совершенно перешла черезъ то мѣсто, гдѣ останавливались сіи насѣкомыя. Вездѣ, гдѣ ни садились они, производили ужасное опустошеніе, пожирая траву и всякіе коренья, такъ что вмѣсто той пріятной зелени, которая покрывала прежде всѣ поля, ничего больше не стало видно, кромѣ сухой и песчаной земли. Не льзя бы кажется и повѣрить, присовокупляетъ нашъ Историкъ, чтобы столь малое животное могло перелетѣть черезъ море, естьли бы самой опытъ часто случающійся не доказалъ того на самомъ дѣлѣ беднымъ тамошнимъ жителямъ; потому что переправившись черезъ небольшой заливъ Евксинскаго понта, насѣкомыя сіи пролетаютъ еще великія провинціи, гдѣ поѣдаютъ все, что имъ ни попадется, и даже гложутъ самыя ворота и двери у домовъ.

Когда они въ походѣ, то дѣлятъ между собою всякую добычу, какую найдутъ. У нихъ всегда, говорятъ, бываетъ начальникъ, которой летитъ на удачу; гдѣ онъ остановится, тутъ остановляются и прочія для соблюденія порядка въ походѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они погибаютъ, заражаютъ воздухъ и причиняютъ разныя болѣзни.

Естьли вѣрить Орезію, то въ 2800 году отъ сотворенія міра въ Африкѣ было чрезвычайное множество саранчи, которая поѣвши тамъ всѣ растѣнія, потонула въ Африканскомъ морѣ; вода въ семъ морѣ такъ была заражена, что вонь, выходившая изъ нее безпрестанно, причиною была мороваго повѣтрія, въ которое умерло больше трехъ сотъ тысячь человѣкъ.

Изъ перечня двухъ писемъ, писанныхъ въ 1690 году къ Г. Аббату де Сент-Уссанъ, видно, что въ теченіе того года въ Россіи было толь великое множество саранчи, что будучи жива приклоняла она самые древесные сучья, на коихъ садилась, къ землѣ, а померши покрыла землю вышиною слишкомъ на четыре фута.

До сихъ поръ никто еще не изобрѣлъ ни одного вѣрнаго и надежнаго средства для истребленія саранчи. Алдровандъ, сей великой Натуралистъ, не находитъ никакого больше способа противъ сихъ насѣкомыхъ, кромѣ молитвы; то есть, онъ говоритъ, что въ семъ случаѣ надобно прибѣгать къ Богу, и стараться преклонить гнѣвъ Его на милость общественными молитвами.

Естьли бы саранча не была въ толь великомъ множествѣ, какъ бываетъ обыкновенно: то можно бы было дойти до того, чтобъ ее истребить, по тому, что удобно ее можно ловить и давить.

ГЛАВА XX.

Виноградной червь.

Виноградной червь есть маленькое насѣкомое: самецъ цвѣту зеленоватаго, а самка бѣлаго. Они грызутъ отпрыски на деревахъ. Нѣкоторые садовники, для соблюденія молодыхъ отросточковъ, обертываютъ ихъ бумагою и завязываютъ ниткою; но часто та-

кая предосторожность бываетъ безполезна.

Насѣкомое сіе причиняетъ особливо великой вредъ винограду; оно перегрызаетъ молодыя вѣточки, когда они выростутъ длиною около полуфута. Яица свои завертываетъ оно въ листочки, и изъ сихъ яицъ вылупаются червячки, кои кидаются на виноградъ тогда, когда онъ цвѣтетъ, и опутываютъ его нѣкоторымъ родомъ весьма тонкаго тенета, довольно похожаго на паутину; наконецъ червячки сіи превращаются въ маленькихъ жучковъ, кои суть настоящія насѣкомыя, названныя отъ земледѣлателей *виноградными червями*.

Естьли на виноградѣ много будетъ сихъ насѣкомыхъ, то собирать его надобно нѣсколько попрежде обыкновеннаго, дабы вино, которое изъ него надобно дѣлать, не изпортилось; потому что множество сихъ насѣкомыхъ могутъ сдѣлать его худымъ и невкуснымъ. Однако можно уменьшить число сихъ насѣкомыхъ, очищая деревья; только дѣлать сіе надобно съ великимъ искусствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро насѣкомыя сіи примѣ-

мѣтятъ, что ихъ намѣрены ловить: то тотчасъ падаютъ на землю и скрываются; по сей причинѣ надобно подставить руку подъ листикъ или сучокъ виноградной, чтобы падали въ нее насѣкомыя, или разослать подъ деревами парусину; по томъ оторвавши имъ головы, побросать въ горшокъ, а послѣ передавить, или пережечь. Надобно также собрать и всѣ листья, въ коихъ яицы ихъ завернуты, какъ тѣ, кои еще на деревахъ, такъ и тѣ, кои попадали на землю. Но чтобы не одинъ трудился въ очищенiи своего сада, то надобно, чтобы и сосѣди его дѣлали тоже самое и въ тоже время, потому что насѣкомыя сiи, перелетая изъ саду въ садъ, вскоросmи не преминули бы развестись опять въ тѣхъ мѣстахъ, кои будутъ очищены.

Дабы воспрепятствовать виноградному червю опустошать виноградъ, надобно, говорятъ, сѣять по мѣстамъ конопли около мѣсяца Марта и послѣ сего оборвать головки у сего растѣнiя, или совсѣмъ ихъ вырвать, не давая времени созрѣть и принести плодъ.

ГЛАВА XXI.

Гусеница.

Отличительные характеры гусеницы состоятъ въ томъ, что у нихъ одинъ только членъ на томъ мѣстѣ, гдѣ надобно быть пальцамъ, и два рода конейцовъ или рожковъ больше, или меньше долгихъ, находящихся на концѣ брюшка. У нѣкоторыхъ видовъ рожки сіи бываютъ долгіе, прямые и твердые, а у другихъ они потолще, покороче и походятъ на шишечки; однако у всѣхъ они есть.

Нѣтъ ни одного насѣкомаго столь обыкновеннаго, какъ гусеница; она находится на всѣхъ почти растѣніяхъ, всегда почти въ обществѣ и въ великомъ множествѣ. У всѣхъ сихъ малыхъ насѣкомыхъ по шести маленькихъ и тоненькихъ лапокъ: тѣло у нихъ толстенькое и неповоротливое, такъ что съ трудомъ они ходятъ. Многія остаются весьма долгое время недвижимы на листочкахъ и почкахъ растѣній, а иногда скрываются подъ тѣми же листьями, свернувшись.

Крылья у нихъ бываютъ больше всего ихъ тѣла: хоботъ ихъ, которой также

же очень дологъ, выходитъ изъ груди между передними лапками; но часто находятъ у нихъ еще маленькой черенокъ, которой выходитъ изъ головы и лежитъ на основанiи хобота; можетъ быть черезъ сей черенокъ проходитъ въ голову нѣкоторая часть пищи, которую получаетъ насѣкомое.

Гусеница есть такое насѣкомое, которое доставляетъ Натуралисту очень много отмѣннаго. Одни изъ сихъ насѣкомыхъ бываютъ съ крыльями, а другiя безъ нихъ: сперва можно подумать, что съ крыльями самцы, а безъ крыльевъ самки; однако нѣкоторыя и самки бываютъ съ крыльями.

Впрочемъ весьма легко можно отличить лярвъ и куколокъ сихъ насѣкомыхъ, кои должны быть съ крыльями, отъ тѣхъ, у которыхъ ихъ не будетъ. У лярвъ съ обѣихъ сторонъ на задней части груди бываетъ пучечикъ, или пакетецъ, содержащiй въ себѣ крылышки, кои должны въ послѣдствiи времени открыться. Сiи насѣкомыя суть несовершенны: они не родятъ себѣ подобныхъ; но что касается до другихъ, то они совоку-

пляются и выводятъ дѣтей, съ крыльями ли они будутъ, или нѣтъ. И вотъ первая отмѣна въ семъ родѣ насѣкомыхъ, то есть, что бываютъ самки съ крыльями и безъ крыльевъ: впрочемъ какъ тѣ, такъ и другія совершенны.

Вторая странность, свойственная симъ насѣкомымъ есть та, что они вдругъ бываютъ и яицеродныя и живородныя: иногда несутъ они яица продолговатыя, довольно великія въ сравненіи съ своимъ тѣломъ, изъ коихъ вылупаются напослѣдокъ ихъ дѣти; а иногда, что случается еще чаще, родятъ живыхъ. Изъ различныхъ наблюденій, какія чинимы были въ разсужденіи сего предмета, вѣроятно, что животныя сіи раждаютъ живыхъ лѣтомъ, а весною, когда совокупляются, несутъ яица. Поелику они погибаютъ въ холодное зимнее время, то родъ ихъ и не могъ бы существовать навсегда, естьли бы они не оставляли послѣ себя оплодороженныхъ яицъ.

Дѣти, раждающіяся живыми, выходятъ съ задняго конца материна брюха, и иногда случается, что одна

шать въ одинъ день родитъ ихъ отъ пятнатцати до дватцати, хотя брюхо ея столько же толсто остается, какъ и прежде. Сіе на самомъ опытѣ узнать можно, то есть, естьли пожать тихонько брюхо у матери, то увидишь тогда безчисленное множество выходящихъ оттуда маленькихъ гусеницъ, кои отчасу становятся меньше и лѣзутъ, какъ самыя маленькія зернышки.

Третія и послѣдняя странность въ сихъ насѣкомыхъ есть та, что самка, одинъ разъ будучи оплодорожена, остается таковою во многіе роды, то есть, что и дѣти ея бываютъ въ тоже время оплодорожены. Естьли взять гусеницу въ ту самую минуту, какъ только лишь родится, и запереть ее въ особенное мѣстечко, стараясь только доставлять ей нужную пищу: то сія гусеница, естьли только будетъ самка, скоро родитъ дѣтей; естьли взять равнымъ образомъ и сію маленькую гусеницу, родившуюся отъ такой матери, которая не имѣла совокупленія, и поступить съ нею такъ же, какъ и съ ея матерью: то и сія родитъ дѣтей; и такъ далѣе. Нѣкоторые

рые Натуралисты повторяли сей опытъ до третьяго и четвертаго рода или колѣна; а Г. Боннетъ чинилъ сей опытъ до девятаго рода въ продолженіе только трехъ мѣсяцовъ.

Но какъ изъяснить такое явленіе природы? Вотъ трудная задача! Все, что можно сказать вѣроятнаго въ семъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что оплодороживаніе, производимое совокупленіемъ, производится на многіе роды сряду до тѣхъ поръ, пока дѣтородная сія сила не истощится мало помалу въ слѣдующихъ родахъ.

Всѣ гусеницы, какъ съ крыльями, такъ и безъ крыльевъ, много разъ перемѣняютъ свою кожу; послѣ сей-то перемѣны у первыхъ открываются крылья. Когда они находятся еще въ видѣ, или состояніи лярвы, то едва можно различить тѣ мѣста, гдѣ показаться должны крылья; но какъ скоро перейдутъ въ состояніе куколокъ, то мѣста сіи бываютъ примѣтны. Что касается до тѣхъ насѣкомыхъ сего роду, кои навсегда остаются безъ крыльевъ, то превращенія ихъ ограничиваются одною только перемѣною кожи. Сверьхъ сего видъ лярвы, куколки или

ним-

нимфы и совершеннаго насѣкомаго есть совершенно одинъ и тотъ же, такъ что не льзя ихъ и отличить. —

Многія изъ сихъ насѣкомыхъ, говоритъ Г. Жофруа, бываютъ покрыты бѣлою пылью, а нѣкоторыя родомъ бѣлаго и мягкаго пушка; но какъ пыль, такъ и пушокъ въ большемъ количествѣ примѣтны тогда, когда насѣкомому приходитъ время перемѣнить кожу: сія пыль и сей пушокъ слабо держатся на немъ, и по видимому выпариваются изъ его тѣла. Кромѣ сего пушка примѣчаютъ еще маленькія капельки воды на концѣ тѣхъ двухъ рожковъ, кои насѣкомое носитъ назади. Вода сія выходитъ изъ оныхъ рожковъ, кои внутри пусты; она бываетъ сладка. Гусеницы выпускаютъ ее также довольное количество изъ конца своего тѣла. Сія-то сладкая вода приманиваетъ къ себѣ великое множество муравьевъ, ползающихъ по деревьямъ, гдѣ много сихъ насѣкомыхъ.

Деревья, на коихъ очень много бываетъ гусеницы, терпятъ отъ того великой вредъ. Сіи насѣкомыя, засунувши острой свой хоботъ въ листочки, достаютъ оттуда себѣ пищу; отъ

отъ чего листочки свертываются и блекнутъ; а притомъ дѣлаются у нихъ внизу впадинки, а вверху шишки, и даже въ нѣкоторыхъ дѣлается родъ чернильныхъ орѣшковъ, наполненныхъ сими насѣкомыми.

Не можно бы кажется и повѣрить, чтобы легкое укушенїе столь малаго насѣкомаго, каково есть гусеница, могло такимъ образомъ обезобразить какое нибудь растѣнїе; но перестанешь удивляться, естьли помыслишь, что насѣкомыя сїи бываютъ всегда въ великомъ количествѣ, которое ежеминутно возрастаетъ по причинѣ чрезвычайной плодовитости сихъ насѣкомыхъ. И такъ хотя каждое укушенїе, взятое порознь, почти нечувствительно, однако столько ихъ бываетъ много и часто, что не для чего болѣе удивляться, когда листья бываютъ такимъ образомъ изуродованы. По сей причинѣ многїе любители садоводства и земледѣлїя стараются очищать и освобождать деревья отъ сихъ гадинъ; однако часто старанїя ихъ бываютъ тщетны, потому что насѣкомыя сїи столь плодовиты, что вскорости могутъ развесть новой многочисленной родъ.

Одна-

Однакожъ можно ихъ много перегубить, естьли сжимать каждой листочикъ, ими населяемой, двумя губками, напоенными табачнымъ отваромъ (нюхательной табакъ, естьли его посыпать на гусеницу, умерщвляетъ ее въ одну минуту), или негашеною известью, или крѣпкою мыльною водою, или отваромъ изъ сажи, шалфею, иссопу, полыни и другихъ горькихъ или имѣющихъ крѣпкой запахъ травъ. Сажа, известь и мыло имѣютъ то неудобство, что листья, плоды и сосѣднія растѣнія дѣлаются солеными; отъ табаку и полыни остаются горькія частицы на плодахъ и овощахъ; другія вещества бываютъ часто недовольны: дикая рябина, бѣлая чемерица, рута, Испанской чеснокъ, райскія яблоки и стручковой перецъ имѣютъ также одно изъ помянутыхъ неудобствъ. Нѣкоторые совѣтуютъ на сей случай употреблять нефть, скипидаръ и другія масла; однакожъ, употребляя ихъ, надобно беречься, чтобъ они не подѣйствовали въ тоже время на растѣнія, и не причинили имъ болѣзни, или смерти.

Другіе употребляютъ сіи различныя острыя и ѣдкія вещества въ порошкѣ; но и въ семъ видѣ имѣютъ они не меньше неудобствъ. Лучшее самое средство въ семъ случаѣ есть то, чтобъ обрывать листья и вершинки тѣхъ отростковъ, на коихъ есть гусеница, и бросать ихъ въ огонь, въ воду, или зарывать въ землю. Однакожь нѣкоторые садовники не похваляютъ сіе отрубаніе на плодоносныхъ деревьяхъ, потому что оно подаетъ случай родиться многимъ слабымъ сучьямъ, и слѣдовательно причиняетъ вредъ красотѣ и сладости дерева.

Впрочемъ, ежели еще не на многихъ деревахъ есть гусеница, и притомъ льзя ее видѣть, то можно давить ее руками; или сметать ее крылышкомъ и маленькою щеткою, подставивъ блюдо, или другой какой сосудъ, а по томъ давить.

Нѣкоторые Писатели совѣтуютъ разсыпать по деревамъ, усаженнымъ гусеницами, другихъ насѣкомыхъ, кои суть лярвы, и коихъ называютъ *волками гусеницъ*; сіи прожорливыя лярвы истребляютъ каждой день великое множество сихъ насѣкомыхъ тѣмъ удобнѣе,

бнѣе, что сіи послѣднія остаются спокойны и недвижимы подлѣ самыхъ своихъ непріятелей. Лярва сія есть червь о шести лапкахъ; тѣло его кругло-продолговато; на головѣ выростаютъ щипчики, коими схватываетъ онъ гусеницъ и тотчасъ пожираетъ. Насѣкомое сіе водится на сучкахъ тѣхъ деревъ, на коихъ бываетъ много гусеницы.

Въ 1763 году публикованъ въ *Марсельскихъ вѣдомостяхъ* одинъ способъ для изтребленія гусеницъ, вредныхъ для плодоносныхъ деревъ и самыхъ плодовъ. Надобно взять оловянную трубочку съ поршнемъ, у которой бы на концѣ была шишка со многими скважинами; насосавъ въ нее воды гашеной извести (что мы уже выше сказали) и настоенной табакомъ, спрыскивать деревья, на коихъ будетъ гусеница: насѣкомыя сіи помрутъ, а деревья останутся цѣлы. Черезъ четыре или пять дней послѣ сего спрыскиванья, надобно спрыснуть или обмыть тѣ же самыя деревья чистою водою.

Г. Лествичъ, Директоръ Патріотическаго въ Силезіи общества увѣрил-

рился наконецъ по многихъ опытахъ, что восемь или десять капель китова масла, вылитыя при корнѣ тѣхъ деревъ, у коихъ собираются садовыя гусеницы, и размѣрное количество воды могутъ изтребить гусеницъ. Гнѣзды ихъ бываютъ съ чайное блюдичко, и содержатъ въ себѣ многія тысячи яичекъ.

Г. Аббатъ Рожеръ предписываетъ слѣдующія средства для изтребленія гусеницъ: 1) дубовая корка, которою красили кожи животныхъ, лежа въ землѣ многіе мѣсяцы, а иногда и годы, пріобрѣтаетъ отъ гніенія такую кислоту и горечь, отъ которой умираютъ гусеницы, естьли приложить ее напр. къ персиковымъ сучьямъ; 2) сѣра: обмывши деревья посыпать толченой сѣры на гусеницъ, кои всѣ перелопаютъ; 3) табакъ, нюхательной или вареной также умерщвляетъ сихъ насѣкомыхъ; 4) взять райскихъ яблокъ, и вскипятивши ихъ въ водѣ, обливать сею водою деревья, что продолжать поутру и ввечеру до тѣхъ поръ, пока изтребятся всѣ сіи вредныя насѣкомыя; 5) взять извести и развести ее въ

водѣ,

водѣ, которою поливать деревья, усаженныя гусеницами.

Помянутой Авторъ совѣтуетъ еще тереть сучки и вѣтьви на деревѣ винными дрождями, также золою и сажею, въ водѣ разведенною; кислота первыхъ, а соляныя и спиртныя частицы послѣднихъ составляютъ, какъ говорятъ, вѣрное и дѣйствительнѣйшее средство къ истребленію гусеницъ.

ГЛАВА XXII.

Моль водящаяся въ шерстяныхъ матеріяхъ.

Моль есть насѣкомое, котораго первой отличительной характеръ есть нѣкоторой родъ маленькаго волосянаго или шерстянаго хохолка, которой находится на передней части головы сего насѣкомаго. Другой характеръ, которой вѣрнѣе перваго, состоитъ въ томъ, что лярва его, которая есть родъ гусеницы, объ осьми, четырнатцати и шестнатцати лапкахъ, вмѣсто того, чтобъ быть открытой и наружѣ, такъ какъ лярвы бабочекъ, скрывается въ мѣшечикъ, которой сама

дѣлаетъ изъ различныхъ веществъ и переноситъ его съ собою, или въ листочкахъ, кои свернувши, дѣлаетъ въ нихъ себѣ вѣрное и спокойное жилище, или наконецъ внутрь самаго листочка, у котораго мягкія и нѣжныя частицы, что называется паренхима, выѣдаетъ, а тоненькую кожицу какъ снизу, такъ и сверху оставляетъ и сама между ими поселяется. Въ сихъ-то уединенныхъ жилищахъ моль превращается въ хризалиду, не имѣя нужды въ содѣланіи себѣ гнѣзда. Мы здѣсь будемъ говорить о той только моли, которая водится въ домахъ, то есть о той, которая гложетъ наши обои, сукны и другія шерстяныя матеріи, коими питается и въ тоже время одѣвается. Сего роду мѣхи, въ коихъ водится моль, бываютъ весьма мастерски сдѣланы изъ самой тонкой шерсти, которую насѣкомое перегрызаетъ или перерѣзываетъ своими зубами, а по томъ соединяетъ или связываетъ ее въ одно мѣсто съ небольшимъ количествомъ шолку, которой само мотаетъ. Сей шелчокъ виденъ особливо во внутренности мѣха, которая бываетъ очень чиста и гладка, дабы не повредить нѣжнаго

наго тѣла моли; а внѣшность его покрыта тонкимъ шерстянымъ пушкомъ. Но не одно составленіе сего платья заслуживаетъ вниманіе; насѣкомое умѣетъ еще его сдѣлать длиннѣе или больше по мѣрѣ, какъ само ростетъ и увеличивается: а сіе весьма легко можно примѣтить, естьли перенесть маленькую моль съ одной матеріи на другую разнаго цвѣту. —

Мѣхи сихъ насѣкомыхъ бываютъ всегда, какъ извѣстно, того же самаго цвѣту, какого и шерсть, которую они употребляютъ; слѣдовательно не иначе можно примѣтить таковое прибавленіе ихъ мѣховъ, какъ развѣ когда перемѣнить цвѣтъ матеріи. И такъ положимъ, что взявъ нѣсколькихъ сихъ насѣкомыхъ еще малыхъ, у которыхъ и мѣхъ также еще малъ, перенесутъ вмѣстѣ съ ихъ синими мѣшками на красное сукно; черезъ нѣсколько времени повыростши будутъ они имѣть нужду въ прибавкѣ своихъ мѣховъ; но они это сдѣлаютъ, когда прицѣпятъ къ обоимъ концамъ, то есть, къ обоимъ отверстіямъ мѣха нѣсколько самой тонкой красной

шерсти. Для произведенія сего въ дѣйство, вылѣзаютъ они почти совсѣмъ изъ своихъ мѣховъ, кои были сперва всѣ сини, но теперь уже обложены красною шерстью по концамъ, больше или меньше, смотря по мѣрѣ прибавокъ, сдѣланныхъ сими насѣкомыми. Но сей трудъ еще не великъ; имъ остается еще сдѣлать нѣчто труднѣйшее; надобно, чтобъ не только мѣхи ихъ были подольше, но еще и пошире прежняго; а иначе не льзя будетъ жить: въ семъ случаѣ разгрызаютъ они ихъ вдоль съ обоихъ концовъ, и въ сіе раздвоенное мѣсто вставливаютъ новой матеріи, которую также приготовляютъ; такимъ образомъ кромѣ красныхъ наставокъ въ мѣхахъ ихъ будутъ еще красныя въ длину вставки при всей ихъ прежней синей величинѣ. Черезъ нѣсколько времени сдѣлавшись еще больше и толще, будутъ они имѣть нужду вновь въ сей операціи; и естьли угодно, чтобъ мѣхи ихъ были еще разноцвѣтнѣе, то можно въ другой разъ выложить ихъ на зеленое сукно. Новыя наставки и вставки будутъ уже зеленыя, и мѣхи конечно будутъ имѣть участіе во

всѣхъ

всѣхъ тѣхъ цвѣтахъ, какіе бываютъ на суквахъ, когда высадятъ сихъ насѣкомыхъ. Но всего страннѣе еще то, что и испражненія ихъ бываютъ такого же цвѣта, какого и матерія, на которой водятся, такъ что смотря на нихъ можно сказать, что вся цвѣтная часть сукна, или шерсти уходитъ въ испражненія сихъ насѣкомыхъ въ то время, какъ самая сущность шерсти обращается въ пищу.

Моль, съѣвши всѣ тоненькія шерстяныя волокнышки, около себя находящіяся, переходитъ вмѣстѣ и съ своимъ мѣхомъ далѣе, и повсюду носитъ съ собою свое жилище до тѣхъ поръ, пока не придетъ время превращенія; въ это время привязываетъ она тоненькими ниточками мѣхъ свой къ матеріи: такими же ниточками зашиваетъ два отверстія сего самаго мѣха, которой въ сіе время начинаетъ ей служить гнѣздомъ; въ другихъ она не имѣетъ нужды. Въ семъ уединеніи превращается она въ хрисалиду; и когда достигнетъ состоянія совершеннаго насѣкомаго, то и выходитъ оттуда, прорывая то мѣсто, гдѣ прежде были отверстія: тогда начинаетъ она ле-

шать по покоямъ; цвѣтомъ бываетъ она обыкновенно сѣрая, голубая и блестящая, и каждое крыло имѣетъ посрединѣ черное пятно. Сихъ насѣкомыхъ находится и другой видъ. Цвѣтъ у сихъ есть темной по всему тѣлу; на верьхнихъ крылышкахъ находится много черноватыхъ пятенъ, и два маленькихъ желтыхъ пятна: голова у сихъ послѣднихъ сверху избѣла желтовата, съ черными глазами.

Кромѣ сихъ двухъ видовъ домовой моли есть еще и другїе, которыхъ гусеницы грызутъ разные мѣхи, птичьи кожи или чучелъ, и дѣлаютъ себѣ мѣшки изъ волосковъ и перьевъ, кои уносятъ. Всѣ сїи насѣкомыя причиняютъ великой ущербъ шерстяной матерiи, въ платьѣ ли она будетъ и въ различныхъ домашнихъ приборахъ, или лежитъ кусками. —

Самое вѣрное средство для сбереженїя шерстяныхъ матерїй отъ моли состоитъ въ томъ, чтобъ чаще ихъ чистить и вывѣшивать на свѣжїй воздухъ. Притомъ можно также сохранить въ цѣлости самые дорогїе мѣхи и прекрасныя муфты, естьли чаще ихъ выбивать, чесать и по томъ

завер-

завертывать в салфетки, кои класть еще в льняные мѣшки и завязывать крѣпче: однакожъ надобно примѣтить, чтобъ это дѣлать прежде, нежели когда бабочки начнутъ летать. Говорятъ, однако не осмѣливаются еще увѣрять, будто конецъ сальной свѣчи, положенной въ шерстяную матерїю, или въ мѣхъ, или въ муфту, вѣрно предохраняетъ ихъ отъ моли. Равное свойство приписываютъ листьямъ божьяго дерева. Авторъ *зрѣлища* природы совѣтуетъ въ семъ случаѣ тереть въ разныя времена шерстяные обои и другїе домашнїе приборы овечьею шерстью, на которой бы былъ еще природной жиръ ея Дѣйствительность сего способа доказывается тѣмъ, что моль никогда не заведется, какъ только въ тѣхъ кожахъ и шерсти, кои побывали уже въ рукахъ художниковъ.

Тѣ, которые обыкновенно выбиваютъ шерстяныя свои матерїи и обои посредѣ лѣта, прежде нежели когда бабочки покладутъ свои яица, не должны класть ихъ на старое мѣсто до тѣхъ поръ, пока не изтребятъ бабочекъ, или моли скапидаромъ, или та-

бачнымЪ дымомЪ. Сїе совѣтуетЪ Г. ПлюшЬ —

ВЪ ЭкономическомЪ Журналѣ Іюня 1751 года слѣдующій предложенЪ противЬ моли рецептЪ: взять вЪ теченіе мѣсяца Апрѣля одну часть скапидару, или терпентиннаго масла, и двѣ части водки, или виннаго спирту; смѣшать хорошенько обѣ сіи жидкости, коими намочить щотку, и тереть ею полегоньку домашніе уборы, обои, кресла и кровати, стараясь особенно, чтобЪ и во всѣ скважины они проникли; а притомЪ двери и окошки затворить и закрыть трубу, дабы запахЪ не скоро вышелЬ. На другой день поутру растворить покои и впустить туда свѣжаго воздуху. Сїю самую операцїю можно повторить и вЪ мѣсяцѣ Августѣ. Что касается до платья и разныхЪ шерстяныхЪ матерій, находящихся вЪ сундукахЪ, то намочивЪ сею жидкостїю листЪ бумаги, или лоскутЪ старой шерстяной матерїи, положить его вЪ куски сей матерїи Но одного еще листа или лоскута не довольно, а надобно такими же листами обернуть всѣ мѣхи, не опасаясь ни мало, чтобЪ матерїя или

мѣхи

мѣхи отъ сей смѣси испортились; составъ сей съ успѣхомъ употребляютъ для выведенія пятенъ.

Дѣвица Метивье въ Бурдосѣ сдѣлала одно открытіе, для предохраненія шерстяныхъ матерій отъ моли и другихъ насѣкомыхъ. Способъ ея состоитъ въ приготовленіи сихъ самыхъ матерій, которыя не перемѣняютъ ни цвѣта ихъ, ни доброты. Вотъ какъ изъясняется Гжа. Метивье въ семъ случаѣ.

Мнѣ пришло на мысль, говоритъ она, что какъ скапидаръ истребляетъ моль и выводитъ изъ суконъ пятна, то ежели обмочу свои сукна въ сіе масло, отвращу сихъ насѣкомыхъ отъ моего товара, которой начиналъ уже быть пищею сихъ насѣкомыхъ; и такъ я было вздумала смачивать шерсть скапидаромъ вмѣсто деревяннаго масла, вообще здѣсь употребляемаго въ семъ случаѣ; но какъ работники не могли выдержать такой операціи, то я и принуждена была оставить сей опытъ, въ намѣреніи сдѣлать его другимъ образомъ.

Я приказала сдѣлать изъ приготовленной по обыкновенію шерсти ло-

скутъ саржи, которой положила въ скапидаръ на цѣлыя сутки; послѣ сего раздѣлила я его на пять частей, изъ которыхъ четыре были очищены отъ сала; я велѣла ихъ окрасить по одиначкѣ въ черной, синей, красной и зеленой краскѣ. Что касается до той части, которая не была очищена, то я также велѣла ее отдать въ синюю краску; но краска къ ней не могла пристать, хотя къ прочимъ пристала весьма хорошо.

Будучи крайне довольна тѣмъ, что краски такъ хорошо пристали къ четыремъ долямъ, не смотря на скапидаръ, и поощрена симъ опытомъ, захотѣла я сдѣлать другой. Я раздѣлила сїи четыре частицы, каждую на двое и обмочила въ скапидаръ сїи четыре бывшїя уже въ краскѣ доли. Послѣ сей операцїи отдала ихъ вновь въ краску; они окрасились очень хорошо, и краски на нихъ были свѣтлѣе, живѣе и лучше, нежели на тѣхъ, кои у меня остались. По томъ положила я сїи частицы замѣтивши ихъ въ такїя мѣста, гдѣ моль водилась во множествѣ, и гдѣ никто не могъ мѣшать ихъ грабежу. Черезъ годъ пересматривая свои

опы-

опыты, съ крайнимъ удовольствіемъ я увидѣла, что моль не причинила ни малѣйшаго вреда моимъ положеннымъ долькамъ, и не меньше радовалась тому, что цвѣтъ ихъ почти ни мало не перемѣнился, хотя онѣ лежали и на вольномъ воздухѣ. Однакожъ не довольствуясь симъ первымъ опытомъ, собрала я великое множество моли, которую заключила рачительно въ каждую дольку; покушенія мои имѣли совершенной успѣхъ, черезъ полгода нашла я всѣхъ сихъ насѣкомыхъ мертвыхъ кромѣ нѣкоторыхъ, оставшихся живыми, кои безъ сомнѣнія убѣжали отъ прочихъ: но важнѣе всего было то, что насѣкомыя сіи не тронули ни волоска матеріи. Въ то время я была рада подтвердить свой опытъ какимъ нибудь новымъ доказательствомъ. Я обмочила въ скапидаръ одинъ Венгерской коверъ, которой былъ очень рѣдокъ, и въ которомъ моль уже водилась; запахъ, бывшій въ немъ нѣсколько времени, наконецъ изчезъ, но моль больше не являлась. И такъ съ тѣхъ поръ всегда мочу я шерсть, изъ которой дѣлаю разныя матеріи, въ скапидаръ, и такимъ образомъ избавля-

юсь

ются отъ нападеній, кои насѣкомыя сіи могли бы причинить моему товару.

Изъ учиненныхъ мною опытовъ слѣдуетъ 1) что шерсть должна быть сперва довольно очищена отъ сала, чтобъ могла удобнѣе принять на себя краску; 2) что послѣ сего должно ее напоить довольно масломъ и спиртомъ терпентиннымъ, для приготовленія ее къ принятію краски, что ее дѣлаетъ лучше; 3) что чѣмъ лучше шерсть будетъ очищена, тѣмъ краска пристаетъ лучше и дѣлается цвѣтнѣе, что еще бываетъ по сразмѣрности большаго или меньшаго моченія ея въ скапидарѣ.

Дѣвица сія еще далѣе простерла свои открытія. Истолкши нѣсколько мышьяку, развела она его въ водѣ, и положила въ нее на сутки нѣсколько шерстяной матеріи; вынувши ее высушила, и туже самую воду употребила на разведеніе красокъ. Окрасивши такимъ образомъ и высушивши свои матеріи, посадила она въ нихъ моль, которая вся подохла. Но какъ способъ сей можетъ имѣть нѣкоторыя опасныя послѣдствія, то она и оставила его, въ намѣреніи искать другихъ.

Я

Я взяла, продолжаетъ она въ своихъ запискахъ, лоскутъ шерстяной матеріи, которой обмочила въ скапидарѣ, что почитала всегда основаніемъ своихъ успѣховъ; послѣ сего вымыла я его въ обыкновенной водѣ: въ это время сварила я въ котлѣ табаку, которой довольно времени кипѣлъ, дабы вода хорошенько взошла въ самую сущность сего растѣнія; вынувши сію воду, нѣсколько подождала; а когда перестала она кипѣть, то я и опустила въ нее свою матерію; примѣтивъ же, что она довольно напиталась воды, вынула и повѣсила сушить. Потомъ въ этой же самой водѣ развела тѣ краски, въ коихъ захотѣла окрасить свою матерію, и безъ всякаго другаго приготовленія окрасила ее дѣйствительно: она приняла весьма хорошо всѣ краски, или цвѣты, кромѣ розоваго, которой нѣсколько перемѣнился.

Гжа. Метивье въ матеріи, такимъ образомъ приготовленныя, положила нѣсколько тѣхъ насѣкомыхъ, о которыхъ теперь идетъ дѣло; но какъ скоро она ихъ завернула, то всѣ они

и разбѣжались, кромѣ нѣкоторыхъ, кои не могши выбѣжать всѣ померли къ ея великому удовольствїю.

Одно открытїе, присовокупляетъ Гжа. Метивье, вело меня къ другому; я вздумала, что одна табачная наливка можетъ произвести такое же дѣйствїе, что и терпентинъ одинъ, или смѣшанной съ табакомъ; и такъ я сварила нѣсколько табачныхъ листовъ въ довольномъ количествѣ воды; вынувши ее и не много прохолодивши, поступала я съ нею такъ же, какъ и прежде. Сей послѣднїй методъ былъ не безуспѣшнѣе предыдущихъ; одинъ только розовой цвѣтъ всегда нѣсколько измѣнялся. Естьли бы вмѣсто табачной наливки употреблять его масло, то бы можетъ быть сего не случилось; потому что сухой терпентинъ не производитъ сего худаго послѣдствїя. Извѣстно только заподлинно то (такъ оканчиваетъ Гжа. Метивье), что какимъ образомъ я ни мочила свою шерсть и матерїи, въ одномъ ли терпентинѣ, какъ-то дѣлала въ первыхъ своихъ опытахъ, или вмѣстѣ съ табакомъ, какъ во второмъ случаѣ, или въ одной табачной наливкѣ, никогда и ни-

никакого не выходило въ цвѣтахъ неудобства, кои напротивъ того еще лучше и блистательнѣе были; и что моль, ни другія какія насѣкомыя не смѣютъ никогда приступиться къ моему товару, или, ежели въ немъ къ нещастію останутся, погибаютъ безъ сомнѣнія.

ГЛАВА XXIII.

Скорпіонъ.

Скорпіонъ есть насѣкомое земляное, величины средней, довольно похожее на маленькаго рака, цвѣту бѣловатаго, желтоватаго или черноватаго, состоящій изъ четырехъ частей: изъ головы, груди, брюха и хвоста. Голова нѣсколько широка и выдалась; она соединяется съ грудью: на передней части головы два глаза, а другіе два посреди головы, или груди; ихъ трудно примѣтить.

Ротъ имѣетъ двѣ челюсти, изъ которыхъ нижняя раздѣлена на двѣ части. На ней есть родъ двухъ губъ, или зубчатыхъ щипцовъ, кои по видимому служатъ ему вмѣсто зубовъ для яде-

яденія пищи: скорпіонъ такъ далеко можетъ ихъ скрыть внутрь, что они бываютъ совсѣмъ непримѣтны. Съ двухъ сторонъ головы выходятъ двѣ клешни, каждая о четырехъ составахъ, изъ коихъ послѣдній довольно толстъ, снабдѣнъ сильными мускулами и походитъ на щипцы или вилочки, такъ какъ у рака. Внизу груди находятся восемь лапокъ, по четыре съ каждой стороны; каждая лапка раздѣляется на шесть составовъ, изъ которыхъ послѣдніе также съ вилочками и имѣютъ маленькіе крючки; брюхо состоитъ изъ семи колецъ. Изъ послѣдняго выходитъ хвостъ, которой долгъ, узловатъ, имѣетъ на концѣ шесть круглыхъ и мохнатыхъ шишечекъ, кои движутся, а внутри ихъ пусто; последняя имѣетъ долгое жало, которое согнуто, очень остро, твердо, пусто, съ скважиною у основанія, черезъ которую скважину впускаетъ онъ укусивши по капелькѣ бѣловатой, ядовитой, острой и жгучей жидкости, хранящейся въ одномъ пузыркѣ, находящемся на концѣ хвоста.

Самецъ длиннѣе и тоньше, красноватѣе, а самка больше, круглѣе и чер-

черноватѣе; она родитъ живыхъ, какъ то примѣтили Аристотель и Реди.

Скорпіоны находятся въ южныхъ Французскихъ провинціяхъ, какъ-то въ Провансѣ и Лангедокѣ; но едва извѣстны они въ холодныхъ климатахъ, и даже въ самой Гасконіи, естьли вѣрить Скалигеру. Сіи насѣкомыя водятся въ мѣстахъ мокрыхъ и тѣнистыхъ, въ стѣнахъ, подъ камнями и въ землѣ; они кормятся червями, мухами, мушками и травою. Чѣмъ умѣреннѣе климатъ, тѣмъ ядъ ихъ слабѣе; да есть и такія земли, въ которыхъ яду у нихъ совсѣмъ не бываетъ.

Г. Мопертюи дѣлалъ надъ Скорпіонами опыты, кои достойны того, чтобъ здѣсь напомянуть объ нихъ. Я видѣлъ въ Монтпелье, говорилъ сей ученой мужъ, два рода Скорпіоновъ; одни обыкновенно водятся въ домахъ, а другіе живутъ въ поляхъ: первые гораздо меньше послѣднихъ; цвѣтомъ они походятъ на жженой кофе. Надъ сими не дѣлалъ я никакого опыта. Скорпіоны полевые могутъ имѣть въ длину, естьли ихъ растянуть, два дюйма; цвѣта они избѣла желтова-

 таго.

шаго. Около деревни Совиньярга, находящейся въ пяти миляхъ отъ Монтпелье, столько ихъ много, что жители производятъ ими небольшой торгъ; они ихъ ищутъ подъ каменьями и продаютъ въ аптеки ближнихъ городовъ, гдѣ употребляютъ ихъ въ нѣкоторой составъ противъ Скорпіонова жала. Сей-то родъ Скорпіоновъ я испытывалъ. Первой мой опытъ состоялъ въ томъ, что разсердивши Скорпіона, посадилъ я его собакѣ на брюхо, гдѣ нѣтъ шерсти; Скорпіонъ ужалилъ ее три раза; черезъ часъ собака распухла и начала шататься; она выблевала все, что ни было у нее въ желудкѣ и въ кишкахъ, и продолжала блевать цѣлые три часа клейковатою нѣкоторою матеріею; брюхо, которое очень было надуто, уменьшалось послѣ каждой рвоты, однако начало въ скорости опять надуваться; и когда надувалось до извѣстнаго нѣкотораго степени, то собаку опять принимало рвать. Сія перемѣнная опухоль и рвота продолжались еще три часа; потомъ стало ее корчить; она начала грысть землю, ползала брюхомъ на переднихъ лапахъ, и наконецъ

нецъ околѣла черезъ шесть часовъ послѣ ужаленія. На ужаленномъ мѣстѣ не было никакой опухоли; но опухоль была по всему тѣлу; а на томъ мѣстѣ, въ которое она была трижды ужалена, видны были только три красненькія пятнышка, кои были неиное что, какъ скважинки, проколотыя Скорпіономъ и наполненныя вытекшею кровью изъ своихъ сосудовъ. Тожъ самое примѣтилъ я и на всѣхъ животныхъ, коихъ отдавалъ жалить Скорпіону, и никогда не видалъ, чтобы кожа вздулась отъ жала.

Черезъ нѣсколько дней ужалена была другая собака пять или шесть разъ въ тоже мѣсто, какъ и первая.

Подождавши четыре часа, и видя, что собака здорова по прежнему, повторилъ я свой опытъ; но хотя многіе разсерженные Скорпіоны жалили ее разъ до двѣнатцати и запускали въ нее всѣ свои жала, однако собака только что кричала въ то время, какъ они ее жалили, но не чувствовала ни мало яда; а какъ она не подавала ни малѣйшаго знака къ смерти, потому что пила и ѣла съ великимъ аппетитомъ, то я и отпустилъ ее на волю. Собака

ка эта была сосѣдова: она столь мало смотрѣла на сію опасность, что поелику лучше была кормлена у меня, нежели дома, то и приходила ко мнѣ часто терпѣть новые опыты. Я подумалъ, что не изтощили ли мои Скорпіоны своего яду; почему и велѣлъ принести себѣ изъ Совиньярга свѣжихъ, кои пережалили семь другихъ собакъ; но не смотря на всю ихъ ярость, ни одна собака, не претерпѣла никакого вреда. Наконецъ повторилъ я свой опытъ надъ тремя цыплятами, кои ужалены были въ грудь и подъ крылья; но ни одинъ не показалъ ни малаго вида болѣзни.

Изъ всѣхъ сихъ опытовъ заключить надобно, что хотя Скорпіонъ жалитъ иногда смертельно, однако весьма рѣдко: надобно, чтобъ нѣкоторыя обстоятельства сему споспѣшествовали; и естьли когда нибудь давали противъ сего жала извѣстныя нѣкоторыя лѣкарства, то лѣкарства сіи не одолжены своею силою ни чему другому, какъ только недѣйствительности яда.

Натуралисты, кои испытывали сіи дѣйствія на самихъ себѣ, бывши иногда ужалены отъ Скорпіона, говорятъ,

ряшъ, что надобно, чтобы Скорпїонъ впустилъ въ причиненную имъ ранку нѣкоторую жидкость. И такъ всегда они догадывались, что жало должно имѣть на концѣ своемъ маленькую скважину для приходу ядовитой сей жидкости; однакожъ Г. Реди, искавшїй сей скважины при помощи наилучшихъ микроскоповъ, признается, что онъ никогда не могъ ее видѣть. Только въ одинъ день видѣлъ онъ на концѣ жала у разсерженнаго Скорпїона маленькую капельку какой-то жидкости, отъ чего и заключилъ, что жальцо сїе безъ сумнѣнїя имѣетъ какое нибудь отверстїе.

Г. Левенгокъ, будучи удачнѣе въ семъ случаѣ господина Реди вмѣсто одной скважинки, которую предполагали другїе писатели, видѣлъ двѣ. Вотъ какъ описываетъ ихъ Г. Мопертюи. Послѣднее звено скорпїонова хвоста состоитъ изъ небольшаго пузырька, у котораго кончикъ твердой, черной и острой, и сей-то кончикъ есть самое жало; я примѣтилъ, говоритъ Г. Мопертюи, при помощи микроскопа двѣ маленькїя скважины, кои не на концѣ жальца, но по бокамъ его находятся

нѣсколько повыше кончика. Иногда видѣлъ я одну изъ нихъ поближе нѣсколько къ кончику, нежели другую; впрочемъ, чтобъ примѣтить сіи скважины, не нужно, чтобы микроскопъ слишкомъ увеличивалъ предметы; они весьма примѣтны и въ такой микроскопъ, у котораго въ очагѣ будетъ двѣ или три линеи: да можно даже и безъ микроскопа увѣриться въ ихъ положеніи; естьли пожать нѣсколько покрѣпче пузырюкъ, то и можно примѣтить жидкость, выходящую изъ сихъ сважинокъ.

Аристотель, Плиній и Эманъ говорятъ, что самки Скорпіоновы носятъ обыкновенно по одиннатцати дѣтей; Реди утверждаетъ, что они родятъ гораздо больше, и говоритъ, что отъ дватцати шести до сорока бываетъ у нихъ плода; но Скорпіоны, о которыхъ онъ говоритъ, далеко еще не дошли въ семъ случаѣ до Совиньяргскихъ. У многихъ самокъ Г. Мопертюи находилъ отъ дватцати семи до шестидесяти пяти дѣтей.

Скорпіоны столькожъ жестоки въ разсужденіи дѣтей своихъ, какъ и пауки: самка, которую Г. Мопертюи за-

заключилъ въ бутылку, пожирала ихъ по мѣрѣ, какъ родила. Плиній также говоритъ о сей жестокости Скорпіоновъ къ дѣтямъ, но онъ присовокупляетъ, что изъ дѣтей сихъ спасается только одинъ, которой знаетъ искуство предостеречь себя отъ смерти, держась на спинѣ своей матери, и дѣлается по томъ мстителемъ за своихъ братьевъ, убивая мать свою. Однакожъ мы о семъ еще сумнѣваемся.

Насѣкомыя сіи не лучше хранятъ между собою законы общества, какъ и природныя чувствованія къ дѣтямъ своимъ. Г. Мопертюи говоритъ, что онъ посадилъ ихъ болѣе ста въ одномъ мѣстѣ, кои всѣ почти другъ друга переѣли; это походило на безпрестанное побоище, въ которомъ не разбирали ни лѣтъ, ни полу; черезъ нѣсколько дней осталось ихъ не больше четырнатцати, кои поѣли всѣхъ прочихъ. Можно ихъ на сей случай извинить по тому, что въ это время не было у нихъ пищи; да и въ самомъ дѣлѣ Г. Мопертюи долгое время не могъ узнать, какая пища была по ихъ вкусу; но какъ бросилъ нѣкогда онъ

имъ мухъ, то они и бросились на сихъ насѣкомыхъ, не покидая однако своей жестокости, потому что все еще отъ времени до времени поѣдали другъ друга; они ѣли также и мокрицъ. Но Г. Мопертюи далъ имъ нѣкогда большаго паука, котораго съѣли они съ крайнею жадностїю: три или четыре Скорпїона кинулись на него разомъ, и каждой держался за него долгое время.

Они показываютъ много силы и духа противъ пауковъ. Г. Мопертюи часто видалъ, что самой маленькой Скорпїонъ нападаетъ и убиваетъ паука, которой гораздо его больше. Сперва онъ схватываетъ его одною, или двумя большими своими клешнями. Естьли паукъ очень будетъ ему не по силѣ, то ранитъ его своимъ жаломъ, которое перекидываетъ чрезъ свою голову и его убиваетъ; послѣ сего изъ большихъ своихъ клешней перекладываетъ его въ маленькїя, изъ коихъ начинаетъ его ѣсть, и не покидаетъ ничего. У сего насѣкомаго нѣтъ другихъ зубовъ, кромѣ маленькихъ его клешней, коими онъ жуетъ свою пищу. Около рта его выростаетъ шерсть; и хотя

кожа

кожа его совершенно, какъ у рака, то есть покрыта скорлупою, однако во многихъ мѣстахъ бываетъ шерсть, какъ-то въ клешняхъ, въ ногахъ и на послѣднемъ звѣнѣ хвоста.

Скорпіонъ опасенъ бываетъ лѣтомъ, а особливо въ Іюнѣ, и въ Іюлѣ, когда онъ разгорячается отъ солнечнаго жару и томится жаждою, а особливо еще, ежели его сжать, или разсердить. Зимою обыкновенно жало его ни мало не опасно, потому что въ это время онъ цѣпенѣетъ отъ стужи. Естьли запереть его въ особливое мѣсто, то можетъ онъ долго жить безъ пищи. Онъ никогда не можетъ привыкнуть и сдѣлаться ручнымъ, такъ какъ и эхидна: наконецъ такъ, какъ ракъ, ходитъ онъ задомъ и вылупляется изъ старой своей кожи.

Говорятъ, что естьли кинуть Скорпіона въ горящіе уголья, то будетъ самъ себя онъ жалить и убиваетъ. Въ слѣдствіе сего Г. Мопертюи развелъ жару, и кинулъ туда Скорпіона, которой почувствовавъ жаръ, искалъ, какъ бы уйти со всѣхъ сторонъ, но не нашедши проходу, рѣшился перелѣзть черезъ уголья, кои

 со-

сожгли его до половины. Г. Монертюи положилъ его опять въ средину, но не имѣя больше силъ покуситься опять лѣзть, тотчасъ онъ умеръ, однако такъ, что не желалъ по видимому лишить самъ себя своей жизни. Опытъ сей повторенъ былъ и надъ многими другими, кои всѣ также скончались.

Но вотъ безъ сумнѣнія, что могло подать поводъ сей Исторіи. Какъ скоро Скорпіонъ почувствуетъ себя разсерженнымъ, то желая оборониться перекидываетъ свое жало или хвостъ черезъ спину, готовъ будучи ужалить, и ищетъ повсюду, куда бы увязить свое жало: и такъ находясь посредѣ горящихъ угольевъ, такимъ же образомъ оборачиваетъ свое жало; а тѣ, кои это видятъ, думаютъ, что онъ самъ себя жалитъ. Впрочемъ хотя бы онъ того и желалъ, однако не могъ бы, и даже невѣроятно, чтобы въ состояніи былъ сіе учинить, потому что все его тѣло покрыто скорлупою, такъ какъ у рака.

Говорятъ, что Скорпіонъ ядовитъ; но мы не такъ думаемъ. См. первую эпоху *Разсмотренной нашей природы* Томъ III, письмо III. Какъ бы то ни было,

до, однако нѣкоторые писатели утверждаютъ, что жало его можетъ причинить смерть, естьли не помочь сему злу въ скоромъ времени. За ужаленіемъ слѣдуетъ сильная боль въ ужаленномъ мѣстѣ, съ холодомъ напряженіе, оцѣпѣненіе и холодной потъ около раночки и по всему тѣлу; у тѣхъ, кои будутъ ужалены въ нижнія части, дѣлается опухоль около задняго прохода; естьли же рана будетъ выше и притомъ широка, то подъ мышками бываетъ желвакъ; когда же рана довольно велика, то около ее дѣлается ужасной жаръ; послѣ того тѣло зудитъ и чернѣетъ, такъ какъ у такого, которому что нибудь случится отморозить: лице его опадаетъ, онъ собираетъ около глазъ у себя клейкую нѣкоторую матерію: слезы бываютъ густы, составы не владѣютъ; послѣ сего случается еще то, что заднепроходная кишка выходитъ наружу, и больной безпрестанно ходитъ на стулъ. Изо рта у него идетъ пѣна; притомъ много его рвѣтъ, приходитъ сильная икота; наконецъ берутъ его корчи или судороги, кои принадлежатъ къ роду *описѳотоновъ*, или корчей назадъ.

Са-

Самое лучшее лѣкарство, которое только знаютъ, отъ превращенія худыхъ послѣдствій Скорпіонова ужаленія, находится въ самомъ Скорпіонѣ; онъ заключаетъ въ себѣ вѣрной антидотъ противъ собственнаго своего яда. Надобно его поймать, раздавить и приложить скорѣе на рану, имъ причиненную; или при недостаткѣ Скорпіоновъ раночку можно намазывать масломъ, а притомъ для вѣрнѣйшаго облегченія въ тожъ самое время принять внутрь десять или двенатцать грановъ летучей эхидниной, или оленьяго рота соли, разведши ее въ какой нибудь перегнатой лѣкарственной водѣ, какъ то въ водѣ пчельной травы или благословеннаго волчца; а естьли и сего не льзя найти, то принимаютъ теріякъ или другой антидотъ въ винѣ.

ГЛАВА XXIV.

Улитки въ раковинахъ и безъ раковинъ.

Натуралисты называютъ симъ именемъ насѣкомаго продолговатаго, неимѣющаго ногъ, состоящаго изъ голо-

вы, шеи, брюха и нѣкотораго рода хвоста, живущаго въ скорлупѣ, или раковинѣ большаго или меньшаго пространства, изъ которой она часто высовывается и прячится опять въ нее, когда захочетъ. Кожа ея жиловата; она глаже и свѣтлѣе подъ брюхомъ, но темнѣе и съ большими дорожками или бороздами на спинѣ, а притомъ могущая довольно сжиматься и разтягиваться. Съ каждаго бока есть у нее какъ крылья, помощїю которыхъ ползаетъ она по землѣ, такъ какъ червяки, или какъ переливаются волны. Когда она хочетъ вытти изъ своей раковины, то мало помалу открываетъ и вынимаетъ свою голову, такъ какъ кошелекъ, у котораго края будутъ вогнуты внутрь. На головѣ у нее есть рожки, губы и ротъ. Рожковъ у нее четыре, два большихъ, кои на верху, походятъ на конусъ или пирамиду, длиною около девяти линей, съ дорожками, нѣсколько прозрачны, на концѣ имѣютъ небольшой пузырекъ, наполненной желтоватою влажностїю; посредѣ его видна черноватая точка, довольно похожая на зрачокъ или зѣницу; и два маленькихъ, кои пониже сидятъ

не

не далеко отъ рта, въ равномъ съ предыдущими разстоянiи, такой же фигуры, но только втрое ихъ тоньше и короче, имѣющiя на концѣ также шишечку или пузырекъ, только безъ черноватаго пунктика, также со скважиною, въ которую можно продѣть шелковинку. За рогами слѣдуетъ большой, разинутой ротъ, съ зубами и двумя челюстями, кои трудно разинуть, когда улитка осердится.

Г. Вартель, ординарной Сентъ-Элойской Каноникъ, публиковалъ въ 1768 году нѣкоторыя записки, относительно до земляныхъ улитокъ, въ Артуа. Въ сихъ запискахъ говоритъ онъ, что всѣ тѣ обманывались, кои утверждали, что у улитокъ по двѣ челюсти; онъ примѣтилъ, что ротъ ихъ состоитъ изъ одной только верхней челюсти, похожей на два рога, въ которую воткнуты маленькiе красные зубчики; или лучше сказать, челюсть сiя состоитъ изъ одной только кости, которая вся въ зубчикахъ, какъ пила. Какъ бы кто ни думалъ, о семъ наблюденiи Г. Вартеля, однако ротъ у улитки кажется имѣетъ двѣ губы, одну верхнюю, другую нижнюю; губы

сїи мягки и гладки и защищаютъ челюсти отъ наружныхъ неудобствъ. За зубами, коихъ числомъ пять, цвѣта киноварнаго, какъ-то примѣтилъ Беклеръ, и кои всѣ сидятъ на верхней челюсти, находится хрящоватая впадина, которую Докторъ Мюральтъ называетъ *ларингсомъ*, или дыхательнымъ горломъ, а другїе эзофагомъ, или пищепрїемнымъ горломъ; послѣ сего слѣдуетъ желудокъ и брюхо, въ коемъ находится кишочной каналъ; каналъ сей есть одинаковъ, дологъ, простъ и дѣлаетъ нѣсколько оборотовъ. Естьли надуть въ желудокъ, то онъ кажется весь перепончатымъ, и чудно переплетенъ волокнами въ длину и поперегъ; тутъ находится зеленая нѣкоторая матерїя съ небольшимъ количествомъ песку, происходящаго отъ травъ и земли, которою питается животное сїе; къ концу же кишечнаго канала видны самыя изпражненїя, кои густы и черноваты. Они выходятъ чрезъ одну довольно широкую и всегда почти отверстую скважину, находящуюся на правомъ боку, гдѣ и пузырь. У ней есть также и примѣтная печонка, состоя-

стоящая изъ четырехъ частей, темнаго цвѣта, со множествомъ сосудовъ. — Іоаннъ Мюральтъ и Беклеръ говорятъ, будто они видѣли съ удивленіемъ, какъ трепещется сердце и производитъ натуральное свое движеніе, состоящее въ сжиманіи и разжиманіи. Оно у улитки желтовато и окружено прозрачною и перепончатою оболочкою, такъ какъ пузырь съ водою.

Натура дала сему животному сколько для пользы его, столько и для цѣлости перепонки; лигаменты, нервы и лимфатическіе сосуды въ великомъ множествѣ. Ихъ можно видѣть въ микроскопъ, такъ какъ поры или скважины и проходы извергательные, чрезъ которые выходитъ отвсюду нѣкоторая клейкая жидкость, доставляемая железами и безпрестанно извергаемая сжатіемъ сосѣднихъ фибръ. Сія то самая жидкость засохнувши на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ползала улитка, свѣтится, какъ будто серебряные листья.

Улитка выпускаетъ изъ всѣхъ мѣстъ своего тѣла, но болѣе изъ нижнихъ частей, столь великое множество жидкостей, что она по видимому плаваетъ;

ваетъ, а не ползаетъ. Клейкость сея густой и жирной матерїи предохраняетъ ее отъ паденїя, и не даетъ проходить наружной влажности, замазывая поры ея кожи; по сей-то причинѣ и бережетъ она сїю столь нужную для себя жидкость, убѣгая солнца, которое бы могло всю ее высушить, и любя влажныя мѣста. Когда улитка хочетъ ползти съ одного мѣста на другое, тогда протягаетъ тѣ части, кои названы ползающими крыльями, кои при помощи своихъ мускуловъ подаются впередъ, а за ними слѣдуетъ и все тѣло. Тѣло сего животнаго сколь мягко ни кажется при первомъ взглядѣ, однако имѣетъ извѣстную твердость. Шваммердамъ замѣтилъ, что соль не можетъ съѣсть улитки, такъ какъ нѣкогда думали, но только что умерщвляетъ ее, когда посолить улитку: зжатїе, причиняемое ею въ мускулахъ и во всей внутренности, бываетъ столь велико, что лишаетъ улитку всего прежняго вида, выжимая или высасывая всю жидкость, прежде въ ней бывшую.

Что касается до пользы или употребленїя роговъ улиткиныхъ, то большая часть думаютъ, что они от-

 прав-

правляютъ должность глазъ, по крайней мѣрѣ два большіе. Г. Плюшь въ своемъ *Зрѣлищѣ природы* говоритъ, послѣдуя въ семъ другимъ писателямъ, и особенно Листеру, что природа снабдила улитку четырьмя приближающими очками, для освѣдомленія ее о томъ, что около ее находится; онъ присовокупляетъ, что сіи четыре рожка суть четыре трубочки, имѣющія на концѣ стеклышки, или лучше четыре оптическіе нерва, изъ коихъ на каждомъ находится по глазу; что насѣкомое сіе не только поднимаетъ голову, когда хочетъ смотрѣть вдаль, но что еще выше возноситъ четыре свои нерва и глаза, наконцѣ ихъ находящіеся; что она дѣлаетъ ихъ длиннѣе и короче, и устремляетъ туда, куда хочетъ и какъ хочетъ; что это совершенные телескопы, кои она вынимаетъ и прячетъ, смотря по обстоятельствамъ; что наконецъ въ первыхъ двухъ рожкахъ глаза ея примѣтны, а другіе два содержатъ въ себѣ можетъ быть органъ обонянія.

Г. Шарветъ, Каноникъ св. Антонія, сильно возстаетъ противъ мнѣнія Г. Плюша въ разсужденіи сихъ роговъ.

говъ. Наблюденіе автора *Зрѣлища природы*, говоритъ сей Физикъ, показалось мнѣ съ перваго взгляда не столько основательно, сколько замысловато; положивъ даже, что оно справедливо (вотъ собственныя слова Г. Шарвеша), не вижу я, почему можно назвать улиткины глаза телескопами: телескопъ можетъ только разбивать лучи свѣта, чтобъ пропустить ихъ въ глазъ; но предположивъ, что глаза улиткины находятся на переднихъ концахъ сихъ роговъ, видно уже, что названіе телескопа не приличествуетъ сему органу.

Пупартъ въ запискахъ своихъ, относительно до улитокъ, говоритъ, что какой предметъ ни положишь передъ улитку, но ежели только ее не тронешь, то она не подаетъ и знаку видѣнія. Листеръ, доставившій Г. Плюшу матерію къ сему наблюденію, противорѣчитъ сему и напротивъ утверждаетъ, что животное сіе прячетъ рога свои, какъ скоро поднесть къ нему что нибудь, и даже ежели держать что нибудь между солнечными лучами и его рогами.

Любопытствуя узнать, продолжаетъ Г. Шарветъ, чья правда, увидѣлъ я одну садовую улитку въ то время, какъ она шла важными и твердыми шагами, неся рога свои высоко и наружѣ; на дорогѣ ея положилъ я кремень довольной величины, такъ что можно его видѣть издали, и притомъ трудно перелѣзть; я думалъ, что замѣшательство сіе безъ сомнѣнія заставитъ ее своротить съ прямаго пути или по крайней мѣрѣ остановиться. Но сколько я удивился, когда увидѣлъ, что она продолжала свой путь съ равною безбоязненностію, и доползши до камня, ударилась объ него головою! Опытъ сей повторилъ я надъ многими другими улитками, думая, что не выищется ли хотя одна поосторожнѣе. Однакожъ всѣ онѣ равно ошибались, и ни одна изъ нихъ не умѣла предохранить себя отъ сѣтей, кои я имъ ставилъ, и своротить съ дороги направо, или налѣво.

Г. Шарветъ примѣчаетъ, что животныя сіи устремляютъ свои рога, или сіи мнимые телескопы не для того, чтобъ узнать предметъ, могущій заградить имъ путь, но пользуются

имми,

ими, такъ какъ слѣпые палками для того, чтобъ посредствомъ прикосновенія отгадать тѣло, имъ препятствующее, и что они щупаютъ сіе тѣло въ разныхъ мѣстахъ, до коихъ достать могутъ рога ихъ. Изъ улитокъ, кои влѣзли уже до половины камня, одни будучи робки и не могши достать до земли, ворочались назадъ; а другія смѣлѣе лѣзли на верхъ камня, поднявши вверьхъ свои рога; другія доползши по случаю до края камня, устремляли равно рога свои, желая узнать прикосновенiемъ дорогу; и чувствуя, что можно сойти на землю по сторонѣ, не слезали прямо съ камня, но ворочались отъ сего препятствія, желая удобнѣе продолжать путь свой.

Сей способъ ходить ощупью, такъ какъ слѣпые, показался Г. Шарвету рѣшительнымъ доводомъ въ пользу Пупартова мнѣнія. Тщетно Г. Шарветъ искалъ въ рогахъ улиткиныхъ слѣдовъ органа зрѣнія; не смотря на то, что онъ розналъ ихъ множество, ничего другаго не нашелъ, такъ какъ и Г. Пупартъ, кромѣ тоненькаго черноватаго нерва, у котораго кончикъ, по-

 хо-

хожій на кончикЪ тоненькой трубочки, обмазанЪ нѣкоторымЪ родомЪ камеди, которая не впускаетЪ никакой туда мокроты, не отнимая однакожЪ чрезЪ то нѣжности чувства.

СимЪ-то пособіемЪ природа, любящая разнообразіе дополняетЪ недостатокЪ зрѣнія, коего не даетЪ симЪ животнымЪ; она даетЪ имЪ по четыре рожка, весьма тонкихЪ и нѣжныхЪ, кои суть не иное что, какЪ футлярецЪ одного нерва, которой поворачиваютЪ онѣ на всѣ стороны сЪ крайнею скоростію и проворствомЪ, и которой касаясь непосредственно внѣшнихЪ предметовЪ, производитЪ вЪ улиткѣ скорое и сильное чувствованіе, посредствомЪ коего избѣгаетЪ она обстоящихЪ ее опасностей Природа премудро устроила, чтобы улитка ползала по землѣ очень медленно; естьли бы у нее были ноги, и притомЪ движеніе было удобнѣе, то бы рога ея, скорлупа, или раковина, служащая ей жилищемЪ, не нужны бы были также, естьли бы у нее были глаза, какЪ у другихЪ животныхЪ.

По толь обстоятельномЪ описаніи улитки со стороны Г. Шарвета не

льзя

льзя уже болѣе почитать четыре рожка улитки четырмя телескопами, коими натура ее наградила, желая предостеречь ее отъ окружающихъ опасностей; но напротивъ того надобно заключать, что у улитки нѣтъ глазъ, и что четыре ея рожка служатъ ей только для извѣданія дороги. Мнѣнія сего держится Плиній, Скалигеръ и всѣ здраво мыслящіе Физики. Притомъ то еще извѣстно, что рожки сіи одарены пренѣжнымъ чувствованіемъ, такъ что какъ скоро коснешься только до кончика ихъ, тотчасъ они укрываются; посредствомъ чего улитка и бываетъ увѣрена въ самомъ маломъ препятствіи, могущемъ ей встрѣтиться.

Въ древнія времена думали, что улитки родятся изъ земли, изъ стоячей воды, или изъ росы, но нынѣ оставили странное сіе заблужденіе. Произведеніе сего животнаго не менѣе стоитъ природѣ, какъ и произведеніе самаго большаго. Причиною такого мнѣнія могло быть то, что разнимая улитокъ не во время ихъ соитія, не могли примѣтить никакой части, долженствующей служить дѣторожденію. Однакожъ животное сіе есть обоихъ

 по-

половЪ, или двуснастное: слѣдственно у него надобно быть большему числу дѣтородныхЪ частей, нежели у безконечнаго множества другихЪ животныхЪ.

ИзЪ Анатомическаго нашего описанія улитки надобно замѣтить, что на правой сторонѣ шеи есть скважина, которая вЪ то же время составляетЪ органЪ дыханія, дѣтородной женской удЪ и задницу, ведущую кЪ разнымЪ внутреннимЪ частямЪ, и особливо кЪ кишкамЪ, кои весьма извилисты и плаваютЪ вЪ брюхѣ животнаго. Но во время соитія видЪ всѣхЪ перемѣняется; кишки, устремляясь снизу брюха кЪ шеѣ, надуваются и такЪ переворачиваются, что выходятЪ вЪ самое отверстіе задницы, сдѣлавшейся вЪ то время весьма разширенною вЪ видѣ мужеской и женской дѣтородныхЪ частей, готовыхЪ кЪ отправленію своихЪ должностей. А сіе случается только тогда, когда одна улитка встрѣтится сЪ другою, и когда послѣ предварительныхЪ движеній, гораздо живѣйшихЪ или такЪ сказать, гораздо страстнѣйшихЪ, нежели какЪ можно бы было думать о такомЪ холодномЪ ро-

дѣ насѣкомыхъ, примутъ на себя такое положенїе, въ которомъ будутъ увѣрены о совершенномъ взаимномъ согласїи.

А какъ въ сихъ животныхъ все странно и отмѣнно, то есть у нихъ еще и другой родъ кокетства. Кромѣ мужескаго и женскаго дѣтородныхъ удовъ выходитъ у нихъ изъ того же отверстїя шеи жальцо, похожее на копьецо съ четырмя зубчиками, съ преострымъ и довольно твердымъ кончикомъ: поелику улитки обращаютъ одна къ другой отверстїе своей шеи, то случается, что когда онѣ дотронутся одна до другой симъ мѣстомъ, жальцо одной укалываетъ другую, а механизмъ, пособляющїй дѣйствовать такимъ образомъ жальцу, есть таковъ, что въ тоже время отстаетъ оно отъ своего мѣста, и упадаетъ на землю, или бываетъ унесено уколотою улиткою. Тотчасъ улитка сїя удаляется, но вскорости встрѣчается съ другою и жалитъ сїю наоборотъ, послѣ чего соитїе и не преминетъ совершиться. Улитки совокупляются обыкновенно до трехъ разъ черезъ каждые пятнатцать дней. При каж-

 домъ

домѣ совокупленіи вырастаетѣ новое жальцо. Совокупленіе ихѣ продолжается отѣ десяти до двѣнатцати часовѣ.

Во время совокупленія животныя сіи пребываютѣ какѣ бы вѣ одеревененіи, или усыпленіи, и даже не даютѣ ни малѣйшаго знака чувствованія: сѣменная ихѣ матерія не походитѣ на жидкость, но бываетѣ такѣ тверда, какѣ воскѣ и принимаетѣ видѣ тѣхѣ каналовѣ, изѣ коихѣ выходитѣ. Она выходитѣ помощію движенія, походящаго на движеніе кишокѣ, кои извергаютѣ изѣ себя то, что содержатѣ. Сѣмя сіе выходитѣ изѣ каналовѣ, кои гораздо долѣе сосуда, находящагося вѣ женскихѣ дѣтородныхѣ частяхѣ, куда оно сперва принимается: оттуда проходитѣ оно вѣ другіе сосуды, принадлежащіе кѣ женскому полу, и производитѣ тамѣ оплодороживаніе; впрочемѣ случается сіе уже по третьемѣ соитіи. Черезѣ осмнатцать дней улитки несутѣ изѣ отверстія своей шеи яица, кои прячутѣ вѣ землю сѣ великимѣ стараніемѣ, что и заставляло нѣкоторыхѣ думать, будто бы онѣ сидятѣ на яицахѣ. Яицѣ у нихѣ бываетѣ очень много; всѣ они круглы, бѣлы,

бѣлы, въ тонкой и перепончатой скорлупѣ, связаны всѣ вмѣстѣ непримѣтною какою-то клейковатою матерїею въ видѣ ягодной кисти, а величиною бываютъ съ журавлиную горошину.

Чтобы узнать обстоятельно дѣйствїя совокупленїя улитокъ, надлежитъ, какъ говоритъ Лемери, взять ихъ склещившихся, и положить въ уксусъ, чтобы тутъ они померли; и тогда будетъ легко видно разсыпанїе частей.

Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, какъ многїе Натуралисты думали, что ежели отрубить у улитки голову, то выростетъ другая; но по обстоятельномъ испытанїи примѣтили, что это не возможно, и что ежели такъ думали, обманывались потому, что думая, что отрубаютъ голову, отрубали нѣкоторыя только крайности.

По анатомическомъ описанїи улитки слѣдуетъ теперь разсмотрѣть рожденїе или составъ ея раковины. Черепокожное сїе животное раждается, или выходитъ изъ своего яйца вмѣстѣ съ сею раковиною, которая уже совсѣмъ, а величиною бываетъ соразмѣрна

на величинѣ его тѣла, или скорлупѣ яйца, ее содержавшаго. Она служитъ основанїемъ другой раковинѣ, которая отчасу въ послѣдствїи времени увеличивается. Малая раковина, такъ какъ вышла изъ яйца, занимаетъ всегда центръ той, которую улитка выростая сама дѣлаетъ, прибавляя къ первой новые обороты; и какъ тѣло ея прибавляется всегда къ отверстїю, то и раковина ея прибавляется всегда съ сего конца: матерїя ея содержится въ тѣлѣ самаго животнаго, и состоитъ изъ нѣкоторой жидкости, или клею и маленькихъ каменныхъ зеренъ. Матерїя сїя проходитъ сквозь множество небольшихъ канальцовъ, и достигаетъ до самыхъ поровъ, коими вся поверхность ея тѣла усѣяна: находя всѣ поры закрытыя подъ раковиною, обращается она къ тѣмъ частямъ тѣла, кои внѣ раковины и наружѣ. Сїи частицы песку и клею испариваются вонъ и густѣютъ, склеиваясь или высыхая на краю раковины.

Сперва дѣлается изъ нихъ простая плена, или кожица, подъ которою составляется другая, а подъ сею со временемъ и третья. Изъ всѣхъ сихъ

ко-

кожицЪ дѣлается рядочекЪ раковины, похожїй на всю раковину. Ежели улиткѣ надобно еще рости, и конецЪ ея тѣла не довольно покрытЪ, или одѣтЪ, то она продолжаетЪ потѣть и строить себѣ жилище. ТакимЪ-то образомЪ вѣрно строитЪ она и починиваетЪ свой домикЪ. ОдинЪ Писатель говоритЪ, что поймавши нѣкогда многихЪ улитскЪ, и разбивши легонько по немногу ихЪ раковины, не вредя ни мало ихЪ тѣла, положилЪ ихЪ вЪ стекляные сосуды, вмѣстѣ сЪ землею и травою для пищи ихЪ; вЪ скоромЪ времени примѣтилЪ онЪ, что та часть тѣла, которая была непокрыта и видна сквозь разбитую часть раковины, покрывалась нѣкоторымЪ родомЪ пѣны или поту, текшаго вдругЪ изЪ всѣхЪ поровЪ; потомЪ примѣтилЪ онЪ, что за сею пѣною шла другая снизу; послѣ сего сравнялась она сЪ первою. Сей же самой Писатель, желая увѣриться, точно ли сей сокЪ выходитЪ изЪ самаго улиткина тѣла, а не изЪ раковины, разбилЪ еще сїю раковину, и взявЪ пленочку, находящуюся подЪ скорлупою куринаго яйца, положилЪ ее легонько между брюхомЪ улитки и кра-

краями разбитой раковины. Естьли бы раковина сама доставляла себѣ матерію для починки, то бы сокъ сей разливался по яичной перепонкѣ и закрывалъ бы ее по мѣрѣ, какъ скважина бы наполнялась; естьли же сокъ сей напротивъ того выходитъ изъ самаго тѣла улитки, то перепоночка не пропуститъ его наружу; и слѣдственно въ такомъ случаѣ долженъ онъ будетъ сгуститься между перепоночкою и тѣломъ улитки, что и случилось.

Но Авторъ нашъ симъ еще не удовольствовался; для большаго увѣренія себя въ сей истиннѣ поступилъ онъ и другимъ образомъ. Изъ четырехъ или пяти колецъ, составляющихъ улиткину раковину, взялъ онъ и отломилъ послѣднее; по томъ между раковиною и тѣломъ животнаго положилъ онъ самую тонкую кожицу, которую по томъ загнувши на самую спинку раковины приклеилъ ее клеемъ. Теперь естьли бы сокъ, потребный для раковины, текъ изъ самой раковины, то бы кожица выдернулась изъ подъ раковины, однако она не колебалась. Больше, нежели третья доля улитки, бывшая наружѣ, тотчасъ покрыта ста-

ла потомЪ, изЪ котораго сдѣлалось новое кольцо раковины, которое пристало кЪ старымЪ, такЪ что помянутая кожица осталась между старыми и новымЪ кольцомЪ.

Естьли раковины дѣлаются такимЪ образомЪ, то можно бы кажется противоположить, что проломы, бывающіе на сихЪ раковинахЪ, должны быть починиваемы такою же матеріею, которая выходитЪ точно изЪ тѣхЪ же каналовЪ, изЪ коихЪ выходила и та, которая наполняла мѣсто, послѣ того проломленное; слѣдовательно часть раковины, закрывающая прошибенное мѣсто, должна быть точно такого же цвѣта, какЪ и прежняя и какЪ вся раковина; однакожЪ всего чаще видѣть можно, какЪ многія улитки, у коихЪ раковины разбиты, задѣлываютЪ ихЪ такЪ, что родЪ сей вставки бываетЪ примѣтенЪ и цвѣтомЪ разнится отЪ всей раковины. Такое противоположеніе ни мало не опровергаетЪ истинны положенія нашего Автора, но еще даетЪ ему случай изЪяснить, откуда происходятЪ сіи чертежи, и похожіе на разноцвѣтной мраморЪ оттѣнки, кои видимЪ мы сЪ удивленіемЪ на улиткиныхЪ

ныхъ раковинахъ и на многихъ другихъ черепокожныхъ: въ самомъ дѣлѣ есть такія раковины, гдѣ струйки сіи всѣ соединены и идутъ вмѣстѣ, начиная отъ самой средней точки до краевъ отверстія, а на другихъ бываютъ они какъ бы перерваны и перемѣшаны съ маленькими пятнышками, похожими иногда на музыкальныя ноты. Разнообразность сія происходитъ отъ различнаго разположенія ихъ самихъ, то есть отъ послѣднихъ частей тѣла улиткина, бывающихъ при отверстіи раковины. Часто случается, что при отверстіи семъ цвѣтъ бываетъ другой, нежели на всей раковинѣ; сія разность цвѣта показываетъ, что въ семъ мѣстѣ составъ тѣла отличенъ отъ другихъ частей. Такимъ образомъ соки и пѣна, туда приходящіе, проходя чрезъ сосуды или цѣдилки, имѣющія отличныя отъ другихъ скважины, получаютъ и цвѣтъ особливой; и какъ та часть тѣла, которая тутъ находится, работаетъ такъ же, какъ и другія части, споспѣшествуя постепенному увеличенію раковины, со всѣмъ тѣмъ, что выростаетъ въ длину: то всѣ пункты раковины, которые пристанутъ къ сей ча-

части, должны имѣть одинакой между собою цвѣтъ, однако отличной отъ цвѣту сосѣднихъ частей, отъ чего и должно случиться, чтобъ цвѣты сіи шли параллельно полосами и продолжали сіе до тѣхъ поръ, пока насѣкомое будетъ продолжать тихое свое движеніе и дѣлать отчасу большія прибавленія къ своей раковинѣ, подвигаясь всегда понемногу впередъ.

Когда улитка разтолстѣетъ, то вытаскиваетъ свой хвостъ изъ самаго дна или основанія своей раковины, которая бываетъ уже тѣсна для нее; она подается выше и кладетъ хвостъ свой во второмъ, или третьемъ звѣнѣ своей раковины, а сама пристроиваетъ домикъ свой спереди, дѣлая мало помалу сіи перемѣны и всегда подаваясь далѣе.

Части, находящіяся около ея шеи и подающія случай къ перемѣнѣ цвѣтовъ въ раковинѣ, по причинѣ различія ихъ поровъ, составляютъ непрерывную полосу одного цвѣту; но естьли улитка, перемѣня свое мѣсто, оставитъ нѣкоторые промежутки между тѣмъ пунктомъ, изъ котораго хвостъ ея выдетъ, и новою точкою, въ ко-

торой остановится, вЪ такомЪ случаѣ помянутыя части шеи, производившїя пятна, находясь уже вЪ нѣкоторомЪ разстоянїи отЪ предыдущаго пятна, производятЪ то, что на раковинѣ дѣлается уже нѣкоторое разстоянїе между однимЪ и другимЪ пятномЪ.

Многїе Натуралисты думаютЪ, что раковина улиткина всегда бываетЪ полна, и что объясненїе всѣхЪ сихЪ явленїй удобно можетЪ быть произведено изЪ постепеннаго приращенїя передняго конца раковины и самой улитки; различныя же пятна, цвѣты и оттѣнки, примѣчаемые на раковинѣ, могутЪ происходить еще и отЪ другихЪ причинЪ, каковы суть: разная доброта пищи, здоровье или болѣзнь животнаго, неравенство темперамента его вмѣстѣ сЪ перемѣною лѣтЪ, перемѣна, случающаяся вЪ отверстїяхЪ кожи; все сїе, соединившись со многими другими обстоятельствами, можетЪ перемѣнять, или ослаблять нѣкоторые цвѣты, и тѣмЪ разнообразить раковину до безконечности.

Легкость и твердость, находящаяся вЪ раковинѣ земляной улитки, суть также два сколько отмѣнныя, столько

по

по видимому противныя качества, кои трудно согласить. При наступленіи зимы улитка зарывается въ землю, уходитъ въ какую нибудь нору, иногда одна, но обыкновенно вмѣстѣ съ другими; тогда она дѣлаетъ изъ своего соку при отверстіи раковины маленькую бѣленькую крышечку и запирается совершенно. Сія крышечка защищаетъ ее отъ перемѣнъ воздуха и свирѣпости стужи: такимъ образомъ живетъ она отъ шести до семи мѣсяцовъ безъ всякаго движенія и безъ пищи до самыхъ прекрасныхъ весеннихъ дней; тогда отворивъ свои дверцы, ищетъ она пищи, могущей возстановить истощенныя отъ зимняго поста ея силы. Сперва она не очень разбираетъ пищу, однако послѣ хотя будетъ очень голодна, не на всякую травку кидается безъ разбору.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что улитки кормятся водою и росою. Тѣ, которые такъ думаютъ, могутъ спросить о семъ у нашихъ садовниковъ, которые вѣрно не такъ скажутъ. Весьма извѣстно то, сколь много вреда дѣлаютъ улитки въ садахъ и огородахъ, а особливо ночью

и въ ненастную погоду. Они пристаютъ къ винограднымъ деревьямъ, къ гороху, бобамъ и чечевицѣ. Случаются лѣта столь способствующія ихъ размноженію, что земледѣльцы и другіе суевѣрные деревенскіе мужики думаютъ, что то произошло отъ какого нибудь колдуна.

Пиголица есть такая птица, которую можно пріучить летать по саду, и которая пронзительнымъ своимъ крикомъ умѣетъ обороняться отъ кошекъ. Птица сія почитается великою охотницею до лягушекъ и ящерицъ, хотя сіи питаются одними только земляными червями и малыми насѣкомыми. Но не такъ думать надобно о черепахѣ; она въ саду почитается наилучшею истребительницею улитокъ, какую только еще могли найти доселѣ. Есть еще и другіе секреты, для истребленія улитокъ. Въ сочинении, называемомъ: *Деревенской домъ*, пишутъ, что ихъ стоитъ только спрыскивать свѣжими масляными подонками. Кажется, что ихъ удобно было бы давить и бросать въ воду или въ яму.

Въ публичныхъ Англинскихъ листахъ помѣщенъ также одинъ способъ избавляться отъ улитокъ. Способъ сей доставленъ намъ отъ одного земледѣльца изъ графства Эрфортскаго. стараясь много разъ, говоритъ онъ, многими способами избавить поля свои отъ сего рода злотворныхъ животныхъ, кои поядали все жито, употребилъ я на сей случай известь. Я разсыпалъ ее ночью по землѣ, которую хотѣлъ предохранить отъ прожорства ихъ, потому что онѣ выходятъ искать себѣ пищи особливо ночью. Опытъ сей, повторенной мною неоднократно, такъ хорошо мнѣ удался, продолжаетъ сей земледѣлецъ, и тѣмъ большаго достоинъ вниманія, чѣмъ извѣстнѣе каждому, что известь угодороживаетъ земли.

Г. Сарсей де Сютьеръ возстаетъ противъ сего метода и говоритъ, что онъ болѣе имѣетъ неудобствъ, нежели сколько пользы; 1) по тому, что известь находится не вездѣ, а притомъ очень дорого доставлять ее въ такомъ количествѣ, чтобъ на каждую десятину высыпать по пяти четвертей. 2) Сіе количество, присовокупляетъ

онъ, можетъ пожечь или высушить посѣянной хлѣбъ и другія растѣнія, а особливо естьли еще случатся большіе жары. Г. де Сутьеръ желалъ бы лучше, какъ самъ онъ говоритъ, чтобъ посыпали растѣнія сажею; сія сажа губитъ вообще всѣхъ насѣкомыхъ и придаетъ силу растѣніямъ. Но самой лучшій способъ предохранить себя отъ улитокъ, состоитъ въ томъ, по моему мнѣнію, чтобъ не пропускать ни одного года безъ паханія той земли, гдѣ обыкновенно бываетъ ихъ много, и пахать такъ, чтобъ земля никогда не была слишкомъ влажна; посредствомъ сего можно избавиться отъ многихъ жадныхъ насѣкомыхъ, причиняющихъ превеликіе убытки.

Улитки безъ раковинъ столь мало разнятся отъ тѣхъ, о коихъ мы уже говорили, что за нужное почитаемъ помѣстить ихъ здѣсь въ одну и туже статью. Натуралисты называютъ ихъ земляными пресмыкающимися гадинами, живущими нагишомъ, безъ раковинъ и тѣмъ только отличающимися отъ улитокъ съ раковинами, что продолговатѣе сихъ и не имѣютъ домику. Въ разсужденіи своихъ цвѣтовъ раздѣляются

они

они на многїе виды; потому что одни изъ нихъ черныя, другїя сѣрыя, съ пятнами, или безъ пятенъ; одни желтыя съ бѣлыми пятнами, другїя темныя или и красныя. А какъ сїи последнїя всего чаще попадаются, то мы объ нихъ и будемъ говорить теперь.

Улитка красная толщиною и длиною съ указательной палецъ, а вѣсомъ около полутора унца: кожа у ней двойная; внѣшняя со многими чертежами и черная; а изподняя состоитъ изъ волоконъ и безчисленнаго множества скважинъ: епанечка ея служитъ ей вмѣсто раковины; въ нее-то скрываетъ улитка свою голову, шею, брюхо и всѣ части, кои не имѣютъ постояннаго мѣста. У нее есть четыре рога, служащїе на туже потребу, что и у улитки съ раковиною; голова отъ груди отличается черноватымъ пояскомъ, такъ какъ и грудь отъ брюха; тутъ примѣчаютъ отверстїе рта съ двумя губами, и на верхней челюсти одинъ зубъ, сдѣланной на подобїе полумѣсяца съ пятнатцатью зубчиками; далѣе идетъ пищепрїемное горло, а за нимъ слѣдуетъ желудокъ, млечные сосуды, всегда наполненные бѣ-

дымъ сокомъ, кишки съ разными своими оборотами, сердце съ своею оболочкою и ушко, которое больше самаго сердца. Плиній говоритъ о двухъ косточкахъ, или маленькихъ камешкахъ песочныхъ и похожихъ на жемчужныя зернышки, кои выходятъ одинъ изъ головы улитки и почитается черепомъ, а другой изъ спины. Листеръ говоритъ, что онъ досталъ ихъ, сдѣлавъ легкую насѣчку въ центрѣ ея епанчи: оба они были равны величиною и фигурою. Сіи камешки столь легки, что три вмѣстѣ вѣсятъ не болѣе одного скрупула, какъ то замѣтилъ Вормій: выпуклая ихъ сторона черепокожна, а та, которая со впадиною, шероховата.

Сей родъ улитокъ такъ же, какъ и прежній, имѣетъ оба пола такъ, что каждая улитка можетъ оплодороживать другую, отъ которой бываетъ сама оплодорожена. Во время совокупленія мужеской дѣтородной удъ довольно раздувается, выходя изъ одного широкаго отверстія, находящагося на правой сторонѣ шеи подлѣ роговъ. Сей органъ, имѣющій одинакой видъ и величину въ обоихъ полахъ, есть родъ снурочка, которой два животныя,

когда захотятъ совокупиться, выставливаютъ наружу посредствомъ почти такого же механизма, какимъ выходятъ и рожки. Иногда улитки бываютъ въ странномъ положенiи, то есть: висятъ на воздухѣ, головами внизъ, прицѣпившись къ какому нибудь кустику, хвостами вмѣстѣ, и держатся на толстойниткѣ, спряденой изъ собственной ихъ матерiи. Редiй говоритъ, что онъ видѣлъ нѣкоторыхъ висѣвшихъ въ семъ положенiи до трехъ часовъ, и во все это время, присовокупляетъ онъ, нитки, выходящiя изъ тѣла, переплетаются, движутся, сжимаются и покрываются наконецъ бѣловатою мыльною пѣною, которая составляетъ ихъ сѣмя. Яица ихъ круглы, бѣловаты, похожiя на бѣлой горохъ, однакожъ когда придетъ имъ время вылупаться, тогда нѣсколько желтѣютъ. Они вылупляются обыкновенно не прежде, какъ чрезъ семь или восемь мѣсяцовъ послѣ соитiя.

Улитки живутъ еще долгое время, бывши въ куски изрублены, по сей-то причинѣ Линней полагаетъ ихъ въ классѣ червей, а въ родѣ или въ порядкѣ зоофитовъ, или животно-растѣнiй. Докторъ Iоанъ Мюральто дѣлалъ

не однократно сіе наблюденіе, и присовокупляетъ, что хотя кто выръжетъ и сердце у улитки, но чрезъ то не лишитъ еще ее жизни въ туже минуту. Думали также, что естьли отрубить ей голову, то новая выростетъ; однакожъ это не правда.

Улитки ѣдятъ траву, грибы и даже мокрую бумагу; они любятъ жить на низкихъ лугахъ и въ подземельныхъ мѣстахъ, гдѣ солнце никогда не свѣтитъ; иногда на горахъ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ, кратко: въ мѣстахъ прохладныхъ, покрытыхъ травою и влажныхъ, въ которыхъ роса не скоро высыхаетъ. Они ходятъ особливо ночью, а днемъ только въ ненастье; слѣды ихъ означаются по землѣ, по стѣнамъ и по деревамъ, гдѣ были, дорожкою свѣтлой клейковатой матеріи. Ходъ ихъ бываетъ очень медлителенъ; по сей-то причинѣ, кто не скоро ходитъ, о томъ говорятъ: онъ ползетъ какъ улитка, или какъ черепаха.

Естьли посыпать на улитку довольное количество обыкновенной соли, селитры или сахару, то увидишь, что тотчасъ станетъ выходить изъ нее наружу великое множество тон-

кой,

кой, клейкой матерїи, обыкновенно двухъ цвѣтовъ различныхъ, желтаго и бѣлаго; матерїя сїя сгустится такъ, какъ рыбїй клей и меньше, нежели въ четыре минуты улитка вздуется, сѣежится и умретъ. Естьли по томъ посмотрѣть на кожу сего животнаго отдѣленную отъ внутреннихъ частей, то вмѣсто того, чтобъ найти ее густую и твердую, найдешь ее гибкую, тонкую и сухую, потому что въ то время лишится она всей своей клейкой влажности.

Въ дождливыя лѣта нѣкоторыя земляныя улитки бываютъ темнаго цвѣту. Сїи улитки поѣдаютъ много пшеницы и другаго хлѣба, пожирая растѣнїя до самыхъ кореньевъ.

Свѣжая негашеная известка, смѣшенная съ новою сажею и разсыпанная въ полѣ, или въ саду, пособляетъ расти травамъ, и въ тожъ время истребляетъ сихъ насѣкомыхъ. Естьли поле не велико, то изтребить ихъ можно совершенно мыльными подонками, смѣшавъ ихъ съ остатками оттопленаго сала.

Улитки любятъ особенно капусту. А чтобы зберечь отъ нихъ сїе ра-

растѣнїе, то нѣтъ ничего лучше, какъ говорятъ, слѣдующаго состава. Взять ведро навозной воды, положить въ нее полунца чертова дерма, и сколько угодно голубой краски и ольхи; также горсти полторы истолченыхъ лавровыхъ ягодъ, горсть листьевъ или вершинъ бузины и щепоть корню карлины; все это пусть настаивается трои сутки. Желая употребить сей составъ, надобно взять пукъ соломы, обмачивать его въ водѣ и поливать или кропить ею тѣ растѣнїя, на коихъ есть улитки; всѣ они тотчасъ помрутъ, или по крайней мѣрѣ оставятъ растѣнїя. Лягушки также поѣдаютъ улитокъ.

Въ *Разсмотренной* нашей *природѣ* 1775 года сказали мы, что одинъ Саксонской земледѣлецъ, тщетно покушавшїйся разными образами предохранить свой хлѣбъ и молодыя растѣнїя отъ улитокъ и другихъ червей, кои ежегодно причиняли великой вредъ, вздумалъ наконецъ одинъ способъ, которой ему и удался. Онъ почерпнулъ нѣсколько грязной воды, а на осадку влилъ чистой воды для прочищенїя ее; по томъ варилъ ее, положивъ въ нее

два

два лота чортова толченова дерма. Вынувъ сей составъ изъ печи и простудивъ, получилъ съ него три золотника масла оленьяго рога. Все это вылито въ боченокъ, въ которомъ было пятнатцать фунтовъ очищенной навозной воды. Боченокъ былъ покрытъ и качаемъ нѣсколько часовъ. Сею смѣсью спрыскивалъ земледѣлецъ свои растѣнія три дни сряду поутру и ввечеру. Что касается до жита, то онъ держалъ его полчаса въ семъ же самомъ растворѣ, и высушивъ его на вольномъ воздухѣ, посѣялъ на недавно вспаханной землѣ и спрыскивалъ такъ же, какъ и растѣнія. Все ему удалось сверьхъ его чаянія. Другїе земледѣльцы, послѣдовавшїе сему примѣру, не менѣе были успѣшны, кромѣ тѣхъ только, которые сѣяли на землѣ не недавно вспаханной, и слѣдственно жидкость не могла дойти на сей землѣ до самыхъ насѣкомыхъ.

Брадлей на 27 стр. *садовническаго* своего *Календаря* назначаетъ слѣдующее лѣкарство отъ гусеницъ, улитокъ, муравьевъ и ушныхъ червей; надобно обернуть каждое дерево раза два веревкою, сдѣланною изъ лошадиной

ной гривы. Веревка сія столь будетъ шероховата, что улитки и гусеницы не могутъ перелѣзть черезъ нее безъ великаго вреда.

Всѣ знаютъ, что лягушки и улитки суть явные враги винограду. Для истребленія ихъ выбираютъ утреннее холодное и туманное время. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ виноградныя деревья растутъ сплошь, не будучи отдѣляемы плетнями, судьи долженствовали бы принудить тамошнихъ обывателей употребить общія мѣры для предохраненія винограда отъ сихъ насѣкомыхъ; а иначе многаго труда будетъ стоить убить сотню враговъ сихъ въ то время, какъ тысяча ихъ отправится въ сосѣдніе сады. Когда дерево будетъ столь крѣпко, что можетъ уже защищаться отъ ихъ зубовъ, тогда и перестаютъ ихъ изтреблять; но естьли бы безпрестанно за ними гонялись, то бы вѣрно родъ ихъ уменьшился, хотя и не могъ бы совсѣмъ изтребиться, потому что какъ самыя малыя насѣкомыя суть дѣло рукъ Творческихъ, то всѣ человѣческія силы изтребить ихъ не могутъ; однакожъ могутъ, да и дѣйствительно имѣютъ надъ животными

ни такую власть, которая уполномочиваетъ ихъ уменьшить число вредныхъ насѣкомыхъ.

ГЛАВА XXV.

Рогатой жукъ, бичь и носорогъ.

Рогатой жукъ, бичь и носорогъ суть насѣкомыя изъ роду жуковъ, названныя такъ потому, что у нихъ на головѣ есть два рога, какъ у оленя, или одинъ, какъ у носорога. Насѣкомыя сіи причиняютъ великой вредъ въ грядахъ, и особливо, когда они еще въ видѣ ляръ, или бѣлыхъ червячковъ.

Самой вѣрной способъ погубить сихъ червей состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣшивать землю съ горькими существами, какъ-то съ сажею, райскими яблоками, чертовымъ дерьмомъ, и спрыскивать ее горькими и острыми отварами, полыннымъ, то есть, и табачнымъ. Смѣсь сія противна также червякамъ земляныхъ сверчковъ и жуковъ. А какъ послѣдніе любятъ навозъ, то и не надобно класть его къ кореньямъ деревъ. Не худо также посадить подъ деревьями нѣсколько земляничныхъ кореньевъ;

евъ; лярва сихъ насѣкомыхъ до нихъ охотница; какъ скоро коренья сїи начнутъ выпускать отростки, то выдернувши ихъ можно найти тутъ множество бѣлыхъ червей.

ГЛАВА XXVI.

Грушной червь.

Грушной червь, или клопъ, тигръ есть насѣкомое, котораго много видовъ. Мы опишемъ здѣсь только самаго обыкновеннаго. Въ длину онъ имѣетъ полторы линеи, и въ ширину двѣ трети линеи: голова и нижняя часть тѣла черныя. Внизу тѣла есть загнутой хоботъ; лапы темныя: грудь по срединѣ черная, а по бокамъ бѣлая: вдоль груди есть у него три выдавшїяся черты или бороздки: футлярцы бѣлые, прозрачные, похожїе на тростникъ: усики состоятъ изъ четырехъ или пяти составовъ; первые два коротенькїе, третїй долѣе всѣхъ, четвертой короткой и толстой, почему усикъ и походитъ на дубинку. Насѣкомое сїе есть паренхимъ или самое тѣльцо листьевъ, кои

тотчасъ блекнутъ отъ того и сохнутъ; а потомъ валятся съ дерева. Дерево также и плоды его могутъ понести отъ сего ущербъ. Въ концѣ лѣта находятся ихъ цѣлыя тысячи подъ листьями грушь; на яблоняхъ и сливахъ также они попадаются.

Нѣтъ еще ни одного извѣстнаго лѣкарства, коимъ бы можно было истребить сихъ насѣкомыхъ. Однакожъ когда листья съ грушь спадутъ, то надобно ихъ сожигать немедленно; а притомъ надобно тереть корку у дерева очень крѣпко, чтобы передавить ихъ яица. Не худо также окуривать деревья какими нибудь крѣпкими ароматическими растѣніями. Нѣкоторые совѣтуютъ спрыскивать ихъ табачнымъ, или другимъ какимъ отваромъ.

Въ Журналѣ нашемъ *Разсмотренной природы* 1776 году одинъ садовникъ публиковалъ, что, употребляя всѣ возможныя средства для истребленія сихъ насѣкомыхъ, не могъ иначе успѣть въ своемъ предпріятіи, какъ когда сталъ перетирать каждый листочикъ одинъ за другимъ въ мѣсяцѣ Маѣ, и давилъ пальцами или платкомъ насѣкомыхъ, кои еще не успѣли при-

чинить вреда, и коихъ яица вылупляются тогда, когда листья будутъ велики. Сей способъ можно повторять, какъ скоро то будетъ нужно.

Красные клопы, водящіеся на листьяхъ и плодахъ древесныхъ, также попадающіеся и у кореньевъ, могутъ быть изтреблены, ежели давить ихъ, или обливать кипяткомъ, или осыпать толченою известью, разведшй ее въ теплой водѣ.

ГЛАВА XXVII.

Шпанская муха.

Шпанская муха столько извѣстна, что кажется безполезно было бы описывать ее. Ее можно отличить отъ другихъ насѣкомыхъ продолговатою, довольно тонкою ея фигурою, свѣтло-зеленымъ, или золото-зеленымъ цвѣтомъ; черными усиками, и наконецъ крѣпкимъ и непріятнымъ запахомъ. Мухи сіи въ нѣкоторые годы причиняютъ великой ущербъ. Какъ скоро увидишь ихъ въ великомъ множествѣ, то и надобно каждое утро отрясать деревья, на кои они влѣзаютъ еще на зорѣ,

зорѣ, и кои оттуда попадаютъ, тѣхъ давить ногою, или чѣмъ нибудь. Однакожъ остерегаться надобно дотрогиваться до нихъ голою рукою; потому что на рукѣ сдѣлаются красныя пятна и пузыри поскачутъ. —

ГЛАВА XXVIII.

Ушной червь.

Ушной червь есть насѣкомое полукрылатое, продолговатое, весьма проворно и скоро бѣгающее; у него на головѣ два рожка: усы долгіе: на концѣ брюха двои щипчики: тѣло плоское, гладкое, темнаго или чернаго цвѣту. Насѣкомое сіе, такъ какъ и всѣ другія, очень плодородно; оно обыкновенно встрѣчается на капустныхъ листьяхъ, въ разщелинахъ деревъ; около растѣній, а особливо дягильника и другихъ; находится также и въ щеляхъ стѣнныхъ, въ навозѣ и землѣ. Оно скоро пробирается и въ уши животныхъ, отъ чего и называется ушнымъ червемъ. Приставши къ какому нибудь мѣсту, грызетъ его и щиплетъ, причиняя тѣмъ сильную боль.

Г. Валмонъ де Бомаръ *въ Словарѣ* своемъ *Естественной Исторїи* говоритъ, что въ молодыхъ его лѣтахъ одинъ изъ его братьевъ посадилъ ему въ ухо ушнаго червяка, и что онъ былъ отъ того цѣлые четыре дни какъ шальной; но болѣзнь сїя кончилась легкою болью въ головѣ. Г Бомаръ въ отмщенїе за сїе сыгралъ такуюже шушку надъ своимъ братомъ, которой гораздо больше отъ того пострадалъ; ибо иногда онъ бѣгалъ и окунывалъ голову въ воду; а иногда шла у него изъ носу кровь, и казалось, будто онъ видитъ радугу. Братъ Г. Бомара, такъ какъ и самъ Г. Бомаръ въ великой находились опасности и ежеминутно ковыряли въ ушахъ особливымъ инструментомъ, что вѣроятно и произвело всю, или по крайней мѣрѣ большую часть боли. Говорятъ, что ежели червякъ сей попадетъ въ ухо, то надобно пустить туда нѣсколько сѣрнаго бальсаму, приготовленнаго съ терпентиномъ, или окуривать ухо аммонїаческою камедью.

Ушной червь вреденъ также и для многихъ растѣнїй, а особливо для цвѣтовъ и плодовъ. Кривыя его клещи,

щи, находящіеся на концѣ брюха, даютъ о немъ знать довольно. Онъ гложетъ молодые отпрыски, листья и почки мягкихъ растѣній; влѣзаетъ въ плоды, кои полуоткрыты; повреждаетъ тѣ, у коихъ кожица тонка: однакожъ какъ скоро потрясти дерево, то онъ и падаетъ. Естьли дерево стоитъ одно, то, чтобы не было на немъ сихъ насѣкомыхъ, стоитъ только обвязать пень его шерстью или коноплею. Естьли ихъ много на деревѣ, то надобно обвѣшать или окружить его пустыми костьми, рогами или копытами бараньими, коровьими, или тростникомъ сухимъ. Черви сіи днемъ туда удаляются; и какъ скоро отрясти сіи вещества, то всѣ они оттуда повыпадаютъ, и тутъ-то можно дѣлать съ ними все, что угодно.

ГЛАВА XXIX.

Сверчокъ.

Сверчокъ есть насѣкомое весьма извѣстное. Въ длину имѣетъ онъ обыкновенно одинъ дюймъ, а въ ширину четыре линеи: усы у него тонкіе,

и длиною со все почти тѣло: голова толстая, круглая, съ двумя большими глазами и тремя еще поменьше, желтыми и свѣтлыми; грудь короткая и широкая; у самцовъ футлярчики длиною больше всего тѣла, а у самокъ напротивъ цѣлую треть брюха оставляютъ наружѣ; у обоихъ на концѣ брюха есть острыя и мягкія прибавленьица; заднія ихъ ноги гораздо толще и долѣе, и ими-то они прыгаютъ. —

Насѣкомое сіе причиняетъ лѣтомъ великой вредъ въ садахъ. Оно гложетъ мягкіе листочки и молодые отпрыски растѣній; особливо нападаетъ оно на капусту, салатъ, огурцы и дыни. Самое лучшее средство изтребить его, состоитъ въ томъ, чтобъ лишь вдругъ много воды туда, гдѣ оно находится. Сіе заставитъ выйти его наружу, дабы не потонуть, и тутъ-то легко можно убить его.

ГЛАВА XXX.

Піявица.

Піявица насѣкомое водяное черное, безъ ногъ, безъ крыльевъ, безъ ко-

костей, видомъ похожее на червяка, длиною съ мизинецъ, съ крапинками и чертами по тѣлу; ползающее и родящее живыхъ такъ, какъ угорь, и живущее въ болотахъ и другихъ влажныхъ мѣстахъ. Кожа ея состоитъ изъ нѣсколькихъ колецъ, посредствомъ коихъ плаваютъ въ водѣ, и внѣ воды такъ скорчивается, что въ длину не болѣе дюйма она имѣетъ; въ то время примѣтны бываютъ на ней бугорки: спина у нее темночерноватаго цвѣту. Въ головѣ ея находится ротъ между двумя губами сдѣланный изъ самыхъ тонкихъ волокнышковъ, посредствомъ которыхъ принимаетъ онъ на себя всѣ виды, смотря по обстоятельствамъ. Ротъ сей треугольной, съ тремя преострыми и весьма крѣпкими зубами, могущими прокусить кожу не только человѣка, но и лошади или быка; посредствомъ сего орудія дѣлаетъ животное три раны вдругъ.

Ежели живую піявицу проглотить, то она можетъ, какъ говорятъ, причинить опасныя послѣдствія, потому что начнетъ сосать кровь въ желудкѣ. Но лѣкарство въ семъ случаѣ вѣрное есть то, чтобъ пить россолъ,

или соленую воду, а сверьхъ того принять слабительное, въ которое бы входилъ меркурїй, а особливо сладкая сулема: рвотное также полезно въ семъ случаѣ.

Иногда пїявицы пристаютъ къ горлу и къ деснамъ быка, что можно узнать, ежели начнетъ у него изъ рту течь или капать кровь. Для отвращенїя сего неудобства надобно быку разинуть ротъ, вытянуть языкъ и оторвать пїявицу рукою; естьли сего не льзя сдѣлать, то надобно дотронуться до нее тряпкою, обмоченною въ водкѣ, или въ винѣ, въ которомъ будетъ сабуръ, или въ маслѣ съ сабуромъ. Естьли случится, что пїявица пройдетъ въ желудокъ, то сего нечего опасаться; потому что она тотчасъ умретъ отъ внутренняго бычачьяго жиру и сварится вмѣстѣ съ пищею.

ГЛАВА XXXI.

Бабочки и хлѣбной червь.

Бабочка, которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ *хлѣбною бабочкою*, есть изъ роду фаленъ. Она во мно-

многомъ походитъ на бабочку фальшивой моли. Крылышки у ней наклонены къ землѣ, такъ какъ кровля; цвѣтъ ихъ бѣлокофейной съ долговолосою по краямъ бахрамою. Самка наноситъ отъ осмидесяти до девяноста яицъ: черезъ восемь дней вылупаются изъ нихъ маленькiе червячки толщиною въ волосокъ, а длиною въ четверть линеи. Сiи червячки помѣщаются между половинками зернышка; потомъ опоражниваютъ его и прядутъ тамъ свое гнѣздо, оставляя впрочемъ затворочку въ зернышкѣ, которая до тѣхъ поръ бываетъ цѣла, пока бабочка, вышедшая изъ нимфы, не отворитъ ее для выходу своего наружу. Роды сихъ насѣкомыхъ продолжаются двадцать восемь, или двадцать девять дней, отъ чего и легко можно представить себѣ удивительное ихъ размноженiе. Примѣчено, что чѣмъ ближе хлѣбъ посѣянъ къ селенiямъ, тѣмъ больше водится въ немъ сихъ насѣкомыхъ; изъ чего и заключили, что клажа яицъ ихъ производится наипаче въ житницахъ: въ самомъ дѣлѣ въ Iюнѣ и Iюлѣ мѣсяцахъ подымаются изъ житницъ цѣлыя тысячи сихъ бабочекъ. Ихъ столь бы-

ваетъ много, что кучи жита по видимому движутся, и притомъ столь великой бываетъ тамъ жаръ, что термометръ, поставленной въ житницу, поднимается на многіе градусы.

Самое дѣйствительное средство, какое только изобрѣли для предохраненія себя отъ сего бича, состоитъ въ томъ, чтобъ жито класть въ печь; жаръ печи убиваетъ сихъ насѣкомыхъ. Жито можетъ безъ вреда вытерпѣть девяносто градусовъ теплоты, и почти такой, какова бываетъ, когда хлѣбы вынимаютъ изъ печи. Естьли въ это время насыпать туда жита, то теплота скоро уменьшится и черезъ двѣнатцать часовъ дойдетъ до тритцать-третьяго градуса. Можно также при посѣвѣ обмывать жито въ щолокѣ, и выбрасывать тѣ зерна, кои будутъ плавать по верьху. А сія предосторожность сдѣлаетъ то, что не будетъ такъ называемой въ хлѣбѣ *головни*.

Одинъ Богемской Экономъ предлагаетъ самое простое средство для изтребленія червей, портящихъ хлѣбъ въ житницахъ. Онъ велитъ спрыскивать попорченной хлѣбъ и стѣны житницы

ницы водою, въ которой будетъ разпущенъ купоросъ.

Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобъ пересыпать жито чистымъ и мѣлкимъ пескомъ черезъ каждые два или три ряда жита. Сей способъ употребляемъ былъ однимъ жителемъ Дублинскимъ съ великимъ успѣхомъ; одно только въ немъ неудобство, что жито перемѣшивается съ пескомъ; но его можно перечистить. Естьли песокъ чистъ, сухъ и мѣлокъ, то онъ всасываетъ въ себя всякую мокроту, могущую находиться въ житѣ; а притомъ мыши и крысы отъ него бѣгаютъ, потому что не могутъ въ немъ жить.

ГЛАВА XXXII.

Листвяные и сѣменные черви.

Есть родъ червей, называемыхъ *листвяными малыми*, или просто *малыми червями*. Весьма мало деревъ или растѣній, коихъ бы листья невредимы были сими насѣкомыми. Г. Реомюръ первой раздѣлилъ ихъ на различные классы, и обстоятельно описалъ превраще-

щенїе и работу сихъ червей. Но одинъ земледѣлецъ изъ Эльскаго графства обнародовалъ нѣкоторыя новыя наблюденїя, кои достойны внесены быть въ сїе сочиненїе.

Черви сїи скрываются глубоко въ землѣ во всю зиму; и не прежде оттуда выходятъ, какъ въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ, когда сѣмена начинаютъ всходить. Какъ скоро покажутся на воздухъ, прежде всего начинаютъ помышлять о размноженїи своего вида; тогда можно видѣть, какъ самецъ и самка вмѣстѣ подъ кореньями растѣнїй копаютъ всѣ каналы для будущаго своего потомства, или можетъ быть для собственныхъ своихъ надобностей, могущихъ скоро случиться. Однакожъ самка не несетъ еще тогда яицъ; она не несется также въ поляхъ, засѣваемыхъ хлѣбомъ подъ зиму, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кои засѣяны рожью, потому что запахъ сей ей противенъ: и такъ, какъ скоро дерева цвѣсти начинаютъ, насѣкомыя сїи удаляются стадами на поля лѣтнїя, особливо кои недавно вспаханы. По сей-то причинѣ въ Силезїи поля, засѣваемыя пшеницею и льномъ, бываютъ больше всѣхъ подверже-

вержены опустошеніямЪ сихЪ злотворныхЪ насѣкомыхЪ.

ВЪ началѣ Іюня самка кладетЪ свои яица на поляхЪ вЪ какихЪ нибудь норахЪ, нарочно для сего ею приготовленныхЪ; она несетЪ ихЪ одни на другихЪ и подлѣ другихЪ, такЪ что кучка, состоящая изЪ двухЪ, или трехЪ сотЪ яицЪ, походитЪ на небольшую тарелочку. Земля, находящаяся надЪ ними, высыхаетЪ; почему солнечная теплота, проникнувЪ кЪ нимЪ способствуетЪ ихЪ вылупленію. Около Иванова дни обыкновенно поспѣваютЪ уже молодые черваки, и оставляютЪ свои гнѣзда. Яица, невылупившіяся кЪ сему времени, погибаютЪ обыкновенно, какЪ-то могутЪ видѣть тѣ, кои вЪ Іюлѣ или Августѣ собираютЪ ленЪ.

Молодые черви тотчасЪ выходятЪ изЪ своихЪ гнѣздЪ, вЪ поляхЪ, засѣянныхЪ хлѣбомЪ; на лѣто остаются они только до тѣхЪ порЪ, пока не получатЪ довольно силЪ кЪ предпринятію своего путешествія; тогда-то старые провожаютЪ молодыхЪ вЪ зимнія поля и притомЪ на тѣ мѣста, гдѣ, какЪ мы сказали, копали они себѣ норы подЪ кореньями хлѣба и другихЪ растѣній.

стѣній. Ежели лѣто будетъ по большой части сухо, то они нападаютъ на тѣ растѣнія, кои цвѣли прекрасно и подавали великую надежду; а въ землѣ грызутъ они ихъ коренья. Ихъ-то опустошенію причитать надобно потери тѣхъ растѣній, кои бѣлѣютъ и портятся въ это время года.

Одни только самцы обыкновенно провожаютъ дѣтей своихъ, управляютъ ими въ пути, и назначаютъ имъ жилище. Самка, уставши до крайности отъ чрезвычайной носки яицъ, умираетъ почти въ то же время въ гнѣздѣ, или не подалеку отъ онаго.

Отъ стужи и влаги погибаютъ молодые сего роду черви. Ежели ненастье продолжится одинъ только Іюнь, то всѣ они околѣваютъ; въ началѣ Августа рѣдко увидишь молодыхъ, хотя бы погода и хороша была. Тѣ, кои уцѣлѣютъ или останутся живы, ничѣмъ почти не разнятся отъ старыхъ; естьли погода будетъ хорошая, а особливо въ Іюнѣ, то они размножаются до безконечности и опустошаютъ цѣлыя поля, съ которыхъ послѣ того трудно бываетъ собрать и то, что было посѣяно.

ГЛАВА XXXIII.

Древоточные черви.

За нѣсколько предъ симъ лѣтъ объявляли въ публичныхъ Лейбцигскихъ листахъ одинъ вѣрной и удобной способъ, коимъ можно предохранить отъ червей строевой лѣсъ. Открытіе сіе весьма полезно, особливо для тѣхъ странъ, гдѣ домы по большой части деревянные. Теперь уже оставили то заблужденіе, по которому прежде думали, что лѣсъ больше или меньше простоитъ, смотря по тому, въ ущербъ ли луны, или въ другое время будетъ онъ рубленъ. Лишь бы только не рубить его во время его раскидыванія. Впрочемъ нѣтъ нужды, тогда ли будешь его рубить, когда луна полна, или когда прибываетъ, или наконецъ когда убываетъ. Время, въ которое соку въ деревѣ бываетъ меньше всего, начинается отъ половины Генваря и продолжается до половины Февраля; сіе-то время избирать надобно для рубки или валежа лѣсу; потому что нѣтъ еще лучшаго времени. Однакожъ ежели зима будетъ очень холодна, то можно продолжить сіе время и до на-

начала Марта. Какъ скоро ель, дубъ сосна и другія подобныя дерева будутъ срублены, тотчасъ и надобно употреблять ихъ въ дѣло; чѣмъ скорѣе употребишь ихъ, тѣмъ способнѣе они въ строеніи, тѣмъ менѣе подвержены червямъ, тѣмъ долѣе хранятся цѣлы въ строеніи и во всякой мѣлкой работѣ. Кленъ имѣетъ много въ себѣ паровъ, въ коихъ остается еще нѣсколько времени сокъ и послѣ рубки, даже и зимою. И такъ не надобно употреблять его въ дѣло тотчасъ по срубкѣ, дабы черви его не точили. Прежде употребленія его въ строенія надобно беречь его и не соскабливать коры до самаго Апрѣля, то есть до шести или семи недѣль послѣ его рубки. Первая весенняя теплота приведетъ въ броженіе или закисаніе сокъ сего дерева, отъ чего получитъ онъ горькой вкусъ, которой прогоняетъ червей и не даетъ имъ нести въ деревѣ яицъ. Правда, что тесъ, изъ него дѣлаемой, теряетъ много своей красоты и лоску, и притомъ не столько бываетъ твердъ и бѣлъ, но за то долѣе лежитъ и хранится въ строеніяхъ, такъ что не безъ причины думаютъ, что

онъ

онъ пролежать можетъ нѣсколько вѣковъ безъ всякаго вреда отъ червей. Дубъ, также какъ и кленъ, подверженъ точенію червей; но чтобы они на него не нападали, стоитъ только срубивши его въ самое лучшее время, поскорѣе очистить и хорошенько высушить, и особенно вывести всю мокроту изъ нижнихъ частей корки, которая непосредственно касается самаго дерева.

Г. Пинжеронъ утверждаетъ, что мокрота, остающаяся въ деревѣ, или туда послѣ попадающая, бываетъ причиною его порчи. И такъ надобно только вывести ее оттуда, и не давать входить новой; такимъ образомъ черви никакъ не будутъ точить дерева. Вотъ тотъ способъ, которой ему въ семъ случаѣ удался:

Покупавши нѣкогда извѣстное количество, говоритъ онъ, орѣшнику, которой способнѣе и лучше всѣхъ для машинъ, а особливо для поперечныхъ досокъ, въ коихъ долженствовалъ я имѣть потребность; всегда старался я выбирать самой сухой, какой только могъ найти: разрубая его на части, клалъ я въ золу или пепелъ, которой

черезъ три или четыре дни высасывалъ изъ него послѣднюю влажность. Послѣ того сушилъ я еще каждую штуку; по томъ тотчасъ намазывалъ теплымъ орѣховымъ масломъ и опять клалъ въ пепелъ, дабы онъ высосалъ излишнюю мокроту. Черезъ нѣсколько дней вынималъ я свои штуки изъ золы и употреблялъ ихъ въ дѣло по обыкновенїю. Масло совершенно запирало поры у дерева и не пропускало туда воды. Опытъ сей, споспѣшествующїй доставить дереву прекрасный цвѣтъ и сдѣлать его гибчѣе, служилъ всегда превосходнымъ предохранительнымъ отъ червей средствомъ всѣмъ деревяннымъ машинамъ господина Пинжерона.

ГЛАВА XXXIV.

Двухвостка или моль.

Симъ именемъ называютъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ изъ роду жуковъ. Когда они молоды, тогда бываютъ бѣлы: но по мѣрѣ своего состарѣнїя чернѣютъ и перемѣняютъ свою кожу. Крылья бываютъ у однихъ только самцовъ; отъ холоду они обыкновенно погибаютъ.

Экономисты ихъ раздѣляютъ на многїе виды: 1) на тѣхъ, кои ѣдятъ мясо; 2) кои живутъ въ хлѣбѣ и мукѣ; 3 кои гложутъ книги; 4) кои живутъ въ перьяхъ у птицъ, сидящихъ въ клѣткахъ; 5) кои клокчутъ, какъ куры; 6 кои опустошаютъ сады; 7) кои не могутъ терпѣть свѣту; 8) коихъ находятъ на мѣльницахъ и около печей; 9) кои живутъ близь нужниковъ и въ передбанникахъ; 10) кои испускаютъ вездѣ, гдѣ только есть, негодной запахъ; 11) кои водятся между чешуею той рыбы, котoрую сушатъ Лапландцы.

Всѣ сїи различные виды довольно походятъ на полевыхъ сверчковъ. Говорятъ, что они вылупляются изъ яицъ совершенными насѣкомыми, и потомъ мало помалу выростаютъ. У нихъ по осьми большихъ ногъ.

Что касается до тѣхъ, кои клокчутъ, какъ куры, гложутъ книги и съѣдаютъ клей, коимъ мажутъ ихъ переплетчики, онѣ величиною съ блоху; на спинкѣ у нихъ продолговатой сѣренькой гребешокъ; а голову носятъ внизу подлѣ груди. Говорятъ, что звукъ сей издаютъ онѣ бїя крылышками, одно объ другое. —

Цельскому Экономическому обществу доставилъ нѣкто предохранительное отъ двухвостокъ или моли, садящейся на домашнїе уборы средство. Надобно класть камфоры въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ что нибудь находится, могущее приманить сихъ насѣкомыхъ. Черезъ полчаса, когда камфора выпуститъ свой запахъ, можно будетъ отворить тѣ мѣста, и впустить туда свободной воздухъ.

ГЛАВА XXXV.

Огородныя блохи.

Насѣкомое сїе есть самое обыкновенное и самое многочисленное. Оно водится въ садахъ и огородахъ. Хотя очень мало, но причиняетъ оно довольной убытокъ. Все ему въ саду нравится: трава, кустики, деревья, почки, отрасли, молодые плоды, новые отпрыски и проч. да и самой червячокъ, или лярва, изъ которой происходитъ сїе насѣкомое, не меньше вредоносно. Ихъ находится много видовъ; они не бываютъ въ длину больше двухъ, а шириною одной линеи;

они

они прыгаютъ весьма проворно. Усики у нихъ одинаковой вездѣ толщины, а заднія ихъ ножки толсты и почти сферическія. Цвѣты ихъ различны; потому что они бываютъ то черныя, то бѣлыя, то желтыя, то черныя и бѣлыя, то наконецъ черныя и золотыя: головка, грудь и ножки такого же цвѣту, какъ и футлярцы ихъ, составляющія большую часть ихъ тѣла; а иногда части сіи другаго цвѣту.

Насѣкомыя сіи попадаются тысячами на растѣніяхъ, кои иногда бываютъ отъ нихъ чернехоньки; подобно попадаются на всходящихъ сѣменахъ, на молодыхъ огородныхъ травахъ и на нѣкоторыхъ цвѣтахъ; часто поѣдаютъ они молодую капусту, салатъ, рѣдьку. Самое лучшее средство сберечь растѣнія отъ ихъ жадности, состоитъ въ томъ, чтобъ не давать имъ нигдѣ покою, то есть отряхивать чаще растѣнія, или омывать ихъ водою, отъ чего иныя погибаютъ, а другія всѣ уходятъ. Нѣкоторые говорятъ, что деревья, на коихъ есть сіи гадины, посыпать надобно золою и известью, или спрыскивать какимъ нибудь горькимъ отваромъ и нѣкоторыми маслами;

 но

но надобно опасаться, чтобЪ надобья сіи не повредили растѣній и не помѣшали ихЪ плодородію. —

ГЛАВА XXXVI.

Виноградныя вши.

Насѣкомыя сіи опустошаютЪ больше всѣхЪ какЪ виноградныя деревья, такЪ и плоды его. Они причиняютЪ иногда толикой убытокЪ вЪ вышнемЪ и нижнемЪ Анжу, гдѣ родится виноградЪ, что тамошнее правительство, пекущееся о благоустройствѣ, различныя вЪ различныя времена издавало узаконенія, чтобЪ принудить всѣхЪ и каждаго порознь, подЪ угроженіемЪ нѣкотораго штрафа, истреблять сихЪ насѣкомыхЪ. ОднакожЪ ревность и усердіе ихЪ не могли еще и доселѣ произвесть желаемыхЪ успѣховЪ; мнимыя трудности, народные предразсудки, недостатокЪ вЪ безпрестанныхЪ наблюденіяхЪ, касательно до разпложенія, приращенія и превращеній большей части сихЪ извѣстныхЪ намЪ насѣкомыхЪ, наконецЪ безпечность и лѣность не допускали по-

помышлять о тѣхъ способахъ, кои могли бы изтребить, или по крайней мѣрѣ уменьшить число сихъ животныхъ.

По нѣкоторому простонародному заблужденїю деревенскїе жители воображают, что насѣкомыя сїи родятся отъ жука, и что сами они раждают толстаго червяка, изъ котораго раждается опять жукъ. Но каждой видъ разрождается всегда въ первоначальномъ своемъ видѣ; порядокъ сей въ природѣ непремѣняемъ. Положимъ, что въ какомъ нибудь мѣстѣ изтребленъ будетъ совершенно тотъ, или другой видъ насѣкомыхъ, то ихъ больше тамъ и не увидишь, развѣ прилетятъ изъ другаго мѣста. И такъ виноградная вошь не имѣетъ другихъ превращенїй, кромѣ тѣхъ, кои свойственны сему виду.

Насѣкомое сїе, полагаемое Натуралистами въ классѣ жуковъ, въ длину имѣетъ около двухъ съ половиною линей, а въ ширину около одной съ половиною. Они бываютъ синїя и золотозеленыя. Головка, изъ которой выходятъ два усика, кончится твердымъ, длиннымъ и со многими зазубринами хоботомъ. Они являются въ началѣ

Мая; садятся на молодые листочки, коими кормятся, особливо до листковъ чернаго винограду большiе охотники; кладутъ на нихъ свои яица, прежде пославши на листьяхъ сихъ нѣкоторой родъ пушку, а хоботомъ своимъ послѣ того прогрызаютъ сосудцы въ листочкѣ. Такимъ образомъ обращенiе соку бываетъ повреждено, и солнце, изсушая листья, свертываетъ ихъ, какъ бумагу; нанесенныя тамъ яица отъ теплоты солнечной вылупаются, и тогда-то выходятъ изъ нихъ маленькiе червячки, кои упадаютъ на землю и остаются тутъ нѣсколько времени. Лѣтомъ перемѣняются они въ тотъ видъ, которой имъ свойственъ: зимою скрываются подъ корою и въ щеляхъ всѣхъ сухихъ деревьевъ, такъ какъ мухи, а весною опять появляются для обратнаго произведенiя себѣ подобныхъ, и черезъ нѣсколько времени умираютъ. Сiе вредоносное насѣкомое съѣдаетъ зародыши плодовъ, отросточки у сѣменъ, почки и листья, отъ чего дерево лишается и своего приращенiя, силы и обыкновенной доброты.

Для изтребленiя сихъ животныхъ доселѣ еще о томъ только старались,

чтобъ

чтобъ найти свернутые листочки, въ коихъ яица находятся, и собравши ихъ сожечь. Сколько ни выгодно сїе средство, однакожъ недовольно еще, потому что не истребляетъ зла въ самомъ его началѣ. Насѣкомое сїе, будучи съ крыльями, не находя болѣе пищи на опустошенной ею вѣткѣ, улетаетъ на другїя съ листьями, и продолжаетъ тамъ причинять такое же опустошенїе, какъ то случилось въ 1764 году во многихъ Анжуйскихъ Кантонахъ. И такъ надобно искать вѣрнѣйшаго, полезнѣйшаго и скорѣйшаго способа, коимъ бы можно было избавиться отъ сихъ толико вредныхъ насѣкомыхъ.

По нѣкоторымъ наблюденїямъ узнано, что виноградныя вши очень робки, и что имѣютъ нѣкоторыхъ жадныхъ враговъ, каковы суть виноградные пауки и нѣкоторыя птицы, также многїя насѣкомыя, отъ коихъ и крылья ихъ не могутъ никогда спасти. Какъ скоро тронешь вѣтку, или кустикъ, на которомъ сидятъ сїи насѣкомыя, тотчасъ они прячутъ свои ноги, свертываются и уходятъ, такъ сказать, сами въ себя, такъ что тотчасъ скатываются и падаютъ на землю, гдѣ

 пря-

прячутся въ ущелья или подъ земныя глыбы, и сидятъ тамъ до уходу непрїятеля.

Инстинктъ, данной имъ для того, чтобъ стараться о своей цѣлости, дѣлается самымъ удобнымъ способомъ къ ихъ пагубѣ, и естьли виду ихъ не льзя изтребить совершенно, то по крайней мѣрѣ можно уменьшить до такого степени, что не очень много дѣлать будутъ вреда. Чтобы успѣть въ семъ случаѣ, надобно сперва узнать ихъ пребыванїе; а узнавши давить ихъ прежде собранїя листьевъ съ ихъ яицами. На сей случай надобно взять листъ толстой бумаги, у которой края загнуть вверьхъ на дюймъ; его надобно подставлять подъ каждую особенно вѣтку, и трясти ее полегохоньку; животныя сїи не могутъ противустоять потрясенїю и упадаютъ на бумагу; и тогда-то давить ихъ можно; по томъ начать собирать свернутые листочки, въ коихъ содержатся ихъ яица, и жечь. —

Работница за среднюю плату легко пройдетъ каждой день десятину винограда, изтребитъ всѣхъ, кои попадутся ей, насѣкомыхъ, и такимъ обра-

зомъ

зомъ сохранитъ въ цѣлости листья и плоды. Способъ сей простъ; его могутъ употреблять деревенскіе люди, кои обыкновенно не имѣютъ столько проворства, чтобъ приниматься за искуснѣйшую работу; польза будетъ очень велика для хозяина винограда, а издержка очень невелика. — (*Ія статья сообщена отъ одного Анжуискаго земледѣльца*).

ГЛАВА XXXVII.

Древесные шолуди.

Г. Робертъ, сообщившій намъ содержаніе сея Главы, говоритъ, что надобно замѣтить, что такое разумѣютъ подъ симъ словомъ; ибо естьли подъ онымъ разумѣютъ, говоритъ онъ, нѣкоторой родъ помета, кладомаго самкою клоповъ, зеленоватаго цвѣту, довольно вреднаго для деревъ, какъ то примѣчаютъ садовники: то нѣтъ ничего несправедливѣе. — Это одна только оболочка яицъ сихъ насѣкомыхъ, кроющихся внутри; оболочка сія хотя сначала не больше бываетъ просянаго зернышка, но отъ весен-

сенняго жару дѣлается очень великою. Естьлижъ то другое какое нибудь насѣкомое, то признаться, что мы до сихъ поръ еще другихъ никакихъ не примѣчали. Въ первомъ случаѣ, которой вѣроятно есть тотъ самой, о коемъ идетъ дѣло, нѣтъ другаго средства, какъ взять терпѣнїе очищать и отирать всѣ листья на деревѣ, такъ какъ поступаютъ съ померанцами, кои бываютъ подвержены сей болѣзни.

Г. Рондо де Сетри, членъ земледѣльческаго Руанскаго общества, имѣвъ черезъ нѣсколько лѣтъ персики изуродованные сею болѣзнїю, пытался сперва истреблять ее алкалическимъ спрыскиванїемъ, доставъ алкали изъ негашеной извести, отъ чего еще хуже деревья сдѣлались; потомъ столь же мало успѣлъ и съ своимъ рассоломъ изъ морской соли: но уксусъ съ солью совершенно истребилъ сихъ насѣкомыхъ. Г. Рондо водитъ по всѣмъ вѣткамъ кисточкою, обмакивая ее въ сїю кислоту. Однакожъ мы предпочитаемъ въ семъ случаѣ методъ Г. Роберта, яко не столько вредной для дерева.

ГЛА-

ГЛАВА XXXVIII.

О гусеницахъ вообще.

Между насѣкомыми, дѣлающими больше всѣхъ вреда въ садахъ, гусеницы безъ сомнѣнія занимаютъ первое мѣсто. Весьма мало такихъ растѣній, на коихъ бы онѣ не водились. Естьли только узнать, сколько листьевъ въ одинъ день можетъ съѣсть одно изъ сихъ насѣкомыхъ, можно удивиться. Шелковые черви явнымъ служатъ тому доказательствомъ.

Естьли гусеницъ очень много, что случается весьма часто, то они лишаютъ всѣхъ, или почти всѣхъ листьевъ деревья, и плодовитые кусты, такъ какъ и ихъ украшенія; чрезъ то препятствуютъ они ихъ приращенію, вредятъ плодородію, такъ что деревья иногда въ цѣлой годъ не могутъ поправиться, а иногда и совсѣмъ погибаютъ.

Гусеницы, больше всѣхъ причиняющія вреда садовымъ деревьямъ, суть: 1) *гусеница голая*; она продолговата, о шестнатцати ножкахъ со многими си-

синими и желтыми вдоль полосами; находится часто стадами, ѣстъ почти всѣ растѣнія. Бабочка сей гусеницы кладетъ яица около древесныхъ вѣтвей; ихъ бываетъ очень много.

2) *Зеленыя*; сихъ гусеницъ больше всѣхъ; они ѣдятъ также всѣ почти деревья. Кромѣ сихъ есть еще много и другихъ видовъ; но всѣ они, кромѣ разности въ цвѣтахъ и нѣкоторыхъ оттѣнокъ въ прожорствѣ своемъ и другихъ характерахъ, сходны. Всѣ они весьма опасны для садовниковъ, потому что листья, почки, плоды, цвѣты, коренья, все поѣдаютъ, не щадя даже самой травы, овощей и пр.

Теперь посмотримъ, каковы суть средства, коими бы можно избавиться отъ гусеницъ. Деревенскіе жители знаютъ только два, изъ коихъ первое состоитъ въ томъ, чтобъ искать съ раченіемъ яицъ и гнѣздъ ихъ на деревахъ, когда листья попадаютъ. Нашедши отрываютъ гнѣзда и яица и бросаютъ въ огонь. Другое состоитъ въ томъ, чтобъ давить живыхъ, сколько ни попадется. Правда, что нашедши ихъ кучу передавить не трудно, но трудно доискиваться тѣхъ,

кои живутъ по одиначкѣ. Однихъ надобно искать днемъ, когда прогуливаются и ѣдятъ, а другихъ ночью, потому что въ это только время выходятъ они на пажить; притомъ искать ихъ должно съ фонаремъ. Ежели дерево будетъ усѣяно гусеницами, живущими въ день въ землѣ, то надобно нѣсколько дней поливать около его водою, а притомъ копать то мѣсто глубиною фута на два, съ тѣмъ, чтобы ихъ передавить, или не дать выттти вонъ. Другое средство, препятствующее имъ влѣзать на дерево, состоитъ въ томъ, чтобъ тереть сїе дерево чернымъ мыломъ, или какимъ нибудь жиромъ на полфута отъ земли. Ежели гусеницы, коихъ надобно изтреблять, живутъ ночью на деревахъ, не завертываясь въ листочки, то можно поутру и подъ вечеръ трясти дерево; поутру, когда они еще спятъ, падаетъ ихъ много, причемъ и можно легко ихъ убивать. Но способъ сей годится только тогда, когда деревья стоятъ на открытомъ полѣ.

Во многихъ Экономическихъ книгахъ совѣтуютъ посыпать на растѣ-

нїя

нія нюхательнаго табаку, или поливать или спрыскивать ихъ крѣпкимъ отваромъ, или просто наливкою табаку, полыни, дикой рябины, райскихъ яблокъ, горячавки, сажи, также известковою водою, мыльнымъ и масляным разводомъ, или скапидаромъ; однакожъ всѣ сіи средства имѣютъ свои неудобства: масло губитъ растѣнія, препятствуя ихъ испаринѣ; другія вещества дѣлаютъ солеными листья и самые плоды; большая ихъ часть доставляетъ имъ непріятной вкусъ и запахъ. При всемъ томъ не такъ-то легко, какъ вообще думаютъ, прибѣгать къ симъ средствамъ. —

Чтобы согнать гусеницъ съ капусты, многіе огородники искали пособія въ конопляхъ; однакожъ сіе средство не имѣло всего желаемаго успѣха: одинъ ревнующій по благѣ общемъ экономъ чинилъ на сей случай и самъ опыты, и пользовался способами нѣкоторыхъ другихъ разумныхъ особъ Г. Олофъ Сордесъ, такъ онъ называется, Геометръ Шведской, захотѣлъ испытать, имѣетъ ли конопель силу изтреблять гусеницъ и яица ихъ, ежели его посѣять около сада или огорода.

Опытъ

да. Опытъ сей дѣлалъ онъ два года сряду. Въ первой годъ гусеницы пожраны были нѣкоторыми птицами, кои охотницы до коноплей. Конопли ихъ приманили; и какъ они нашли и гусеницъ на капустѣ, то ихъ и поѣли. Въ слѣдующій годъ Г. Олофъ Сордесъ насадилъ капусты на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде были конопли, и коноплей насѣялъ. Птицы прилетѣли опять туда, какъ и въ предыдущій годъ и поѣли гусеницъ, бывшихъ на капустѣ. А изъ сего и слѣдуетъ, что конопли не имѣютъ силы изтреблять ни сихъ насѣкомыхъ, ни яицъ ихъ.

Другой простой и по мнѣнію нѣкоторыхъ удачнѣйшій въ семъ случаѣ способъ есть слѣдующій: взять около полусотни раковъ, положить ихъ ведра въ три воды и оставить въ ней дней на пять, или на шесть, чтобъ дать имъ умереть, и водѣ испортиться. Сею водою послѣ того должно спрыскивать растѣнія, на коихъ есть гусеницы.

Всякому извѣстно, что гусеницы, водящіяся на яблоняхъ, или шелковичныхъ деревьяхъ, спрявши себѣ гнѣздо, или скорлупу, остаются въ нихъ

неподвижными въ видѣ хрисалидъ или куколокъ около десяти дней предъ концемъ мѣсяца Іюня. Снять и погубить сіе гнѣздо, или все собраніе сихъ гнѣздъ, бывающихъ на яблоняхъ, значитъ изтребить хрисалидъ, предупредить рожденіе и полетъ или усилія бабочекъ, носку яицъ и повсягодное размноженіе гусеницъ. И такъ, чтобы изтребить точно гусеницъ, надобно дожидаться перваго ихъ превращенія, надобно напасть на нихъ тогда, когда они безъ всякаго движенія и защиты; гнѣзда сіи, находящіяся на толстыхъ сучьяхъ или на развилинахъ яблоней, легко можно достать; а доставши сожигаютъ, или, что хотятъ, съ ними дѣлаютъ.

Нѣкоторые еще предлагаютъ для изтребленія гусеницъ изтреблять бабочекъ: но какъ это можно? вотъ что надобно сдѣлать. Въ различныхъ мѣстахъ садовъ разставить должно муравленые горшки, кои покрыть въ половину тоненькими прутиками въ видѣ полукружія; въ сію покрышку натыкать разныхъ цвѣтовъ, и каждой день прутики и цвѣточки намазывать клеемъ: бабочки налетятъ туда во мно-

множествѣ, а запутавшись въ клею и бія крылышками, привлекутъ къ себѣ другихъ. Когда ихъ наберется довольное количество, тогда и можно будетъ ихъ давить, оставляя однако двухъ или трехъ, чтобы они приманивали къ себѣ другихъ. Черезъ нѣсколько времени насѣкомыя сіи уменьшатся. Муравленые горшки употребляютъ для того, чтобы клей, ежели растопится, не пропадалъ по пустому. —

Земляные пауки производятъ также гусеницъ: они охотники бываютъ до меду находящагося на цвѣтахъ, и повреждаютъ плоды. Для изтребленія сихъ насѣкомыхъ надобно взять ножницы, употребляемыя Аменскими садовниками. Ручки у сихъ ножницъ длиною бываютъ сразмѣрны высотѣ, на которой находятся сучьки, кои хочешь обрѣзать. Первая ихъ половинка имѣетъ конецъ кривой, какъ у серпа. Рукоятка у нее съ жолобкомъ. Въ нее утверждаютъ шестъ. Другая половина пряма и широка, а отворяется и затворяется перпендикулярно. Къ низу ея привязываютъ проволоку, посредствомъ которой ножницы открыва-

ваются и закрываются плотно, и тѣмъ начисто отрѣзываютъ сучья. Притомъ потрясая дерево принуждаютъ они падать гусеницъ съ вышнихъ сучковъ на нижнїе.

Кромѣ сего зимою, или при наступленїи весны надобно очищать углы, окошки и пр. въ домахъ, также всѣ дорожки и мѣста въ садахъ, дабы тѣмъ выбросать всѣ паутины и гнѣзда пауковъ.

При семъ надобно не рѣдко поливать висло деревъ водою съ золой, или сажей. Нашедши гнѣзда гусеницъ на развилинахъ сучковъ надобно ихъ давить, какъ сказано выше, и обмывать водою тѣ мѣста, гдѣ они были.

Наконецъ когда дерева начнутъ цвѣсти, надобно подъ каждымъ ставить жаровни съ коровьимъ пометомъ. Дымъ сей прогоняетъ мухъ, пауковъ гусеницъ и пр. и не даетъ имъ вредить деревьямъ и плодамъ. Польза сего куренїя извѣстна. Рѣдко случается, чтобы тѣ, кои окурившись такимъ образомъ лазятъ за медомъ, были жалены пчелами. Дымъ сей не только освобождаетъ деревья отъ насѣкомыхъ, но еще предохраняетъ ихъ, а особ-

ливо

ливо виноградныя отъ небольшихъ морозовъ, случающихся въ началѣ весны.

Г. Карлъ-Іоаннъ Кроншпедъ, у котораго была хорошая вотчина, употреблялъ сей способъ для предохраненія плодоносныхъ своихъ деревъ отъ границъ. Шведская Королевская Академія наукъ и художествъ одобрила сей методъ, которой ежели не совершенно новъ, то по крайней мѣрѣ даетъ новыя свѣдѣнія касательно до нѣкоторыхъ наблюденій.

Г. Кроншпедъ былъ частію къ сему руководствуемъ отвѣтомъ Г. Профессора Вергмана на задачу нѣсколько разъ предлагаемую, касательно до истребленія самыхъ вредныхъ, для плодоносныхъ деревъ, гусеницъ. Въ семъ сочиненіи Г. Бергманъ примѣчаетъ, что гусеница, называемая phabaena brumalis, есть плодовитѣйшая изъ всѣхъ гусеницъ; что самка не летаетъ; что самецъ не уноситъ ее съ собою во время совокупленія, и пр.

Г Кроншпедъ самъ повѣствуетъ объ особенныхъ своихъ наблюденіяхъ и опытахъ. Отъ Сентября до Октября переловилъ онъ нѣсколько тысячь гусеницъ самцовъ и самокъ; а ежели

положить, что каждая самка несетъ до двухъ сотъ пятидесяти яицъ, то перегубилъ онъ ихъ многіе миліоны, кои бы на слѣдующій годъ родились.

Г. Кронштедъ совѣтуетъ Натуралистамъ и экокомамъ стараться, какъ можно, болѣе узнавать Натуральную Исторію сихъ насѣкомыхъ, коихъ не льзя иначе, истребить, какъ при помощи совершеннаго знанія ихъ рода жизни, природы, животныхъ перемѣнъ, и проч. А хотя осы пожираютъ премного гусеницъ, однакожъ и сами причиняютъ много вреда. Оканчивая сію Главу, упомянемъ мы объ одномъ методѣ, какой употребилъ Г. Николасъ, Демонстраторъ Химіи медицинскаго Нансійскаго Факультета, для истребленія летающихъ по полямъ.

Въ 1779 году было толикое множество сихъ насѣкомыхъ въ публичныхъ садахъ около Нанси, что начали опасаться, какъ бы они не померли всѣ вдругъ отъ недостатка пищи, или отъ ненастья, или отъ другой какой нибудь причины, и тѣмъ не повредили воздухъ, отъ чего можетъ послѣдовать какая нибудь зараза, похожая на моровую язву. Количество ихъ было

ло столь необычайно, что шестнатцать человѣкъ перебили ихъ въ одинъ день столько, что наполнили нѣсколько четвертей.

„Примѣтивъ, говоритъ Г. Николасъ, что при возхожденіи солнца гусеницы слазили съ деревъ и оставались неподвижны подлѣ ихъ, или уходили въ нѣкоторыя гнѣзда, вздумалъ я, что могу легко истребить ихъ, не подвергая работниковъ никакой опасности, и тамъ приготовилъ курительной порошокъ, которой состоялъ изъ трехъ четвертей или долей сѣры и селитры, да изъ одной мягчительныхъ травъ. Разславши соломы около деревъ, на коихъ были гусеницы, разсыпалъ я по ней порошокъ и зажегъ. Ясное пламя, произходящее отъ соломы и летучей сѣрной кислоты, принуждало гусеницъ падать въ огонь, гдѣ всѣ они и погибали; между тѣмъ, какъ несильной сей огонь горѣлъ, одинъ человѣкъ отрывалъ отъ сучьевъ шестикомъ старыя гнѣзда, кои тудаже падали; послѣ чего вырывши яму подлѣ деревъ, зарывали туда полусгорѣвшихъ сихъ насѣкомыхъ.

„Черезъ нѣсколько дней по причинѣ наставшаго ненастья принуждены мы были остановить свою работу; а десятаго Іюля опять за нее принялись; но тогда уже больше не находили гусеницъ на деревьяхъ; одни изъ нихъ расползлись въ гнѣзда для превращенія, другія въ мохъ; наконецъ нашли мы ихъ великое множество превратившихся въ хрисалидъ въ землѣ, глубиною въ дюймъ. Я велѣлъ вскопать всю землю около деревъ, чтобъ найти гнѣзда, и разсыпалъ сверьху порошку; потомъ покрывши все соломою, зажегъ; между тѣмъ перерывали опять землю, дабы ни одного гнѣзда не осталось.

„И такъ шестнатцать человѣкъ, трудившись только одиннатцать дней, истребили всѣхъ гусеницъ, бывшихъ въ великомъ множествѣ на всѣхъ деревахъ въ цѣлыхъ двухъ публичныхъ садахъ, или рощахъ, занимавшихъ около четырехъ сотъ десятинъ. Изъ чего видно, что трудъ сей не столько скученъ и продолжителенъ, какъ-то можно бы подумать. Желательно, чтобы содержатели лѣсовъ, въ коихъ деревья, стоящія на краю, больше всѣхъ подвержены ненасытимости гусеницъ, упо-

употребляли такой же способъ: тогда-то можно бы было во все избавиться отъ сихъ злотворныхъ насѣкомыхъ.

„Симъ порошкомъ можно также окуривать и всѣ плодоносныя деревья въ садахъ, дѣлая на то нарочныя жаровни. Куренїе сїе можетъ изтребить всѣхъ же насѣкомыхъ, какого бы роду они ни были, потому что какъ скоро они попадаютъ на землю, то и можно ихъ будетъ давить, или жечь, а особливо, когда имъ разбѣгаться, такъ какъ угорѣлымъ, будетъ трудно „

ГЛАВА XXXIX.

О насѣкомыхъ вообще.

Можно бы было учинить безчисленное множество наблюденїй въ разсужденїи насѣкомыхъ: но какъ главная наша цѣль есть та, чтобъ отъ нихъ только предохраниться, то трудъ сей и оставляемъ Физикамъ и Натуралистамъ, а упомянемъ теперь еще о различныхъ способахъ, кои употребляютъ сїи животныя для укрытїя себя отъ зимы.

1) Они остаются во всю зиму безъ движенія, такъ что ежели перенесть ихъ изъ того мѣста, гдѣ укрылись въ прошлое лѣто, на другое, то перейти туда опять не могутъ: но естьли ихъ не много отогрѣть, тогда они начинаютъ двигаться, и не прежде успокоятся, какъ когда найдутъ такое мѣсто, гдѣ холодъ воздуха, приведши тѣло ихъ опять въ нечувствіе, воспрепятствуетъ двигаться. Сія остановка движенія, или сей покой не всѣмъ насѣкомымъ свойственъ. Пчелы отворяютъ и затворяютъ двери у жилищъ своихъ и зимою, и самой сильной морозъ не препятствуетъ имъ искать пищи для птенцовъ своихъ, коихъ тогда воспитываютъ; по сей-то причинѣ видимъ мы птенцовъ ихъ въ началѣ весны, и содержатели пчелъ говорятъ, что молодыя пчелы показываются вмѣстѣ съ ласточками.

2) Они пребываютъ въ видѣ червей не только въ землѣ и на землѣ, въ разщелинахъ деревъ, между листьями и въ плодахъ, но и въ водѣ, въ которой находятъ ихъ замерзшими и безъ всякаго движенія. При всемъ томъ удивательно то, что сіи насѣкомыя

имѣ-

имѣютъ сложеніе гораздо крѣпче, будучи въ видѣ червяковъ, нежели послѣ ихъ превращенія, когда сдѣлаются способными производить себѣ подобныхъ: по сей то-причинѣ водяной червь, изъ котораго бываетъ однодневная, или одинъ день живущая муха, столь крѣпокъ и силенъ, что будучи проколотъ булавкою, живетъ еще нѣсколько дней, вмѣсто того, что послѣ своего превращенія, не будучи вредимъ ничѣмъ, не можетъ жить долѣе однихъ сутокъ.

3) Когда насѣкомыя сіи не могутъ найти удобнаго для естественнаго своего сложенія мѣста, то сколькобъ они сильны ни были, тотчасъ умираютъ. Сіе ясно можемъ мы видѣть на червяхъ, находящихся въ орѣхахъ; ибо естьли не посадить ихъ въ мокрой песокъ, въ коемъ кроются они всю зиму, то умираютъ въ одну ночь. На воздухѣ такъ они крѣпнутъ и сохнутъ, что можно превратить въ пыль. Тожъ случается съ червями, коихъ находятъ въ листьяхъ: однако они не копаютъ себѣ въ землѣ норъ, а только прядутъ нѣкоторой пушокъ,

кото-

которой служить имъ оболочкою и защищаетъ ихъ отъ зимней стужи.

4) Есть насѣкомыя, кои живутъ также и въ водѣ, не употребляя никакой пищи цѣлые три мѣсяца: по сейто причинѣ и нѣтъ у нихъ въ то время никакихъ испражненій, потому что не принимая никакой пищи не имѣютъ ничего излишняго.

5) Наконецъ сіи малыя животныя живутъ заключены въ своихъ яицахъ, въ коихъ удерживаютъ видъ куколки.

Иногда примѣчаютъ на овцахъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кои грызутъ у нихъ кожу. Для истребленія сихъ надобно взять унцъ порошку изъ кленоваго корня; варить его въ фунтѣ воды; и когда отваръ простынетъ, то и мыть у сихъ животныхъ тѣ мѣста, въ коихъ примѣтишь сихъ насѣкомыхъ.

Для удаленія съ поля нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, надобно набрать разныхъ травъ и смѣшать ихъ съ соломою. Собравъ все въ кучу на концѣ поля противъ вѣтру надобно зажечь; дымъ сей разсѣется отъ вѣтру по всему полю. Должно знать, чтобъ травы были не очень сухи, а только чтобы не гасили огня.

огня, котораго дымъ долженъ произвесть желаемое дѣйствіе. Тотчасъ насѣкомыя удаляются съ поля.

Одинъ Англійской земледѣлецъ публиковалъ слѣдующій методъ, служащій для прогнанія мухъ и другихъ насѣкомыхъ съ хлѣба: когда показываться начнутъ колосья, то надобно взять двумъ человѣкамъ по два помела, состоящихъ изъ бузинныхъ сучьевъ и листьевъ, и вставши поутру, когда еще роса не высохнетъ, итти въ поле. Каждой изъ нихъ ставши рядомъ въ двухъ бороздахъ, должны итти вдоль бороздъ, и обметать колосья своими помелами или метлами, держа ихъ по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ прошедши все поле, обметутъ хлѣбъ, и притомъ оставятъ на немъ горькой бузиновой запахъ, которой удалитъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ.

А чтобы мухи не безпокоили коровъ или другаго скота, то около глазъ ихъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они садятся, мажутъ ихъ слѣдующею мазью; взять сабуру, райскихъ яблокъ, воловьей желчи, руты и ладану; все это смѣшавши варить въ маслѣ и уксу-

уксусѣ. Сваривши хорошенько вылить въ особливой горшечикъ и хранить до случая. Говорятъ, что мазь сія производитъ удивительныя дѣйствія.

Осъ, поѣдающихъ плоды, можно ловить удобно въ бутылки, наливая ихъ сытою.

Для истребленія червей въ житницахъ, также блохъ, клоповъ и нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ употребляютъ воду, въ которой разведенъ будетъ купоросъ. —

Конецъ.